

9-й годъ изданія.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КНИЖНЫЙ ФОНД.

1487

ВѢСТНИКЪ ГЕОСОФІИ

№ 1

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

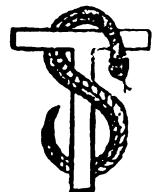
(Нѣтъ религии выше истины).

7 января.

ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

№ 1.

Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О., Волховской пер., 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

на религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религіи, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, въ психологию и др. отраслямъ знанія;
- 2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другяxъ родственныxъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;
- 3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;
- 4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;
- 5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;
- 6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа cadaго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Каменской и Ц. Л. Гельмбольдтъ, при участіи г-жи А. Безантъ, *Alba, H. Ананьевой, П. Н. Батюшкова, А. А. Веселовской, М. Ф. Гардениной, А. В. Гардери, Н. К. Гернетъ, С. В. Герье, д-ра В. В. Гинце, Даны, Е. Дандре, А. А. Каменской, М. А. Каменской, А. В. Ковольковой, Е. М. Кузьмина, В. М. Далетина, К. К. Латынина, Е. Лубны-Герцукъ, Ю. Ф. Львовой, И. В. Манциарли, А. Г. Молокина, В. А. Молокиной, Н. Н. Павлиновой, Е. Ф. Писаревой (Е. П.), В. Н. Пушкиной, В. И. Рудичъ, М. М. Самохвалова, М. К. Станюковичъ, Д. В. Страндена, С. В. Татариновой, П. И. Тимофеевскаго, Л. М. Тичъ, Н. А. Трофименко (Дмитріевой), А. В. Уиковской, О. М. Фаминциной, Н. И. Эрасси, Эссель и др.*

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Тайная Доктрина“, Е. П. Блаватской, (Извлеченія). „Оккультная химія“, А. Безантъ. „Эзотерическое христіанство“, А. Безантъ (извлеченія). „Скрижали достовѣрности“, Бза-Улла. „Книга Учителя“, Адамса. Статьи по оккультизму, Ч. Ледбитера. „Чему мы будемъ учить“, С. Джинараджадаза. „Воспоминанія“, А. Уиковской. „Вѣянія Египта“, Ч. Ледбитера. „Орфическіе гимны“, пер. съ греческаго, Н. Павлиновой. „Письма къ читателю“, „Друга читателя“. Кромѣ того пойдетъ рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ сравнительнаго изученія религіи, педагогики, философіи, искусства и др. отдѣламъ.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Цѣна 6 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи, за 6 мѣсяцевъ — 3 руб. 50 коп., за 3 мѣсяца — 2 руб. 20 к. Отдѣльный № 75 к. За перемѣну адреса городского на городской—20 к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—60 к.

Подписка за границу принимается только годовая: цѣна 10 руб.

Подписка для иногороднихъ только черезъ Контору Редакціи.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (Петроградъ, Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботы и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня, а также во всехъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1916 года.

По дѣламъ редакціи надательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати шесть первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“. № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. № 5. Законы высшей жизни. № 6. Жизнь послѣ смерти. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникъ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкой журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

Заявленія о неполученіи очереднаго № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна съ пересылкой по 7 рублей за каждый годъ.**

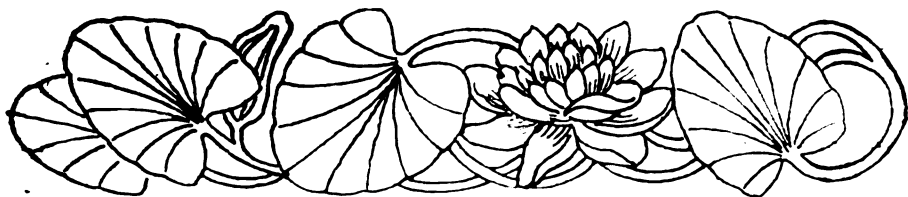
СОДЕРЖАНІЕ

январьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

	СТР.
1. Храмъ незримый, Н. Т.	7
2. На сторожевомъ посту, А. Каменской	8
3. Чему мы будемъ учить, С. Джинараджадаса, пер. Е. П.	18
4. Подъемъ молодости, Шудра	21
<i>Отдѣлъ художественный и биографическій.</i>	
5. Призваніе духа, А. Веселовской.	33
6. Воспоминанія, А. Унковской.	34
7. Credo, С. Равнъ, пер. съ норв. Г. Л.	45
8. Ключъ отъ часовни, пер. съ франц. В. Рохлиной.	46
<i>Отдѣлъ сравнительнаго изученія религій.</i>	
9. Орфическіе гимны, пер. съ греч. Н. Павлиновой	49
10. Скрижали Учителя или египетское ученіе о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы, В. Адамса, пер. В. Пушкиной	52
<i>Отдѣлъ оккультизма.</i>	
11. Невидимый міръ и Оккультизмъ, А. Каменской	65
12. Послѣ смерти, Ч. Ледбитера, пер. Е. Р.	77
13. Письма живого усопшаго, Э. Баркеръ, пер. Е. П.	86
-----	
14. Обзорніе теософической литературы, В. Пушкиной	96
15. Хроника теософическаго движенія, А. Ва	103
16. Вопросы и отвѣты. Ключъ къ Теософіи, Е. П. Блават- ской.	106
17. Отзвы о книгахъ, А. Каменской.	108
18. Алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ „Вѣст- никъ Теософіи“ за 1915 г.	111
19. Изреченія христіанскихъ мистиковъ.	

SOMMAIRE DU N^o de JANUIERE.

	Pages.
1. Temple invisible, N. T.	7
2. A l'avant-poste, A. Kamensky.	8
3. Ce que nous allons enseigner, S. Djinaradjadasa	13
4. L'élan de la jeunesse, Shudra	21
<i>Biographies et lettres.</i>	
5. Inovection de l'Esprit, A. Vesselovsky	38
6. Réminiscences, A. Ounkovsky.	34
7. Credo, S. Ravn, tr. du norvégien par G. L.	45
8. Clé de la chapelle, tr. du français par V. Rochlin.	46
<i>Etude comparée des religions.</i>	
9. Hymnes d'Orphée, tr. du grec par N. Pavlinoff	49
10. Le livre du Maître, V. Adams, tr. par V. Pushkine	52
<i>Occultisme.</i>	
11. Le monde invisible et l'Occultisme, A. Kamensky.	65
12. Après la mort, C. Leadbeater	77
13. Lettres d'un mort vivant, E. Barker.	86
14. Revue de la littérature théosophique, B. Pushkine	96
15. Chronique du mouvement, Alba.	103
16. Questions et réponses (Clé de la Théosophie, H. Blavatsky).	106
17. Bibliographie, Alba	108
18. Index alphabétique du Messager de la Théosophie pour 1915.	111
19. Aphorismes lirés de écritures des quelques mystiques chrétiens.	

Храмъ незримый.

Я долго шель, и ждалъ я много,
Изъ крѣпкихъ стѣнъ алтарь я строилъ,
Для встрѣчи истиннаго Бога
Я сердце чистое устроилъ.
И Онъ явился мнѣ, въ тиши
Меня, тоскующаго, встрѣтилъ,
На пѣснь зовущую души
Онъ пѣсню вѣщею отвѣтилъ.
То былъ не голосъ, не слова,
Душа душъ безъ словъ сказала.
Шумѣла листьями трава,
Въ весенней нѣгѣ трепетала...
„Дитя, во всемъ узнай меня:
„Во тьмѣ ночной и въ свѣтѣ дня.
„Я есмь Огонь, ты Сынъ Огня,
„Въ сокрытой тайнѣ зри Меня.
„Въ улыbkѣ устъ, въ слезахъ очей,
„Въ душѣ тоскующей твоей,
„Въ прозрачномъ воздухѣ весны
„И въ брызгахъ утренней волны.
И я спросилъ: но гдѣ же храмъ,
Гдѣ храмъ Твой вѣчный во вселенной?
„Мой храмъ повсюду: здѣсь и тамъ—
„Одинъ, и вѣчный и нетлѣнный.
„Его своимъ ты назови,
„Для всѣхъ открыть Мой храмъ просторный,
„А сердце, полное любви,—
„Въ немъ Мой Алтарь нерукотворный“.

Н. Т.

На сторожевомъ посту.

„Война ведется за выборъ основныхъ путей чловѣческаго духа“ ¹⁾.

В. Иванко.

Годъ тому назадъ многимъ казалось, что надвинувшееся на насъ стихійное бѣдствіе, война, должна скоро прекратиться, и что новый годъ родится вмѣстѣ съ миромъ. Но вотъ уже наступаетъ 1916 г., и мы все еще не знаемъ сколько времени продлится гроза. Испытанія приумножаются, событія осложняются новыми общественными переживаниями, и темпъ жизни такъ безумно ускоряется, что кажется—дни и недѣли уже не бѣгутъ, а мчатся въ какомъ-то головокружительномъ потокѣ, который уноситъ насъ, не давая времени передохнуть и оглядѣться. И среди этого вихря—какія-то томительныя паузы мертваго, застывшаго ожиданія... Что будетъ дальше? Какъ развернется слѣдующій актъ міровой драмы? Чѣмъ закончится послѣдняя картина? Къ чему она, наконецъ, всѣхъ насъ приведетъ? Всѣ эти вопросы тревожно живутъ въ сознаніи современнаго чловѣка, который волею судьбы сталъ свидѣтелемъ одного изъ величайшихъ міровыхъ кризисовъ, которые когда-либо наступали на землѣ.

Мы не знаемъ, когда и какимъ послѣднимъ видимымъ событіемъ закончится эта страшная война. Мы не можемъ сказать, въ какой именно моментъ наступитъ переломъ въ международномъ кризисѣ, и въ какой формѣ намъ будетъ дано привѣтствовать наступленіе новой эры. Но мы всѣ чувствуемъ, что мы под-

¹⁾ Русская Мысль, XII, 1914 г.

ходимъ къ кульминаціонной точкѣ великой драмы, что за нею насъ ждетъ важный моментъ развязки, а за нею наступленіе эры свѣтлаго строительства, полной самыхъ высокихъ надеждъ и прекрасныхъ возможностей. Мы знаемъ, что люди уже будутъ не тѣ, что теперь, ибо горнило страданія и свѣтъ подвига наложили на нихъ свою незабвенную печать и преображеніе; они вступятъ въ раскрывающіяся врата новой жизни. Много говорятъ объ этой будущей жизни, много мечтаютъ о той культурѣ, которая родится на пепелищѣ изжитой цивилизаціи, и ученія Теософіи о грядущей расѣ и грядущемъ расцвѣтѣ человѣчества становятся все болѣе понятными, близкими и реальными для насъ. Конечно, скептики сомнѣваются. Они отрицаютъ рожденіе новаго типа культуры, построеннаго не на соревнованіи и самоутвержденіи, а на братствѣ. Они думаютъ, что дѣйствительность разобьетъ эти несбыточные мечты, и что идеалистамъ придется отказаться отъ осуществленія своихъ пламенныхъ надеждъ. Они говорятъ: гдѣ та почва, на которой могла бы взойти такая сказочная культура? гдѣ та страна, которая могла бы дать народъ, далекій отъ честолюбивыхъ и страстныхъ вождельній современнаго культурнаго человѣка?

Но скептики упускаютъ изъ виду то главное, на чемъ выросли эти мечты. Ихъ вниманіе приковано къ смѣняющимся и разбивающимся формамъ, за которыми они не умѣютъ видѣть единую, непрерывную и вѣчно обновляющуюся жизнь. А между тѣмъ, именно, эта жизнь, выросшая изъ узкихъ своихъ одеждъ, вѣчно строитъ новыя, болѣе гибкія и прекрасныя формы. Духъ владѣетъ ключами жизни и смерти. Онъ—Огонь-разрушитель; онъ же и огонь созидающій и воскрешающій. Безъ него самыя великолѣпныя формы будутъ мертвы; съ нимъ—самыя большія потрясенія, разбивающія миллионы формъ, не страшны. Все дѣло въ одномъ: есть ли въ человѣкѣ этотъ духъ живой? Раскрывается ли онъ навстрѣчу Духу Божьему? Готовъ ли онъ работать на нивѣ міровой въ согласіи съ планомъ, начертаннымъ самимъ Логосомъ? Если нѣтъ, если люди остались глухи и слѣпы къ призыву свыше, и если страданія прошли по ихъ душѣ, не омывъ и не углубивъ ее, тогда дѣйствительно намъ можетъ быть жутко; тогда нѣтъ почвы для нашихъ надеждъ. Но если очищеніе и углубленіе происходятъ въ душѣ народовъ, если горнило страданія заставляетъ учащенно биться ихъ сердце и работать ихъ совѣсть, тогда мы можемъ не тревожиться за будущее: силы небесныя вольются свѣтлой волной въ душу обновленныхъ лю-

дей, и міръ увидитъ цивилизацію, небывалую еще по благородной красотѣ и великолѣпію...

Есть признаки, что этотъ процессъ совершается въ душѣ человѣчества, и что поистинѣ міръ уже начинаетъ свое преобразование на нашихъ глазахъ. То здѣсь, то тамъ, среди стонувъ потрясенныхъ стихій раздается аккордъ небывалой мощи и красоты. На снѣжныхъ равнинахъ съ убогимъ крестомъ надъ братскими могилами расцвѣтають новые, таинственные цвѣты, и въ воздухѣ проносится среди бушующей мятели какъ бы далекой, чудной благовѣсть... И въ дивныхъ голосахъ слышится новая нота, полная глубокихъ чаяній. Изумительны въ этомъ отношеніи письма, которыя приходятъ съ фронта, отъ людей, стоящихъ ежечасно передъ лицомъ смерти. Эти письма отражаютъ титаническую работу духа, пробивающаго себѣ среди ледяныхъ горъ стремнину новой жизни и несущаго въ долину горнюю силу обновленія.

...„Ночь, лѣсъ, дождь, — пишеть одинъ изъ ушедшихъ на войну братьевъ,—и такая тьма, что не видишь головы собственной лошади. Пѣшкомъ нельзя—ноги вязнуть по щиколку; верхомъ опасно — того и гляди наткнешься на сукъ... Стало еще безотраднѣе отъ встрѣчи съ бѣженцами, которыхъ то и дѣло косить холера... Почта доходитъ какъ попало. Газетъ нѣтъ, попадаютъ урывками. И, несмотря на все это, настроеніе бодрое, свѣтлое... Чувствую себя въ школьной страдѣ, не только каждый день,—каждый часъ и каждая минута несутъ съ собой цѣнный урокъ. Чувствую, что все происходящее,—глубже, серьезнѣе, трагичнѣе и цѣннѣе, чѣмъ думали въ началѣ, и что поворотная точка еще не пройдена. Кругомъ море страданія, но съ нимъ растетъ и великая наука любви, примѣры которой попадаютъ на каждомъ шагу. Растетъ сознательность, растетъ самодѣятельность. Научаются жить внѣ обычныхъ складывающихся въ привычку условій. Научаются себя не жалѣть и жалѣть всякаго, научаются даже быть терпимыми къ несправедливости. Да, мы всѣ послѣ этого должны всѣмъ міромъ перейти на какую-то новую ступень... Всего, всего хорошаго! Когда-то уластятъ побывать среди своихъ... Да будетъ свѣтло“!..

...„Трудное время,—пишетъ мать семейства, которой пришлось оставить имѣніе и насиженное гнѣздо, чтобы ѣхать съ дѣтьми въ глубь Россіи,—вотъ испытаніе довѣрія и внутренняго спокойствія... Какъ я невыразимо благодарна Теософіи... У меня въ это тяжелое время есть опора, есть на чѣмъ стоять,

и ясный спокойный свѣтъ увѣренности горитъ въ душѣ, и знаю, гдѣ искать помощи и гдѣ черпать силы... Да охранять всѣхъ дорогихъ друзей Свѣтлыя Силы!"

...„Каждый разъ,—пишетъ другой братъ, весь ушедшій въ горячую общественную работу,—когда проблема свободы человѣка становится передо мною въ яркомъ свѣтѣ, я ощущаю глубокий восторгъ, чувство радостнаго восторга. И это радостное чувство заставило меня произнести въ прошломъ письмѣ слово „величіе жизни“. „Я не могу придумать другихъ словъ, которыя такъ же ярко выражали бы творческое стремленіе свободнаго человѣка, радостно берущаго въ свои руки внутреннее строительство. Мнѣ кажется, что только теперь я съ достаточной полнотой вижу, что человѣкъ дѣйствительно свободенъ создавать себя по заранѣе принятому плану... Скоро мнѣ придется являться къ отбыванію воинской повинности“...

Бодро и увѣренно звучатъ эти голоса братьевъ, попавшихъ въ самые страшные вихри налетѣвшей бури; ясно видятъ они за бурю раскрывающіяся свѣтлыя дали; всѣмъ существомъ своимъ чувствуютъ они внутреннее значеніе событій, совершающихся на видимомъ планѣ и потрясающихъ міръ. Они правы, ибо съ новымъ сознаниемъ рождается и новый человѣкъ, который несетъ съ собою обновленіе всей жизни. Поистинѣ, во всемъ мірѣ идетъ сейчасъ великій выборъ „основныхъ путей человѣческаго духа“, и по тому, въ какую сторону этотъ выборъ склоняется, мы можемъ предвидѣть величіе грядущей культуры, которая рождается среди дыма пожаровъ и ужаса разрушеній.

* * *

Съ фронта пришло съ письмомъ стихотвореніе Е. Кузьмина, посвященное сестрѣ милосердія, матери четырехъ сыновей, которые всѣ сейчасъ ушли на войну и сражаются. Съ его разрѣшенія я даю здѣсь эти вылившіяся изъ души пламенныя строки:

МНОГИМЪ.

(Посвящается А. Я. Прейсѣ).

Раскрытые глаза беззвучно вопрошаютъ,
И гнѣвомъ скованы сомкнутыя уста...
Тебѣ ль не гнѣвной быть! Хаоса злая мгла
На міръ испуганный неожиданно налегла
И стиснула его въ объятіяхъ кровавыхъ.

Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О., Волховской пер., 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

на религиозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному наученію религій, оккультизму, наслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологін и др. отраслямъ знанія;
- 2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;
- 3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;
- 4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;
- 5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологін и др.;
- 6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей **А. А. Каменской** и **Ц. Л. Гельмбольдтъ**, при участіи г-жи **А. Безантъ**, **Alba**, **Н. Ананьевой**, **П. Н. Батюшкова**, **А. А. Веселовской**, **М. Ф. Гардениной**, **А. В. Гардера**, **Н. К. Гернетъ**, **С. В. Герзе**, д-ра **В. В. Гинце**, **Данн**, **Е. Дандре**, **А. А. Каменской**, **М. А. Каменской**, **А. В. Козольковой**, **Е. М. Кузьмина**, **В. М. Лалетина**, **К. К. Латинина**, **Е. Лубны-Герцыхъ**, **Ю. Ф. Львовой**, **И. В. Манціарли**, **А. Г. Молокина**, **В. А. Молокиной**, **Н. Н. Павлиновой**, **Е. Ф. Писаревой (Е. П.)**, **В. Н. Пушкиной**, **В. И. Рудичъ**, **М. М. Самохвалова**, **М. К. Станюковичъ**, **Д. В. Страндена**, **С. В. Татариновой**, **П. И. Тимофеевскаго**, **Л. М. Тицъ**, **Н. А. Трофименко (Дмитріевой)**, **А. В. Унковской**, **О. М. Фаминцкой**, **Н. И. Эрасси**, **Эссель** и др.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Тайная Доктрина“, **Е. П. Блаватской**, (Извлеченія). „Оккультная химія“, **А. Безантъ**. „Эзотерическое христіанство“, **А. Безантъ** (извлеченія). „Скрижали достовѣрности“, **Бза-Улла**. „Книга Учителя“, **Адамса**. Статьи по оккультизму, **Ч. Ледбитера**. „Чему мы будемъ учить“, **С. Джинараджадаза**. „Воспоминанія“, **А. Унковской**. „Вѣянія Египта“, **Ч. Ледбитера**. „Орфическіе гимны“, пер. съ греческаго, **Н. Павлиновой**. „Письма къ читателю“, „Друга читателя“. Кромѣ того пойдетъ рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ сравнительнаго наученія религій, педагогикѣ, философіи, искусства и др. отдѣламъ.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (Іюнь и Іюль) журналъ не выходитъ.

Цѣна 6 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи, за 6 мѣсяцевъ — 3 руб. 50 коп., за 3 мѣсяца — 2 руб. 20 к. Отдѣльный № 75 к. За перемѣну адреса городского на городскую — 20 к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городскую — 60 к.

Подписка за границу принимается только годовая: цѣна 10 руб.

Подписка для иногороднихъ только черезъ Контору Редакціи.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (Петроградъ, Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1916 года.

По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати шесть первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“. № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. № 5. Законы высшей жизни. № 6. Жизнь послѣ смерти. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникъ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.

Заявленія о неполученіи очереднаго № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемая по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Цѣна съ пересылкой по 7 рублей за каждый годъ.

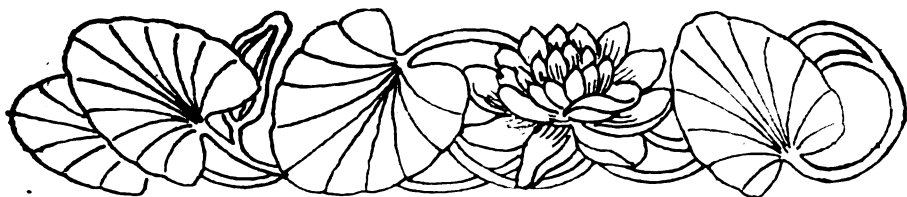
СОДЕРЖАНІЕ

январьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

	стр.
1. Храмъ незримый, Н. Т.	7
2. На сторожевомъ посту, А. Каменской	8
3. Чему мы будемъ учить, С. Джинараджадаса, пер. Е. П.	18
4. Подъемъ молодости, Шудра	21
<i>Отдѣлъ художественный и біографическій.</i>	
5. Призываніе духа, А. Веселовской.	33
6. Воспоминанія, А. Унковской.	34
7. Stedo, С. Равнъ, пер. съ норв. Г. Л.	45
8. Ключъ отъ часовни, пер. съ франц. В. Рохлиной.	46
<i>Отдѣлъ сравнительнаго изученія религій.</i>	
9. Орфическіе гимны, пер. съ греч. Н. Павлиновой	49
10. Скрижали Учителя или египетское ученіе о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы, В. Адамса, пер. В. Пушкиной	52
<i>Отдѣлъ оккультизма.</i>	
11. Невидимый міръ и Оккультизмъ, А. Каменской	65
12. Послѣ смерти, Ч. Ледбитера, пер. Е. Р.	77
13. Письма живого усопшаго, Э. Баркеръ, пер. Е. П.	86
-----	
14. Обзорніе теософической литературы, В. Пушкиной	96
15. Хроника теософическаго движенія, А. Ва	103
16. Вопросы и отвѣты. Ключъ къ Теософіи, Е. П. Блават- ской	106
17. Отзывы о книгахъ, А. Каменской.	108
18. Алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ „Вѣст- никъ Теософіи“ за 1915 г.	111
19. Изреченія христіанскихъ мистиковъ.	

SOMMAIRE DU N^o de JANUIERE.

	Pages.
1. Temple invisible, N. T.	7
2. A l'avant-poste, A. Kamensky.	8
3. Ce que nous allons enseigner, S. Djinaradjadasa	13
4. L'élan de la jeunesse, Shudra	21
<i>Biographies et lettres.</i>	
5. Inovection de l'Esprit, A. Vesselovsky	38
6. Réminiscences, A. Ounkovsky.	34
7. Credo, S. Ravn, tr. du norvégien par G. L.	45
8. Clé de la chapelle, tr. du français par V. Rochlin.	46
<i>Etude comparée des religions.</i>	
9. Hymnes d'Orphée, tr. du grec par N. Pavlinoff	49
10. Le livre du Maître, V. Adams, tr. par V. Pushkine	52
<i>Occultisme.</i>	
11. Le monde invisible et l'Occultisme, A. Kamensky.	65
12. Après la mort, C. Leadbeater	77
13. Lettres d'un mort vivant, E. Barker.	86
-----	
14. Revue de la littérature théosophique, B. Pushkine	96
15. Chronique du mouvement, Alba.	103
16. Questions et réponses (Clé de la Théosophie, H. Blavatsky)	106
17. Bibliographie, Alba	108
18. Index alphabétique du Messenger de la Théosophie pour 1915.	111
19. Aphorismes lirés de écritures des quelques mystiques chrétiens.	

Храмъ незримый.

Я долго шель, и ждалъ я много,
Изъ крѣпкихъ стѣнъ алтарь я строилъ,
Для встрѣчи истиннаго Бога
Я сердце чистое устроилъ.
И Онъ явился мнѣ, въ тиши
Меня, тоскующаго, встрѣтилъ,
На пѣснь зовущую души
Онъ пѣсню вѣщею отвѣтилъ.
То былъ не голосъ, не слова,
Душа душъ безъ словъ сказала.
Шумѣла листьями трава,
Въ весенней нѣгѣ трепетала...
„Дитя, во всемъ узнай меня:
„Во тьмѣ ночной и въ свѣтѣ дня.
„Я есмь Огонь, ты Сынъ Огня,
„Въ сокрытой тайнѣ зри Меня.
„Въ улыбкѣ устъ, въ слезахъ очей,
„Въ душѣ тоскующей твоей,
„Въ прозрачномъ воздухѣ весны
„И въ брызгахъ утренней волны.
И я спросилъ: но гдѣ же храмъ,
Гдѣ храмъ Твой вѣчный во вселенной?
„Мой храмъ повсюду: здѣсь и тамъ—
„Одинъ, и вѣчный и нетлѣнный.
„Его своимъ ты назови,
„Для всѣхъ открыть Мой храмъ просторный,
„А сердце, полное любви,—
„Въ немъ Мой Алтарь нерукотворный“.

Н. Т.

На сторожевомъ посту.

„Война ведется за выборъ основныхъ путей чловѣческаго духа“¹⁾.

В. Иванко.

Годъ тому назадъ многимъ казалось, что надвинувшееся на насъ стихійное бѣдствіе, война, должна скоро прекратиться, и что новый годъ родится вмѣстѣ съ миромъ. Но вотъ уже наступаетъ 1916 г., и мы все еще не знаемъ сколько времени продлится гроза. Испытанія приумножаются, событія осложняются новыми общественными переживаниями, и темпъ жизни такъ безумно ускоряется, что кажется—дни и недѣли уже не бѣгутъ, а мчатся въ какомъ-то головокружительномъ потокѣ, который уноситъ насъ, не давая времени передохнуть и оглядѣться. И среди этого вихря—какія-то томительныя паузы мертваго, застывшаго ожиданія... Что будетъ дальше? Какъ развернется слѣдующій актъ міровой драмы? Чѣмъ закончится послѣдняя картина? Къ чему она, наконецъ, всѣхъ насъ приведетъ? Всѣ эти вопросы тревожно живутъ въ сознаніи современнаго чловѣка, который волею судебъ сталъ свидѣтелемъ одного изъ величайшихъ міровыхъ кризисовъ, которые когда-либо наступали на землѣ.

Мы не знаемъ, когда и какимъ послѣднимъ видимымъ событіемъ закончится эта страшная война. Мы не можемъ сказать, въ какой именно моментъ наступитъ переломъ въ международномъ кризисѣ, и въ какой формѣ намъ будетъ дано привѣтствовать наступленіе новой эры. Но мы всѣ чувствуемъ, что мы под-

¹⁾ Русская Мысль, XII, 1914 г.

ходимъ къ кульминаціонной точкѣ великой драмы, что за нею насъ ждетъ важный моментъ развязки, а за нею наступленіе эры свѣтлаго строительства, полной самыхъ высокихъ надеждъ и прекрасныхъ возможностей. Мы знаемъ, что люди уже будутъ не тѣ, что теперь, ибо горнило страданія и свѣтъ подвига наложили на нихъ свою незабвенную печать и преображеніе; они вступятъ въ раскрывающіяся врата новой жизни. Много говорятъ объ этой будущей жизни, много мечтаютъ о той культурѣ, которая родится на пепелищѣ изжитой цивилизаціи, и ученія Теософіи о грядущей расѣ и грядущемъ расцвѣтѣ челоѳчества становятся все болѣе понятными, близкими и реальными для насъ. Конечно, скептики сомнѣваются. Они отрицаютъ рожденіе новаго типа культуры, построеннаго не на соревнованіи и самоутвержденіи, а на братствѣ. Они думаютъ, что дѣйствительность разобьетъ эти несбыточные мечты, и что идеалистамъ придется отказаться отъ осуществленія своихъ пламенныхъ надеждъ. Они говорятъ: гдѣ та почва, на которой могла бы взойти такая сказочная культура? гдѣ та страна, которая могла бы дать народъ, далекій отъ честолюбивыхъ и страстныхъ вождельнѣй современнаго культурнаго челоѳка?

Но скептики упускаютъ изъ виду то главное, на чемъ выросли эти мечты. Ихъ вниманіе приковано къ смѣняющимся и разбивающимся формамъ, за которыми они не умѣютъ видѣть единую, непрерывную и вѣчно обновляющуюся жизнь. А между тѣмъ, именно, эта жизнь, выросшая изъ узкихъ своихъ одеждъ, вѣчно строитъ новыя, болѣе гибкія и прекрасныя формы. Духъ владѣетъ ключами жизни и смерти. Онъ—Огонь-разрушитель; онъ же и огонь созидающій и воскрешающій. Безъ него самыя великолѣпныя формы будутъ мертвы; съ нимъ—самыя большія потрясенія, разбивающія миллионы формъ, не страшны. Все дѣло въ одномъ: есть ли въ челоѳкѣ этотъ духъ живой? Раскрывается ли онъ навстрѣчу Духу Божьему? Готовъ ли онъ работать на нивѣ міровой въ согласіи съ планомъ, начертаннымъ самимъ Логосомъ? Если нѣтъ, если люди остались глухи и слѣпы къ призыву свыше, и если страданія прошли по ихъ душѣ, не омывъ и не углубивъ ее, тогда дѣйствительно намъ можетъ быть жутко; тогда нѣтъ почвы для нашихъ надеждъ. Но если очищеніе и углубленіе происходятъ въ душѣ народовъ, если горнило страданія заставляетъ учащенно биться ихъ сердце и работать ихъ совѣсть, тогда мы можемъ не тревожиться за будущее: силы небесныя волеются свѣтлой волной въ душу обновленныхъ лю-

лей, и міръ увидитъ цивилизацію, небывалую еще по благородной красотѣ и великолѣпію...

Есть признаки, что этотъ процессъ совершается въ душѣ человечества, и что поистинѣ міръ уже начинаетъ свое преобразование на нашихъ глазахъ. То здѣсь, то тамъ, среди стонувъ потрясенныхъ стихій раздается аккордъ небывалой мощи и красоты. На снѣжныхъ равнинахъ съ убогимъ крестомъ надъ братскими могилами расцвѣтають новые, таинственные цвѣты, и въ воздухѣ проносится среди бушующей мятели какъ бы далекій, чудный благовѣсть... И въ дивныхъ голосахъ слышится новая нота, полная глубокихъ чаяній. Изумительны въ этомъ отношеніи письма, которыя приходятъ съ фронта, отъ людей, стоящихъ ежечасно передъ лицомъ смерти. Эти письма отражаютъ титаническую работу духа, пробивающаго себѣ среди ледяныхъ горъ стремнину новой жизни и несущаго въ долину горнюю силу обновленія.

...„Ночь, лѣсъ, дождь, — пишетъ одинъ изъ ушедшихъ на войну братьевъ,—и такая тьма, что не видишь головы собственной лошади. Пѣшкомъ нельзя—ноги вязнуть по щиколку; верхомъ опасно — того и гляди наткнешься на сукъ... Стало еще безотраднѣе отъ встрѣчи съ бѣженцами, которыхъ то и дѣло косить холера... Почта доходитъ какъ попало. Газетъ нѣтъ, попадаютъ урывками. И, несмотря на все это, настроеніе бодрое, свѣтлое... Чувствую себя въ школьной страдѣ, не только каждый день,—каждый часъ и каждая минута несутъ съ собой цѣнный урокъ. Чувствую, что все происходящее,—глубже, серьезнѣе, трагичнѣе и цѣннѣе, чѣмъ думали въ началѣ, и что поворотная точка еще не пройдена. Кругомъ море страданія, но съ нимъ растетъ и великая наука любви, примѣры которой попадаютъ на каждомъ шагу. Растетъ сознательность, растетъ самодѣятельность. Научаются жить внѣ обычныхъ складывающихся въ привычку условий. Научаются себя не жалѣть и жалѣть всякаго, научаются даже быть терпимыми къ несправедливости. Да, мы всѣ послѣ этого должны всѣмъ міромъ перейти на какую-то новую ступень... Всего, всего хорошаго! Когда-то уасться побывать среди своихъ... Да будетъ свѣтло“!..

...„Трудное время,—пишетъ мать семейства, которой пришлось оставить имѣніе и насиженное гнѣздо, чтобы ѣхать съ дѣтьми въ глубь Россіи,—вотъ испытаніе довѣрія и внутренняго спокойствія... Какъ я невыразимо благодарна Теософіи... У меня въ это тяжелое время есть опора, есть на [чемъ] стоять,

и ясный спокойный свѣтъ увѣренности горитъ въ душѣ, и знаю, гдѣ искать помощи и гдѣ черпать силы... Да охранять всѣхъ дорогихъ друзей Свѣтлыя Силы!"

...„Каждый разъ,—пишетъ другой братъ, весь ушедшій въ горячую общественную работу,—когда проблема свободы чело-вѣка становится передо мною въ яркомъ свѣтѣ, я ощущаю глубокой восторгъ, чувство радостнаго восторга. И это радостное чувство заставило меня произнести въ прошломъ письмѣ слово „величіе жизни“. „Я не могу придумать другихъ словъ, которыя такъ же ярко выражали бы творческое стремленіе свободнаго чело-вѣка, радостно берушаго въ свои руки внутреннее строитель-ство. Мнѣ кажется, что только теперь я съ достаточной полно-той вижу, что чело-вѣкъ дѣйствительно свободенъ создавать себя по заранѣе принятому плану... Скоро мнѣ придется являться къ отбыванію воинской повинности“...

Бодро и увѣренно звучатъ эти голоса братьевъ, попавшихъ въ самые страшные вихри налетѣвшей бури; ясно видятъ они за бурей раскрывающіяся свѣтлыя дали; всѣмъ существомъ своимъ чувствуютъ они внутреннее значеніе событій, совершающихся на видимомъ планѣ и потрясающихъ міръ. Они правы, ибо съ но-вымъ сознаниемъ рождается и новый чело-вѣкъ, который несетъ съ собою обновленіе всей жизни. Поистинѣ, во всемъ мірѣ идетъ сейчасъ великій выборъ „основныхъ путей чело-вѣческаго духа“, и по тому, въ какую сторону этотъ выборъ склоняется, мы можемъ предвидѣть величіе грядущей культуры, которая рождается среди дыма пожаровъ и ужаса разрушеній.

* * *

Съ фронта пришло съ письмомъ стихотвореніе Е. Кузьмина, посвященное сестрѣ милосердія, матери четырехъ сыновей, ко-торыя всѣ сейчасъ ушли на войну и сражаются. Съ его раз-рѣшенія я даю здѣсь эти вылившіяся изъ души пламенныя строки:

МНОГИМЪ.

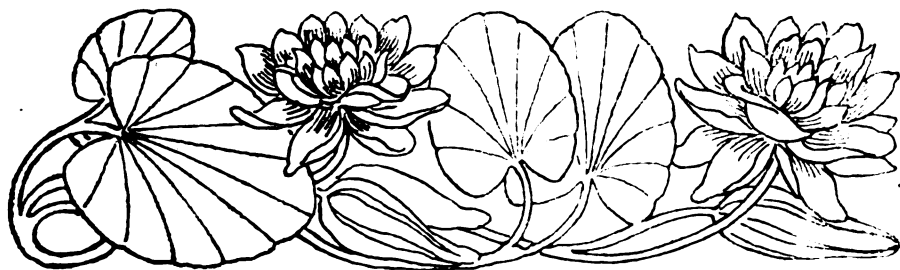
(Посвящается А. Я. Прейсъ).

Раскрытые глаза беззвучно вопрошаютъ,
И гнѣвомъ скованы сомкнутыя уста...
Тебѣ ль не гнѣвной быть! Хаоса злая мгла
На міръ испуганный неожиданно налегла
И стиснула его въ объятіяхъ крованыхъ.

Толпой послушною безславно умирають
 Надежды матерей, опоры стариковъ,
 И съ злой усмѣшкою оскаленныхъ зубовъ,
 Какъ коршунъ, рѣветъ Смерть надъ сонмищемъ бойцовъ.
 Хаосъ, хаосъ вездѣ
 Желѣзною пятой насъ придавилъ къ землѣ.
 Кто побѣдитъ? Не все ль равно—
 Пусть будней сѣренькихъ жужжить веретено
 И жизни нить прядетъ, какъ пряло до сихъ поръ—
 Случайность сочинить затѣйливый узоръ...
 Кто побѣдитъ? Не все ль равно—
 Вѣдь Смерти все обречено.
 Такъ все замкнула ты вокругъ
 Въ земли заклятый черный кругъ.
 Очнись!
 Взлети къ вершинамъ мірозданья,
 Орлиный взоръ впери и въ бездны бытія,
 Гдѣ снять покровъ *обманчиваго* знанья,
 Сіяютъ Вѣчности златія письма.
 Съ вершины той—познаемъ озаренной,
 Изъ тѣхъ глубинъ, гдѣ мчится Жизни токъ—
 Увидишь тотъ же міръ, но міръ преображенный,
 И новою зарей зардѣетъ твой Востокъ...
 Въ горнилѣ тайнъ живыхъ, подъ молотомъ страданья
 Увидишь, какъ Любовь Судьбу твою куетъ,
 Какъ Смерть нѣжна, даря свои лобзанья,
 Какъ чистъ и яркъ свѣтъ, что въ міръ она несетъ.—
 Ты все поймешь. Изъ вѣка въ вѣкъ хранятся
 Тебѣ твои златія письма;
 Ищи -и ты найдешь, стучи и отворятся
 Завѣтныя Врата Познанья и Огня.
 И снова встрѣтишь всѣхъ—сіянемъ озаренныхъ—
 Умершихъ и живыхъ—вѣдь мертвыхъ вовсе нѣтъ,
 Надъ Хаосомъ блеснетъ Глагола мощный свѣтъ,
 И въ безднѣ безднъ, Страданьемъ побѣжденныхъ,
 Увидишь ликъ Воскресшаго Христа.

А. Каменская.

Чему мы будемъ учить.

Предисловіе:

Вотъ чему ты и я будемъ учить нашихъ ближнихъ въ вѣка, которые разстилаются передъ нами. Каждый день и часъ мы постараемся мыслью, словомъ и дѣломъ вливать въ ихъ сердца ту радость, которая была излита въ наши сердца.

И какъ Одинъ привелъ насъ къ радости, такъ и мы приведемъ тысячи къ Его ногамъ, чтобы и они получили отъ Него такую же радость. Такъ будемъ мы трудиться, ты и я, во Имя Его, давая обѣтъ, который не можетъ быть нарушенъ никогда.

I. Любовь, которая есть Сила.

Единый Возлюбившій.

Во всѣхъ мірахъ, видимыхъ и невидимыхъ, есть лишь Единый Ликъ, Возлюбившій все, что было, есть и будетъ. Люди называютъ этого Возлюбившаго многими именами: Господомъ и Богомъ, Логосомъ и Спасителемъ; называютъ Возлюбившаго также Матерью Бога, Богиней Мудрости, а иные зовутъ Его Владычицей Лотоса.

Вся жизнь, всюду и вездѣ, есть Его жизнь. Крошечный электронъ, въ которомъ пульсируетъ сила, живетъ Его жизнью; могучій Спаситель человѣческаго рода, передъ которымъ простираются милліоны, дышитъ Его жизнью и любитъ Его любовью. Черезъ все сущее, черезъ матерію и силу, черезъ жизнь и сознание, проходитъ Его любовь. Вся вселенная—лишь чудо Его любви, лишь неустанное просвѣчиваніе этой любви.

Чуждыми путями проводить Онъ свою любовь. Онъ вызываетъ усиленіе и напряженіе въ эфирѣ, образуетъ центры силы, соединяетъ ихъ въ атомы и молекулы и въ то же время—не перестаетъ любить. Онъ то притягиваетъ, то отталкиваетъ, но и то и другое—лишь проявленія Его любви. Положительное и отрицательное, соединеніе и разъединеніе, все это лишь грезы Его любви.

Онъ вызываетъ появленіе смерти, и ужасъ начинаетъ сопровождать жизнь; растеніе, животное и человѣкъ, которые составляютъ Его жизнь, вянуть и умираютъ. Но это умираніе иллюзія, ибо формы погибаютъ только для того, чтобы, освободивъ Его любовь, которая есть сердце ихъ жизни, возвратить эту любовь Ему и снова возродиться, чтобы раскрывать Его любовь все шире и полнѣе. Если бы мы только могли участвовать въ Его божественныхъ грезахъ, мы узнали бы, что Онъ разрушаетъ такъ расточительно лишь потому, что любить такъ много, ибо любовь должна вѣчно стремиться все къ большему совершенству. Онъ, Уничтожающій, Самъ живетъ въ уничтожаемомъ; Онъ разрушаетъ только для того, чтобы снова возродить Себя въ болѣе совершенныхъ формахъ, чтобы любить все съ большей силой и полнотой черезъ каждую вновь возникающую форму.

Онъ допускаетъ, чтобы люди ненавидѣли и наносили вредъ; себялюбіе и борьба, жестокость и кровопролитіе, все это появляется въ нашей жизни, но это лишь ступени постепеннаго раскрытія Его любви. Ибо Онъ грезитъ черезъ сердце всѣхъ людей; каждый человѣкъ есть Его греза, и тотъ, который ранитъ, и тотъ, который исцѣляетъ. Оба—покровъ, сброшенный на Его любовь, одинъ—болѣе непроницаемый, другой—болѣе прозрачный, но за обоими стоитъ Онъ, греза о томъ днѣ, когда любовь, станетъ всеобъемлющей и всеобъясняющей. Ибо изъ ненавидящаго Онъ сдѣлаетъ мученика и вождя, сильнаго въ сопротивленіи и сильнаго въ самопожертвованіи, изъ цѣлителя Онъ образуетъ мудреца и художника, съ душой, способной въ чистотѣ отражать то, что исходитъ изъ Него Одного.

Себялюбіе и зависть, ненависть и порочность, служеніе и самоотреченіе, любовь и поклоненіе—все это лишь этапы Его безсмертной мечты, которую Онъ вынашиваетъ въ своей неистощимой любви.

Вѣка приходятъ, и вѣка уходятъ; огненный туманъ и стучающіеся пары, звѣзды и ихъ спутники, минералы и растенія,

животное и человѣкъ, появляются и исчезаютъ. Всѣ они лишь Его грезы о Возлюбленныхъ, о душахъ, которыя неотдѣлимы отъ Него. Ибо Онъ готовитъ приношеніе Своимъ Возлюбленнымъ, и требуются тысячелѣтія труда, прежде чѣмъ приношеніе это совершится, какъ даръ Его любви. Но Онъ знаетъ, что этого день настанетъ, а пока Онъ продолжаетъ грезить въ насъ и черезъ насъ, ожидая, когда каждый изъ насъ пойметъ, что Возлюбившій и Возлюбленное— Одно, Единое безъ второго.

Открытие.

Всѣ люди открываютъ Единаго Возлюбившаго на всѣхъ ступеняхъ, хотя они и не подозрѣваютъ того. Въ этомъ и таится частица мистеріи Его любви, что Онъ улыбается имъ всюду, гдѣ бы ни стояли они. Даже и Мудрымъ не всегда удается видѣть Его тамъ, гдѣ Онъ присутствуетъ.

Мы находимъ Его прежде всего въ чувствѣ обладанія. Въ давно прошедшихъ жизняхъ дикаря захватить и удержать было нашей единственной мыслью и стремленіемъ. Мы хватались за оружіе, за добытое нашей храбростью, за животное или человѣка, котораго заставляли повиноваться намъ; мы радовались жизни, потому что владѣли этими вещами. Мы не думали о правахъ другого; исполнять свои влеченія было единственнымъ проявленіемъ жизни, которое было извѣстно намъ. Господствовать—значило чувствовать себя сильнымъ; до тѣхъ поръ, пока наши нужды были обезпечены, мало думали мы о томъ, что происходило съ другими.

И при этомъ мы не знали, что позади всего былъ Онъ. Ибо хотя мы и обладали предметами нашего желанія, предметы эти, съ своей стороны, таинственно овладѣвали нами; чѣмъ болѣе мы хотѣли захватить для себя, тѣмъ сильнѣе сами мы были захвачены. Мы не были свободны, мы были въ цѣпяхъ; а вмѣстѣ съ нашей неволей появилось и страданіе, когда жизнь отрывала отъ насъ то, что мы хотѣли удержать.

Наиболѣе острое чувство обладанія пришло къ намъ черезъ жестокость, алчность и гордость. Было время, когда быть жестокимъ значило жить. Чувствовать что наша воля преодолеваетъ волю другого, видѣть его уничтоженнымъ, когда онъ пытался противодѣйствовать намъ,—это давало намъ чувство жизни. И оно же доставляло намъ постоянное страданіе. Ибо, хотя мы силой принуждали другого покоряться, мы не могли

уничтожить его волю; его воля принадлежала намъ только на то время, пока онъ былъ у насъ на глазахъ. У него была своя собственная таинственная воля, которая въ свою очередь могла отрицать. И мы были связаны съ нимъ, нашимъ рабомъ. Мы не могли свободно достигать своей цѣли; мысль о томъ, что онъ могъ итти нежелательными для насъ путями, доводила насъ до безумія. Мы проявляли свою волю, а другой вызывалъ ее на борьбу, денно и ночью. И это былъ Онъ, Единый Возлюбившій, который не переставалъ вызывать насъ на единоборство.

Не менѣе острое чувство жизни приходило къ намъ черезъ вождельнія плоти. Жажда плотскихъ ощущений, умножать потребности тѣла со страстью, давать волю натиску вождельній— вотъ что было для насъ нѣкогда жизнью. Но все это влекло за собой страданіе. Ибо удовлетворять страсти было то же, что питать бушующее пламя; и даже когда всѣ средства для удовлетворенія были въ нашей власти, наши вождельнія не были удовлетворены, они преображались въ новое желаніе, а желаніе толкало насъ снова впередъ.

Но мы никогда не могли овладѣть предметомъ нашего желанія; владѣть значило сознать, что захваченное нами было тѣнью, а не реальностью, реальность же, подобно блуждающему огоньку, манила насъ впередъ и впередъ. Отъ вождельнія къ желанію, отъ желанія къ любви, отъ любви къ Недостижимому, такъ жизнь ведетъ людей впередъ; въ дѣйствительности же—то Единый Возлюбившій ведетъ насъ невидимо впередъ.

И, наконецъ, гордость давала намъ ощущеніе полноты жизни. Чувствовать, что мы обладаемъ качествами, отсутствующими у другихъ, что наше сужденіе шире и вѣрнѣе другихъ, что внутри насъ—сила и благородство, которое мы сознаемъ втайнѣ, хотя другіе и не признаютъ нашей высоты,—такія мысли и чувства давали намъ острое ощущеніе жизни, ибо мы жили иначе, чѣмъ живетъ обыкновенная толпа.

Но бывали времена, когда мы испытывали глубокое униженіе. Ибо жизнь не хотѣла признавать нашего достоинства; рука судьбы была противъ насъ, и лишь одна несправедливость была нашей наградой; но сквозь все недовольство какой-то голосъ говорилъ въ насъ, что все это—одна гордость, что мы заблуждаемся, и что нѣтъ въ насъ вѣрности истинѣ. Болѣе великая Гордость встрѣчала нашу гордость; болѣе великое Сужденіе отметало наше сужденіе; бѣльшая Воля отодвигала насъ назадъ на тѣ степени жизни и достоинства, къ которымъ мы относи-

лись съ презрѣнiемъ. Эта бoльшая Гордость и эта болѣе сильная Воля принадлежали Единому Возлюбившему.

А затѣмъ Онъ учитъ насъ находить Его въ то время, какъ мы отдаемъ нѣчто для другихъ. Можетъ случиться, что мы удѣлимъ немного добраго вниманiя подчиненному или животному, которое служить намъ, позаботимся, чтобы его ноша не превышала его силы; возможно, что мы начнемъ интересоваться не только тѣмъ, что оно можетъ дать намъ, но и позаботимся о томъ, чтобы дать ему не одну только пищу и питье взаменъ. Мы не подозреваемъ, что надъ этимъ нашимъ дѣйствiемъ, чуть-чуть превышающимъ требованiе долга, Единый Возлюбившiй уже излилъ лучъ отъ Своей любви и усугубилъ актъ нашей доброты.

Нашимъ близкимъ, родителямъ, мужу или женѣ, дѣтямъ или другу, мы постепенно научаемся давать,—въ прежнихъ жизняхъ, вѣроятно, неохотно, съ ропотомъ, позднѣе—съ сознаниемъ, что мы должны, а еще позднѣе—радуясь, что мы можемъ давать. Не то, что мы удерживаемъ для себя, а то, чѣмъ мы можемъ дѣлиться съ другими, становится господствующей нотой нашей жизни. И опять мы не подозреваемъ, а между тѣмъ, когда мы перестаемъ думать о себѣ и начинаемъ заботиться о другихъ,—Единый Возлюбившiй грезитъ черезъ насъ о совершенной любви.

А затѣмъ къ нашимъ Старшимъ, къ тѣмъ опередившимъ душамъ, которыя помогаютъ намъ подвигаться впередъ, въ которыхъ мы привѣтствуемъ наше собственное достиженiе въ грядущемъ, мы начинаемъ испытывать преданность столь великую, что легче потерять самую жизнь, чѣмъ утратить вѣрность, которая есть самое важное, что даетъ жизнь. Ибо, какъ бы мы мало ни подозревали истины, въ этомъ самомъ важномъ кроется познанiе Единаго Возлюбившаго, Единаго Вождя всего челоуѣчества.

И, подъ конецъ, не удерживая для себя ничего, мы все отдаемъ Высочайшему, котораго открыла душа наша; для одного это—Христось или Кришна, Господь или Богъ; для другого—это Божественный Учитель, Духовный Отецъ; а еще для иного—это Высочайшее можетъ быть возлюбленной, которая для *этой* души—все, что когда-либо было, есть и будетъ свѣта, радости, жизни и красоты. Но всѣ они слагаютъ свои дары передъ Единымъ Возлюбившимъ, ибо въ концѣ концовъ есть только Одно Лицо, которое привѣтствуетъ насъ, каждаго порознь и всѣхъ вмѣстѣ.

Отъ Него мы пришли, къ Нему мы возвращаемся. Онъ послалъ насъ, и Онъ же зоветъ насъ возвратиться къ Нему; и вотъ, въ то мгновеніе, какъ мы все отдаемъ Ему и вслѣдствіе этого принимаемъ самихъ себя, мы впервые познаемъ, что значить жить воистину.

Быстрый Путь.

Всѣ люди, какова бы ни была ихъ вѣра, возвращаются къ Единому Возлюбившему, отъ котораго они изошли. Но путь ихъ возврата къ Нему можетъ быть скорый или медленный. Будетъ радостью для тебя и для меня научить ихъ скорому пути. И они узнаютъ черезъ насъ, какъ—примѣняя Пробный Камень Любви ко всему, что они испытываютъ и что дѣлаютъ,—они ускорять свой путь, сдѣлаютъ его все болѣе и болѣе быстрымъ.

Людыамъ дѣйствія мы скажемъ: Радуйтесь вашей силѣ, но знайте: сила эта станетъ вашей лишь тогда, когда вы поймете, что она не ваша, а Его сила. Пока вы будете думать „я силенъ“, вы не перестанете быть слабымъ, хотя и въ меньшей степени чѣмъ тѣ, которые покоряются вашей волѣ. И только тогда, когда вы скажете себѣ: „эта сила дана мнѣ, я лишь хранитель ея“, — начнете вы вырастать въ истинную силу.

Только Онъ Одинъ силенъ, только Онъ обладаетъ мудростью для благого примѣненія силы; Онъ желаетъ, чтобы вы были сильны Его силою. Онъ собиралъ въ теченіе вѣковъ наслѣдство, которое будетъ вашимъ въ будущемъ. Вы вступите во владѣніе этимъ наслѣдствомъ не тогда, когда пожелаете обладать имъ, но только тогда, когда захотите воспользоваться имъ, чтобы помочь своимъ ближнимъ стать сильными—сильными въ терпѣніи, сильными въ дерзновеніи, сильными въ любви.

Вы же, сильные въ дѣйствіи, будьте сильными и въ любви; откройте свое сердце вашему Вождю, который прежде всего возлюбилъ. И тогда начнете вы понимать людей, почему они страдаютъ и почему терпятъ неудачу; и это пониманіе умудритъ васъ для *такого* пользованія вашей силой, чтобы ея могучее дѣйствіе никогда не огорчало и не ранило, а только исцѣляло и давало благословеніе.

Ваша воля будетъ источникомъ страданія для другихъ, пока вы будете считать ее своею; сдѣлайте ее волей вашего Вождя, Единаго Возлюбившаго, и тогда она станетъ мечомъ защиты и спасенія въ Его рукѣхъ.

Людыамъ, грезящимъ о любви, мы скажемъ: Вы пойдете

быстро впередъ только когда начнете жертвовать тѣмъ, что приносить любовь. Любите свое дитя, но не за радость, которую оно приносить вамъ,—любите его какъ то, что вы должны украсить драгоценнымъ сокровищемъ, порученнымъ вамъ. Любите нашего друга, но сдѣлайте изъ вашей любви могучее приношеніе, ничего не прося взаменъ, кромѣ возможности давать и служить. И во имя любви, всѣ вы, знающіе до чего она способна преобразжать, должны трудиться въ человѣческихъ садахъ, рачищая дороги и улучшая переходы—мыслями любви, словами любви и дѣлами любви.

Ибо всѣ вы, любящіе, неминуемо становитесь вѣстниками Единаго Возлюбившаго, и по мѣрѣ того, какъ будетъ вырастать ваша любовь къ вашимъ ближнимъ, Онъ будетъ давать вамъ все больше Своихъ порученій; и тогда передъ вами откроются новыя свѣтлыя стороны вашихъ возлюбленныхъ, чтобы еще болѣе любить ихъ. И тогда жизнь сдѣлается для васъ все возрастающимъ чудомъ, благодаря ежечаснымъ открытіямъ, которыя вы будете дѣлать въ своей способности любить.

Мы также научимъ тѣхъ, которые ищутъ знанія, какъ радоваться могуществу разума. Мы раскроемъ передъ ними, что существуетъ Разумъ, который мыслить черезъ все сущее, собираетъ мысли вокругъ всего и строить философію жизни и дѣйствія, которая отражается въ законахъ природы. Ибо нѣтъ ни малаго, ни великаго въ законахъ природы; каждая вещь есть центръ цѣлаго круга бытія и становленія.

И все же разумъ, который ищетъ, можетъ замораживать подобно ледяному вихрю, если онъ думаетъ одинъ, какъ бы для себя самого, а не какъ воплощеніе единаго Разума, вмѣщающаго все сущее. Такъ будемъ мы направлять всѣхъ мыслителей къ тропѣ, ведущей къ Тому, который одинъ думаетъ праведно, ибо Одинъ Онъ видитъ все. Любовь станетъ свѣточемъ, который освѣтитъ ихъ путь; когда же ученый или философъ сдѣлаетъ открытіе, мы каждый разъ научимъ его радоваться, что открытіе это послужитъ къ уменьшенію страданія людей и прибавитъ къ ихъ радости. Подобно тому, какъ лучи солнца изливаютъ тепло и благополучіе на все, что живетъ и дышитъ, такъ будутъ великіе умы могучихъ мыслителей заливать человѣческую дѣятельность знаніемъ Закона, который дѣйствуетъ во всемъ. Ибо законъ, разлитой повсюду въ природѣ, есть не что иное, какъ чистая и совершенная любовь, и онъ не можетъ быть инымъ, ибо то, что думаетъ Единный Возлюбившій, это и есть законъ.

Любовь, которая есть сила.

Есть единый способъ стать сильнымъ, и это есть любовь. Многообразно растеть она въ сердцахъ людей и съ каждымъ своимъ проявленіемъ приноситъ силу. Силу преобразить жестокость въ жертву, вождельніе—въ поклоненіе, гордость—въ благоговѣніе,—вотъ что можетъ любовь. Это—первая истина, которой мы будемъ учить во имя Его.

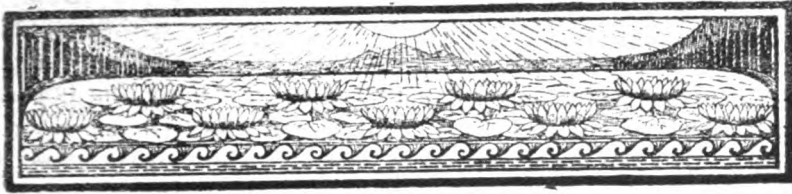
Возлюби, смиреніе, и оно покроеть всѣ грѣхи твои.

Приучи языкъ свой говорить: прости мнѣ,—и придетъ къ тебѣ смиреніе.

Далеко гони отъ себя злые помыслы, предавая себя Богу, и Онъ покроеть тебя десницей Своею.

Будь мудръ и уста тѣхъ, кои худо говорятъ о тебѣ, заграждай молчаніемъ.

Св. Антоній Великій.

Подъемъ молодости.

Подъ терминомъ „подъемъ молодости“ авторъ подразумѣваетъ періодъ переживаній, преобразующихъ юную душу и всю ея внутреннюю и внѣшнюю жизнь. Авторъ совершенно исключаетъ изъ предѣловъ изслѣдованія тѣ счастливыя состоянія сознанія, которыя отмѣчаются памятью какъ счастливыя, и которыя представляютъ собою тоже подъемы, но проходятъ какъ бы безъ слѣда. Здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ случаяхъ, когда эти счастливыя состоянія сознанія являются рѣшающими въ смыслѣ опредѣленія направленія, внутренней жизни и *всѣхъ* устанавливаемыхъ при этомъ отношеній. Мысль или переживаніе души могутъ представиться сознанію какъ нѣчто до такой степени всеобъемлющее и ясное и, въ то же время, такъ прямо и просто (и властно) опредѣлять не только внутреннія отношенія къ міру, но и направленіе внѣшнихъ проявленій человѣка, какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ, — что именно она, эта мысль, это откровеніе станетъ этимъ преобразующимъ элементомъ жизни. Авторъ имѣетъ въ виду именно такого рода переживанія въ подъемѣ молодости, которыя ведутъ къ преображенію.

Жизнь полна элементами этого преображенія. Мы вольны замѣчать, идеализировать, обоготворять и ассимилировать ихъ или нѣтъ, но они вѣчны, вѣчно дѣйствовали, дѣйствуютъ кругомъ насъ и вѣчно будутъ дѣйствовать. Они окружаютъ насъ съ колыбели до гроба, какъ воздухъ, свѣтъ, тепло, какъ сама жизнь.

Всѣ эти элементы не что иное, какъ проявленія великой животворящей сущности, съ которой человѣкъ соприкасается лишь въ глубинахъ глубинъ, въ тайникахъ своей души, та сущность, которую нельзя опредѣлить.

Душа, имѣвшая эту встрѣчу, необходимо преобразуется, хотя

бы только на мгновенія соприкосновенія съ этой сущностью. Все, чѣмъ она жила до этой минуты, все то, чему она привыкла вѣрить, считать истиной, все это кажется мелкимъ, темнымъ, слабымъ. Въ эти минуты истина оказывается совсѣмъ не тамъ и не такую; но чище, лучезарнѣе, неизмѣримо выше.

Когда это состояніе оставляетъ человѣка, душа впадаетъ въ свой привычный курсъ, остается только память свѣтлой минуты. Человѣкъ можетъ забыть все это, и, можетъ быть, съ нимъ никогда болѣе это не повторится; чаще бываетъ, однако, что разъ эта искра коснулась души—она уже не забудетъ этого прикосновенія во всю жизнь. Душа можетъ протлѣть всю жизнь, можетъ быть, такъ и не загорится, но возможность пожара всегда будетъ налично.

Если человѣкъ опять начинаетъ искать свѣта этой встрѣчи и этого состоянія, онъ привязывается къ переживаніямъ самаго этого исканія и въ концѣ концовъ ставитъ цѣлью своей жизни добыть себѣ это „То“ (въ отличіе отъ *всего* остального, отъ „не то!“) въ свое неотъемлемое, прочное достояніе, слиться съ нимъ воедино, стать Его вѣрнымъ проводникомъ.

Преображеніе можетъ быть одинъ разъ въ жизни, но и вся жизнь можетъ стать непрерывнымъ рядомъ новыхъ преображеній. Если судьба пошлетъ человѣку счастье опять и опять пережить эти состоянія, вновь придти въ соприкосновеніе съ ихъ Источникомъ, то эти повторяющіяся преображенія внутренняго міра положатъ свою печать на самомъ строѣ его души, сообщатъ его душѣ, уму, самому тѣлу новыя, иныя свойства, частицу за частицей, фибру за фиброй, преобразятъ его совершенно.

Чтобъ имѣть возможность яснѣе представить себѣ и понять картину того внутренняго переворота, который мы назвали подъемомъ молодости, попытаемся дать идею о самомъ преобразующемъ агентѣ. Авторъ представляетъ „То“ въ аспектахъ „Приходящаго“, „Озаряющаго“ и „Уходящаго“. „То“ не можетъ быть представлено аспектами—все это только приближенія, равно какъ и во всѣхъ формахъ подъема самое содержаніе переживаній не характерно для него. Даже самая молодость, какъ признакъ,—не является обязательнымъ. Это—исторія духа, не тѣла. Во *всемъ* этомъ нужно имѣть въ виду одно: впечатлѣніе лучезарной минуты, а не какое бы то ни было содержаніе или физическій признакъ.

... „Помни,—никакого образа не видѣлъ ты, когда Я говорилъ съ тобою“...

„Приходящій“.

Всѣ первыя впечатлѣнія мимолетны, рѣдко память хранитъ существенное и характерное. Авторъ неизбежно будетъ субъективенъ. „Приходящій“ появляется въ обстановкѣ глубокаго внутреннего спокойствія, тишины, мира, среди чистыхъ и нѣжныхъ эмоцій, иногда грустныхъ, или торжественныхъ, всегда тихихъ.

Самыя раннія воспоминанія автора объ этихъ переживаніяхъ относятся къ періоду почти что еще дѣтскихъ грезъ. Эти первыя впечатлѣнія до такой степени нѣжны, что память своимъ прикосновеніемъ стираетъ ихъ и не въ состояніи ихъ воскресить и воспроизвести: они блеснули и исчезли, оставивъ послѣ себя только сожалѣніе о какомъ-то иномъ, недостижимомъ мірѣ. Мнѣ всегда доставляло наслажденіе одиночество во всѣхъ его видахъ: въ дѣтствѣ—удовольствіе всласть помечтать, впоследствии—подумать. Случалось, напримѣръ, что когда всѣ уѣзжали, и домъ оставался пустымъ, мысль сначала неслась за ними, становилось какъ-будто грустно; потомъ, при ненарушенной окружающей тишинѣ, забывались уѣхавшіе, мысль мало-по-малу становилась на одну изъ своихъ излюбленныхъ дорожекъ, и понемногу разгорался свой собственный внутренний пиръ. Глубокая тишина, голубое небо, зелень, спадающій жаръ дня сливались съ глубинами души. Душа становится полной нѣжнаго вниманія, глубокаго благоговѣнія къ окружающей красотѣ внѣшняго міра, — той красотѣ, которую обычно не чувствуешь, и къ отзвукамъ ея въ своихъ глубинахъ.

Красота, которою полонъ міръ, которая такъ часто говоритъ молодости: первыя въ жизни впечатлѣнія отъ звѣзднаго неба, лѣтнія мягкія лунныя ночи, восходъ и закатъ солнца, тихая лѣсная глушь въ іюльскій полдень, впечатлѣнія музыки ранняго утра и вообще вся музыка природы, когда не только ее видишь и слышишь, но воспринимаешь ее всѣмъ существомъ—тѣмъ существомъ, которое только тутъ узнаешь,—въ этой красотѣ говорить „Приходящій“.

Эти впечатлѣнія оставляютъ слѣды и перестраиваютъ манеру и способности воспріятія, если человѣкъ внимателенъ къ голосу этихъ впечатлѣній. Въ такія минуты вы начинаете глубже, тоньше и вѣрнѣе воспринимать все то, что съ вами соприкасается, все одушевляется, во всемъ начинаютъ вырисовываться много говорящія подробности, тонкія, нѣжныя, несуществовавшія

для васъ ранѣе черты. Всѣ эти и подобныя внѣшнія выраженія вы, можетъ быть, наблюдали и ранѣе, но они были пусты, мертвы, а тутъ вы начинаете ихъ тонко чувствовать. Вамъ говорятъ о себѣ не внѣшніе объекты, а ихъ души, и за ними—вся исторія ихъ жизни; далѣе вы прислушиваетесь къ тому, что закипаетъ въ васъ самихъ, — вы чувствуете приближеніе великой минуты, приближеніе „Приходящаго“. Васъ окутываетъ облако нѣжныхъ и чистыхъ эмоцій, хочется подумать о томъ, что закипаетъ внутри, отдаться, уединиться, — тамъ, въ этомъ уединеніи — вы чувствуете—васъ ждутъ откровенія.

Привожу выдержку изъ „Египетскихъ ночей“ Пушкина, которая рисуетъ этотъ аспектъ:

„Чарскій употребляетъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище (поэта).. Чарскій былъ въ отчаяніи, если кто-нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставлялъ его съ перомъ въ рукахъ“...

...„Однако жъ, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая *дрянь* (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное счастье“...

„Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположение духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, я вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія вашихъ видѣній, когда стихи легко ложатся подъ перо ваше, и звучныя рѣзвы бѣгутъ навстрѣчу стройной мысли. Чарскій погруженъ былъ душою въ сладостное забвеніе... и свѣтъ, и мелочи свѣта, и его собственныя причуды для него не существовали. Онъ писалъ стихи“.

Пушкинъ, „Египетскія ночи“, гл. I.

„Озаряющій“.

Послѣ эпохи дѣтскихъ грезъ выдаются впечатлѣнія научной мысли въ ученическіе годы, въ особенности безсонныя ночи наканунѣ экзаменовъ и моменты приближенія къ горнилу огненныхъ минутъ у классной доски и экзаменаціоннаго стола. Въ эти ночи, иногда за нѣсколько часовъ до экзамена, впервые удавалось воспроизводить себѣ все содержаніе пройденнаго курса, впервые понять всю простоту и изящество его постройки и почувствовать всю стройность и строгую красоту научнаго

зданія. Иногда наука, чуждая сердцу до этихъ минутъ, становилась привлекательной въ день экзамена, и не особенно хотѣлось расставаться съ нею въ слѣдующіе затѣмъ дни. Случалось и пострадать изъ-за неостывшихъ еще симпатій къ наукѣ прошлаго экзамена.

Задача средней школы была бы идеально выполнена, если бы она ставила ученика въ условія, ведущія къ этому синтезу, и давала бы возможность въ такія минуты ярко запечатлѣть одну только основную идею каждой науки. Какъ глубоко могли бы быть прожиты дни выпускныхъ экзаменовъ, если бы нѣжное, любящее вниманіе старшихъ могло обезпечить молодой душѣ все то, что эти минуты могутъ дать ей.

Система наукъ, которую Окюстъ Контъ представилъ въ такой стройной схемѣ, не есть только рядъ названій, слѣдующихъ другъ за другомъ въ случайномъ порядкѣ. Последовательности названій соответствуетъ последовательность внутреннихъ, незримыхъ логическихъ путей Великаго Духа, гдѣ предыдущее опредѣляетъ послѣдующее, опредѣляетъ въ духовномъ, глубокомъ смыслѣ, въ смыслѣ Божественнаго предначертанія, Божественныхъ предопредѣленій, не по-земному властныхъ, все въ себѣ содержащихъ логическихъ сущностей. Глубинные пути человѣческаго духа, самое строение мозга, ихъ отражающее, таково, что все соответствуетъ этимъ опредѣленіямъ и Контова схема отражаетъ въ себѣ эти внутреннія свойства тѣхъ путей. Въ этихъ путяхъ есть моменты, въ которыхъ все мыслимое открывается какъ бы изъ самаго центра своей всеопредѣляющей сущности, когда вскрываются глубинныя, внутреннѣйшія сущности мірозданія. — Тогда представляется легкимъ найти тѣ точки, „зерна горчичныя“, „нить жемчужную“, тѣ линіи центровъ сферъ, которыя сходятся въ новыхъ центрахъ, которые въ свою очередь являются путями къ центрамъ иныхъ плановъ.—Когда человѣкъ „тамъ“, — онъ видитъ послѣдніе выводы, послѣднія рѣшенія и свой единый долгъ, внѣ котораго для него уже ничего не существуетъ, какъ реальное, и существовать не можетъ, такъ какъ „тогда“ и онъ самъ, и тотъ Великій Центръ, Сердце Мира,—одно.

Главный моментъ въ подъемѣ молодости составляютъ переживанія въ тѣ великіе и святыя дни, можетъ быть, минуты, когда на путяхъ юной души происходитъ первая Великая Встрѣча съ „Озаряющимъ“, когда она слышитъ Божественный Голосъ. Переживанія эти чрезвычайно разнообразны по формѣ, можетъ

быть, въ большинствѣ случаевъ въ нихъ совершенно отсутствуютъ формы религіознаго культа, но въ нихъ всегда создается свой Богъ, свой Храмъ и своя Религія. Человѣкъ полонъ счастья, что наконецъ въ жизни своего сознанія онъ нашелъ тотъ центръ, то солнце, служенію которому онъ можетъ отдать всю свою жизнь въ любой моментъ и на всемъ протяженіи. Онъ счастливъ, что можетъ наконецъ вылить всего себя въ одной мысли, въ одномъ ощущеніи этого служенія. Весь періодъ подъема молодости протекаетъ подъ знакомъ готовности отдать свою жизнь, готовности къ ряду непрерывныхъ жертвъ и отреченій. Человѣкъ иногда весь свѣтится счастьемъ этихъ переживаній, вплоть до мелочей внѣшнихъ проявленій.

Эти переживанія выходятъ, конечно, за рамки школьной жизни и могутъ возникнуть и расцвѣсти полностью внѣ ихъ. „Духъ дышитъ гдѣ хочетъ“. Счастье первыхъ впечатлѣній такихъ переживаній иногда пьянитъ и ошеломляетъ. Когда человѣкъ впервые сознательно воспринимаетъ Великое, относящееся до него *самого* и *его*—лично его—отношенія къ міру, и когда въ этихъ великихъ сопоставленіяхъ истинныхъ реальностей человѣкъ строитъ основныя черты своего Идеала, тогда эти поразительныя видѣнія и сочетанія превращаютъ въ ничто всѣ впечатлѣнія его внѣшней жизни и дѣлаютъ реальною для сознанія только жизнь внутреннюю на всемъ протяженіи этого періода жизни. Иногда за тѣмъ слѣдуетъ объявленіе войны всему окружающему и непрерывная вереница самыхъ разнообразныхъ, противорѣчивыхъ, мучительныхъ и счастливыхъ положеній въ отношеніи къ окружающей жизни.

Во внутренней жизни существа, безпечно цвѣтшаго и возраставшаго постепенно и послѣдовательно въ условіяхъ семейнаго и школьнаго круга,—иногда какъ бы совершенно неожиданно возникаетъ вдругъ тѣлый вихрь глубокихъ и важныхъ, неотвратимыхъ и сильныхъ переживаній, совершается великая и глубокая перемѣна. Возникаетъ та способность глубоко и сильно чувствовать, та способность смотрѣть Истиннѣ прямо въ глаза, за которую человѣку средняго уровня становится жутко; передъ этой способностью и идущей вслѣдъ за нею трагической рѣшимостью рушатся, какъ карточные домики, всѣ перспективы обаятельной жизни и ея старомоднаго этикета. Это проявляется иногда столь бурно, что его можно бы было назвать *подъемомъ перенормы*—столь же справедливо, какъ и подъемомъ молодости.

Въ своей внутренней картинѣ этотъ періодъ выводится ло-

гически необходимо изъ момента той Великой Встрѣчи. Мы можемъ различить въ немъ мотивы:

1. сознанія счастья, связаннаго съ ощущеніемъ необыкновеннаго подъема духа;

2. абсолютной вѣры въ истинность идейныхъ построений этого состоянія, вѣры въ истинность отношеній, установленныхъ „тамъ“, „тогда“;

3. привязанности къ этимъ переживаніямъ, — какъ къ ихъ внутреннему содержанию, такъ и къ формамъ, къ самой обстановкѣ Его проявленія, — вплоть до мелочей, которыя становятся священными („Это — только пыль съ дорогъ, проходившихъ по путямъ того моего времени Ангеловъ. ... Но и пыль отъ Нихъ священна“.. А. Добролюбовъ. Изъ книги невидимой);

4. обреченной рѣшимости идти вслѣдъ указаніямъ этого состоянія до конца, чего бы это ни стоило.

1. Мотивъ первый — ощущение. — По своей силѣ, иногда жгучести и остротѣ, своему захватывающему характеру для тѣхъ, кто испыталъ его, не можетъ быть сравниваемо ни съ какимъ другимъ, которое испытываетъ человѣкъ. Никакое другое ощущение не носитъ характера той свѣтлой гармоніи. Возникновеніе этого ощущенія, его ростъ, развитіе, исчезновеніе, вслѣдствіе бессилія души слѣдовать за „Нимъ“ въ его изумляющемъ свѣтоносномъ шествіи, — все это поразительно. Становится удивительно и то, что человѣку, земному существу, оказывается доступнымъ такое состояніе. Для испытавшихъ это состояніе нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если есть на землѣ *истинное счастье*, то оно ни въ чемъ другомъ, какъ только въ этомъ, состоять не можетъ, и что это есть нѣчто такое, что безконечно превосходитъ не только обычное житейское представленіе о какомъ бы то ни было счастьи и блаженствѣ, но и лучшія изъ лучшихъ изъ такихъ представленій. Человѣкъ счастливъ только тогда, когда его сознаніе счастливо. Этотъ подъемъ даетъ человѣку именно такое счастье.

2. Мотивъ вѣры тѣсно связанъ съ аспектомъ „Озаряющаго“. Каждая изъ этихъ великихъ минутъ, великихъ откровеній, великихъ рѣшеній есть „То“, и потому оно абсолютно. Этотъ мотивъ усиливается непосредственными впечатлѣніями этихъ минутъ, равно какъ и сознаніемъ, что „тогда“ духъ идетъ совершенно иными путями — тѣми глубинными, незримыми путями, восходя которыми къ сущностямъ высшихъ и высшихъ плановъ, сознаніе находитъ все изъ себя излучающіе центры, точки; удары,

все опредѣляющіе, все рѣшающіе. И число ихъ кажется безконечнымъ.

Человѣкъ пускаетъ въ ходъ совершенно инныя способности, чѣмъ тѣ, которыми обычно работаетъ,—способности, охватывающія неизмѣримо большіе горизонты, съ столь широкими предѣлами, о которыхъ онъ и мечтать не могъ. Въ работѣ внутренняго строительства, въ процессѣ неудержно другъ за другомъ слѣдующихъ идейныхъ композицій и нельзя было бы управиться, идя обычнымъ, „логическимъ“, ползущимъ и цѣпляющимся за землю курсомъ. На этой именно работѣ челонѣкъ научается шагать по вершинамъ горъ, познавать интуитивно, работать глубинами души, и тутъ же почерпаетъ и силу управиться съ этими громадами. Надо только научиться той внутренней дисциплинѣ и собранности, которая дастъ возможность жить, пиршествовать и роскошествовать на этихъ высотахъ, среди этихъ сокровищъ: нужно ревниво блюсти рычаги, которые приводятъ въ дѣйствіе эту жизнь, и научиться избѣгать всего, что отводитъ отъ этой жизни. И въ этомъ ключъ къ тому единству, которое великую идею дѣлаетъ и великимъ рѣшеніемъ.

3 и 4. Мотивы привязанности и обреченной вѣрности тѣсно связаны. То, къ чему челонѣкъ привязывается въ глубинахъ души, того онъ ищетъ и въ жизни. Въ сознаніи долго живутъ впечатлѣнія, которыя зажгли душу на жизнь подвига. То великое, что съ такой нѣжной лаской, свѣтомъ и любовью коснулось самыхъ дорогихъ, заветныхъ стремленій и такъ на нихъ отвѣтило,— не можетъ быть забыто. Это великое сохраняетъ свою силу и власть надъ душою сквозь годы, сквозь всякія житейскія бури, и освѣщаетъ всю послѣдующую жизнь. Впослѣдствіи челонѣкъ возвращается къ прочитанной книгѣ, еще разъ прослушиваетъ пьесу или вновь приходитъ въ ту обстановку, тѣ поля, дуга, лѣса и рощи, вновь проходитъ по тѣмъ святымъ тропинкамъ, гдѣ было пережито великое, достопамятное.

Внѣ этихъ новыхъ, но такъ властно захватившихъ переживаній, такъ много давшихъ внутреннему міру, и новыхъ, но горячихъ привязанностей, жизнь представляется уже невыносимой.

„Уходящій“.

Подъемъ молодости есть процессъ проявленія Духа въ Матеріи, которая Его только отражаетъ. Эта матерія — молодой

организмъ со всѣми его богатыми ресурсами лучшей поры жизни. Но и эти ресурсы ограничены. И за подъемами неизбежны и естественны паденія, даже въ самомъ расцвѣтѣ силъ молодости. Ресурсы Матеріи по отношенію къ проявленію Духа безконечны, но эта безконечность является лишь какъ результатъ *безконечнаго развитія*.

Описанная выше гамма переживаній подъема молодости связана съ развитіемъ новыхъ группъ нервныхъ клетокъ въ высшихъ мозговыхъ центрахъ. Когда эти группы только возникаютъ, сознание полно предчувствій, намѣчающихся въ глубинахъ души возможностей, тонкихъ и нѣжныхъ мотивовъ, еще не имѣющихъ своего выраженія на физическомъ планѣ, въ физическомъ организмѣ, ни даже въ видѣ микроскопической тонкой нити, связующей два нервныхъ элемента.

Но вотъ эти связи возникли. Сознание озаряется новыми ассоціаціями, новыми идеями соотношеній въ явленіяхъ внѣшняго и внутренняго міра. Когда въ мозговыхъ центрахъ только зрѣли возможности этихъ связей, человѣкъ испытывалъ временами частичный духовный подъемъ. Но настаетъ моментъ неудержимаго желанія уединиться, отдаться своему влеченію—это моментъ первой дѣйствительной работы по вновь возникшимъ нервнымъ путямъ.

Чувство острой, сладкой боли вызываетъ этотъ новый великій процессъ жизни -- расцвѣтанія духа на полѣ физическаго сознанія. Процессъ этого развертыванія выражается въ формѣ ли непрерывнаго свѣтового потока, или внутренней бури, или цѣлымъ вулканическимъ изверженіемъ — все это переворачиваетъ жизнь сознанія. Эти новыя ассоціаціи устанавливають иныя новыя связи и перераспредѣляютъ тѣ связи въ низшихъ жизненныхъ центрахъ, которые были установлены ранѣе—въ періодъ дѣтства и отроческихъ лѣтъ.

Физически этотъ періодъ связанъ съ величайшимъ возбужденіемъ всей нервной системы. Онъ связанъ съ громадной, истощающей весь организмъ тратой питательнаго матеріала. Благодаря тому, что явленіе это связано съ сильнѣйшимъ подъемомъ духа, съ острымъ и новымъ ощущеніемъ невыразимаго счастья—человѣкъ самъ по своей волѣ никогда не остановитъ этого процесса. Только изнеможеніе физическаго сознанія или внѣшнія помѣхи останавливають человѣка въ желаніи продолжить наслажденіе новыми переживаніями, и ближайшимъ послѣ перерыва воспоминаніемъ будетъ память этихъ счастливыхъ минутъ.

Понятно, что для юнаго существа, въ организмѣ котораго только-что возникли связи, которыя матеріально запечатлѣваются такой тканью, какъ нервная ткань, — нѣжнѣйшимъ, сложнѣйшимъ и наиболѣе измѣнчивымъ изъ всѣхъ веществъ нашего физическаго плана, — и только впервые возникли въ видѣ микроскопически-тонкихъ паутинныхъ нитей, которыя, прореагировавъ, сейчасъ же, можетъ быть, перестали существовать — такъ онѣ нѣжны и слабы, — въ такомъ организмѣ и при такихъ капризныхъ условіяхъ самаго существованія нервныхъ связей — эти нѣжныя нити и ихъ сѣти долго держаться не могутъ, быстро гибнутъ по возникновенію — въ силу неизбѣжной смѣны условій ихъ существованія (напр., измѣненіе состава крови съ измѣненіемъ состоянія молодого, подвижнаго организма). Гибнуть и идейныя сочетанія, съ ними связанныя, — нѣкоторыя навѣки, другія могутъ вновь возникнуть лишь при благопріятныхъ условіяхъ.

Тонкіе знатоки духовной жизни отлично знаютъ это свойство человѣческой души, лучше сказать, физическаго сознанія — измѣняться въ ея высшихъ проявленіяхъ — не только подъ вліяніемъ болѣе или менѣе грубыхъ воздѣйствій, но и отъ причинъ внутреннихъ. И если свойство это справедливо относится къ внутренней жизни духовно-развитыхъ людей, то оно тѣмъ болѣе справедливо по отношенію къ идейнымъ построеніямъ молодости; всѣ откровенія „Озаряющаго“, всѣ рѣшенія великихъ, святыхъ минутъ, всѣ намѣренія, обѣты и клятвы — все забывается, чтобъ вслѣдъ за протекшимъ періодомъ подъема уступить мѣсто обычнымъ привычкамъ дѣтства, всей гаммѣ культурной (и некультурной) рутины среды, въ которой протекаютъ дѣтство и молодые годы.

Въ періоды подъема вся душа, все вниманіе устремлены безраздѣльно на пути „Озаряющаго“. Человѣкъ становится глухимъ къ звукамъ внѣшняго міра, онъ можетъ цѣлыми днями ничего не замѣчать, не чувствовать; сознаніе только улавливаетъ, повторяетъ и воспроизводитъ содержаніе свѣтлыхъ минутъ, вслушиваясь внутренне въ мелодіи, звучащія въ какихъ-то невѣдомыхъ, чистыхъ глубинахъ, и не въ силахъ оторвать отъ нихъ своего вниманія.

Но вотъ онѣ ослабляются и замираютъ. Остается впечатлѣніе чего-то лучезарнаго, но минувшаго. Память жадно ловитъ послѣдніе отзвуки замирающей мелодіи. Наконецъ подъемъ пропадаетъ — и нѣтъ силъ вновь его вызвать. Умъ цѣлыми днями

перебираетъ вызвавшіе подъемъ мотивы—ничто не помогаетъ—никакія повторенія, никакія „строго-логическія“ подпорки, надстройки, пристройки или перестройки. Результатомъ безплодныхъ усилій ума вскарабкаться на вершины является одно изнеможеніе. Ничто не можетъ утѣшить душу, „земную странницу“, въ ея грустной тоскѣ объ „Ушедшемъ“, остается одно безконечное сожалѣніе. Хочется изрыть всю землю, чтобы опять найти это „То“ во что бы то ни стало. Но затѣмъ, въ изнеможениі, человекъ оставляетъ и эти свои послѣднія усилія.

Періоды паденій и мучительнаго разлада неизбежны при развитіи новыхъ системъ нервныхъ путей. Если молодая душа въ свои свѣтлыя минуты чутко вслушивается, зорко всматривается въ стези „Озаряющаго“,—она успѣваетъ иногда въ этихъ гонимыхъ и нѣжныхъ условіяхъ не только увидѣть цѣль, но и намѣтить путь къ ней. Но въ періоды упадка (или прямо—паденій) она легко сбивается. Трудно направить внутреннюю жизнь по разъ избранному направленію, такъ какъ соответствующіе сосѣдніе нервные пути (и ихъ ассоціаціи и идейныя построенія), или пути, такъ или иначе съ ними связанные, или, наконецъ, совершенно посторонніе, но возбуждающіеся благодаря тому, что проложены были ранѣе (въ періоды рутинны),—эти пути сбиваютъ процессъ съ направленія и притомъ такъ, что человекъ самъ этого не замѣчаетъ („Бываете окрадываемы“, по выраженію одного изъ святыхъ подвижниковъ первыхъ вѣковъ христіанства). Выдержать опредѣленный курсъ безъ руководства, безъ школы,—труднѣе, чѣмъ добиться исполненія труднаго пассажа на скрипкѣ человеку, никогда не игравшему. Только очень тихимъ, медленнымъ ходомъ, черезъ многіе годы удастся наладить опредѣленное направленіе работы внутренняго міра. Это дается путемъ настойчивыхъ усилій и трудной борьбы, но и борьба часто даетъ мѣсто ошибкамъ въ самонаблюденіи. Иногда черезъ годъ или два вы вспоминаете вѣрную мысль, которую хотѣли проводить неукоснительно, и только тутъ видите, что два года упускали цѣнное и важное обстоятельство. Иногда въ вашу внутреннюю работу вкрадется какая-нибудь химера и съ важностью, въ качествѣ основного мотива, начнетъ разставлять по всему вашему пути свои подцѣльныя вѣхи, — и вы мѣсяцы, можетъ быть, годы, можете работать въ этомъ обманѣ. И это повторяется до тѣхъ поръ, пока противъ этой лжи, въ бурѣ возмущеній, не поднимется весь человекъ до послѣдней фибры.

Душа начнетъ бороться за тишину, и, когда осядетъ муть, и воздухъ опять станетъ чистъ и прозраченъ, — вновь воскреснетъ память великихъ дней и святыхъ минутъ. Вся сила ихъ сохранится, ничто не пропадетъ въ непрерывной, Вѣчной Работѣ Преображенія.

Шудра.

Не спрашивай о злыхъ дѣлахъ, но дальше отъ нихъ держи вниманіе свое.

Не многословь, чтобы не отдалился отъ тебя Духъ Божій.

Ничего не преллагай кому-либо въ правило, прежде чѣмъ самъ не исполнишь того дѣломъ.

Ко всѣмъ имѣй доброе расположеніе, но не всѣхъ имѣй совѣтниками.

Не всѣмъ открывай помыслы твои, а только тѣмъ, кто можетъ врачевать душу твою.

Св. Антоній Великій.

Призываніе Духа.

Приди, Свѣтъ истинный, приди, Жизнь
вѣчная, приди, сокрытая Тайна...

Симеонъ Новый Богословъ.

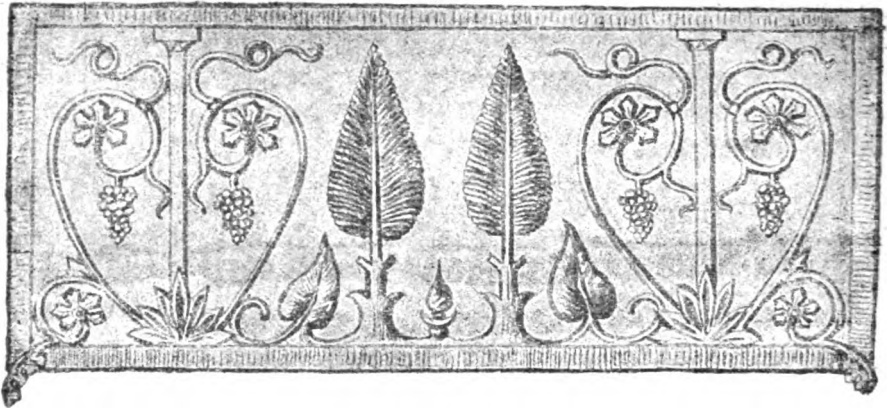
Скорблю я безмѣрно, безбрежно...
Утѣшитель, крыльями бѣлыми
Повѣй на пониклую душу!
Страстей и томленій пожарами
Сердце опаленныхъ цѣлитель,
Порфира Царя Заревого,
Вѣнецъ красоты неувяленной.

Приди, несказанная тайна,
Жемчужина моря бездоннаго;
Въ сіяньи камней драгоцѣнныхъ
Приди, опоясанье чистое.
Приди, безконечная радость,
Свѣтъ истинный славы надмірной,
Приди, упованье спасаемыхъ.

Я сталъ на землѣ одинокимъ,
Взыскающимъ града нездѣшняго,
Ты—свѣтъ для меня невечерній
И солнце мое незакатное.
Открой мое сердце и вниди,—
Да стану ковчегомъ, хранящимъ
Сокровище тайнъ неувѣдомыхъ.

А. Веселовская.

Воспоминанія.

Глава XIX.

Дашка мнѣ простила, но Ромочка какъ-будто избѣгалъ меня, и только на слѣдующее утро, когда мы умывались, я увидѣла, что это съ нимъ прошло, онъ опять довѣрчиво смотрѣлъ на меня и попрежнему говорилъ со мной.

— Правда, Шура, мыльная пѣна точно мусъ? помнишь, его подавали въ Ивановскомъ за обѣдомъ,—сказалъ онъ, намыливая себѣ руки.

— Ромочка, а правда какъ смѣшно, что отъ зеленого мыла идетъ бѣлая пѣна; а мыло цвѣтомъ точно фисташковое мороженое, правда?—замѣтила я.

— Вотъ бы попробовать его, можетъ быть, оно такое же вкусное,—отвѣтилъ Ромочка.

— Что вы, баринъ, пустяки говорите, нешто мыло ѣдятъ, отъ него помрешь,—вмѣшалась, въ нашъ разговоръ нянюшка Наталія Васильевна.

— Вотъ, погодите, скажу мамзель Зели, она задастъ вамъ,—погрозила нянюшка Ромочкѣ.

— Êtes-vous prêts, mes chers enfants ¹⁾? — слышался голосъ m-elle Zélie за дверью и, постучавъ, она вошла въ комнату.

¹⁾ Вы готовы, милые дѣти?

— Tout de suite, Mademoiselle ¹⁾),—стала я торопиться и, одѣвшись, побѣжала внизъ въ гостиную, гдѣ бабушка, въ ожиданіи чая, уже сидѣла въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ.

— А Ромочка готовъ?—спросила она.

— Сейчасъ придетъ, бабуля,—отвѣтила я, усаживаясь у ея ногъ на низенькую табуретку.

Дверь изъ синей комнаты отворилась, и въ ней показалась M-elle Zélie, она вела за руку Ромочку, и за ними шла нянюшка.

— Savez-vous, Madame, cé garçon mange du savon, vous pouvez le demander à Natal Vasilna ²⁾), быстро и съ негодованіемъ заговорила M-elle Zélie.

— Что же ты за нимъ не смотришь? — строго обратилась бабушка къ нянюшкѣ.

— Помилуйте, сударыня, нешто углядишь за ими, я и то общалась имъ пожаловаться мамзель,—стала оправдываться нянюшка.

— Ты что же это дѣлаешь? Можетъ быть, мыло ядъ, и ты отъ него можешь умереть, — всплеснула бабушка руками, обращаясь къ Ромочкѣ.

— Oui, Madame, le savon est, peut-être, un poison très dangereux,—подтвердила M-elle Zélie ³⁾).

— Конечно, помрутъ, непременно помрутъ, не прикажете ли ужъ за священникомъ послать, сударыня?—поспѣшила сказать нянюшка,

Слушая эти рѣчи, я во всѣ глаза глядѣла на Ромочку, а онъ молчалъ и хмурился, подперевъ щеку рукой и, казалось мнѣ, лицо его темнѣетъ,—очевидно Ромочка умиралъ, и сейчасъ онъ долженъ будетъ куда-то исчезнуть...

Отъ жалости и страха, я громко закричала и ничкомъ бросилась на полъ.

Въ комнатѣ произошелъ переполохъ, всѣ засуетились, кинулись поднимать меня, что-то говорили, а мое сердце разрывалось отъ отчаянія, и я все громче и громче кричала:

— Ромочка! Ромочка! — стараюсь этимъ удержать его отъ смерти... и онъ еще не умеръ, а подбѣжалъ ко мнѣ, и я крѣпко обхватила его шею и, прижавъ его къ себѣ, замолчала.

— Il ne faut jamais perdre espoir, Madame, — сказала въ на-

¹⁾ Сейчасъ, мадемуазель.

²⁾ Знаете, сударыня, этотъ мальчикъ ѣстъ мыло. Вы можете спросить у Наталіи Васильевны.

³⁾ Да, сударыня, можетъ быть, мыло очень опасный ядъ.

ступившей тишинѣ M-elle Zélie, — pour chaque poison il y a du contrepoison, et si on le lui donne, il ne mourra pas.

— Que peut-on lui donner, Mademoiselle? ¹⁾ — спросила бабушка, и по ея голосу я почувствовала, что она боится не за Ромочку, а за меня.

— Oh! Rien qu'un peu de moutarde ²⁾, — увѣренно отвѣтила M-elle Zélie.

— Да, да, да! обрадовалась бабушка, — дайте поскорѣй горчицы и за священникомъ не посылайте.

— Слушаюсь, — отвѣтилъ какой-то голосъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ на мои крики собрались люди.

Когда принесли баночку съ горчицей, я отпустила Ромочку, чтобы онъ скорѣе принялъ противоядія, и онъ храбро открылъ ротъ, а M-elle Zélie капнула ему туда горчицы съ ложечки.

Ромочка поморщился, потомъ сильно покраснѣлъ и закашлялся.

— C'est ça ³⁾! — улыбнулась M-elle Zélie.

— Что, будете мыло кушать? — засмѣялась Наталія Васильевна, а за ней расхохотались люди въ сосѣдней комнатѣ.

Это убѣдило меня, что Ромочка спасенъ, и я взяла его за руку.

— Пойдемъ въ садъ, — шепнула я ему, и пока M-elle Zélie о чемъ-то спорила съ бабушкой, вѣроятно о методахъ воспитанія, мы вышли на балконъ.

Тамъ ждалъ насъ Негро, не смѣвшій войти въ комнату, но тоже встревоженный моими криками и суетой въ гостиной, и мы втроемъ побѣжали въ аллею.

— Ромочка, а мыло было вкусное? — спросила я его тамъ на-ухо, чтобы никто не слыжалъ.

— Не знаю, я его не ѣлъ, — тихонько отвѣтилъ онъ...

— Зачѣмъ же ты горчицу ѣлъ? — должна была бы я его спросить.

Но я была мала и глупа, мнѣ было всего лѣтъ семь, и я только въ недоумѣніи смотрѣла на Ромочку, не умѣя прочесть въ свѣтлыхъ глазахъ маленькаго героя.

— А горчицу я ѣлъ, чтобы ты перестала бояться, что я умру, и больше не кричала...

¹⁾ Никогда не надо терять надежды, сударыня, для каждаго яда есть противоядіе, и если его дать ему, онъ не умретъ.

Что же можно дать ему, Мадемуазель?

²⁾ О! Только немножко горчицы.

³⁾ Такъ!

Глава XX.

Недоразумѣніе съ мыломъ и комедія съ горчицей, поставившія меня въ дѣтствѣ лицомъ къ лицу съ мыслью возможности смерти моего друга Ромочки, можетъ быть, подготовили мое маленькое сердце къ ожидавшему его удару — смерти не менѣе дорогого мнѣ существа, Негро.

Наступила осень, мнѣ минуло восемь лѣтъ; мама пріѣзжала въ Красное и увезла съ собой въ Петербургъ Ромочку, а мы съ бабушкой должны были, по ея дѣламъ, провести часть зимы въ Тулѣ; собираясь уѣзжать, мы поѣхали въ Соковнино прощаться съ бабушкиной сестрой.

Негро, предчувствуя нашъ скорый отъѣздъ, ни за что отстать отъ насъ не хотѣлъ и, несмотря ни на какія увѣщеванія и приманки, сколько его изъ дому ни звали и ни свистали ему, онъ никакъ справиться съ собой и послушаться не могъ и побѣждалъ за нами.

— Ступай домой, ступай домой, — строго кричалъ на него съ козель кучеръ Федоръ, и Негро начиналъ хитрить, то покорно поджималъ хвостъ и поворачивалъ назадъ, то ложился, но потомъ опять бѣжалъ за нами, умышленно увеличивая разстояніе между собой и нашимъ экипажемъ, чтобы мы повѣрили, что онъ догнать насъ не можетъ и перестали на него обращать вниманіе.

На пятой верстѣ, когда мы съ проселка повернули на большую дорогу, онъ все еще мелькалъ издали чернымъ движущимся пятномъ среди яркой зелени озимей, и мы съ бабушкой тревожились за него, зная, что въ Соковнинской усадьбѣ много строгихъ дворовыхъ собакъ.

— Небось, съ большака вернется, не побѣжитъ въ усадьбу, — успокаивалъ насъ Федоръ, считавшій себя сердцеѣдомъ лошадей и собакъ.

— Вотъ я тебя! — погрозилъ онъ кнутомъ по направленію Негро и пустилъ лошадей полной рысью.

Въ усадьбѣ съ визгомъ и лаемъ встрѣтила насъ и закружилась возлѣ лошадей и экипажа стая разношерстныхъ собакъ, и я подумала:

— Хорошо, что нѣтъ Негро.

— Мы пріѣхали къ вамъ на минуточку проститься, — сказала бабушка своей сестрѣ, встрѣтившей насъ въ залѣ со своими

дѣтьми, и я даже не успѣла какъ слѣдуетъ погулять въ саду и поиграть со своими друзьями, какъ уже надо было собираться.

— Очень спѣшу домой, прощайте, до свиданья въ Тулѣ, цѣловалась бабушка съ сестрой и ея дѣтьми и, провожаемые ихъ ласковыми улыбками, мы сѣли въ экипажъ.

Собакъ на дворѣ не было, но, возвращаясь откуда-то съ большой дороги, вся стая встрѣтила насъ у воротъ и опять лаяла и бросалась на насъ.

— Гдѣ теперъ Негро?—подумала я.

Но что это? Вѣдь это онъ, вонъ тамъ лежитъ на межѣ и вѣрно ждетъ насъ, но отчего онъ не встаетъ, когда мы приближаемся и ѣдемъ мимо?

— Ѳедоръ, остановись,—съ тревогой говоритъ бабушка, и Ѳедоръ, понявъ ея мысль, слѣзаетъ съ козелъ.

— Подержите лошадей, сударыня,—передаетъ онъ возжи бабушкѣ и идетъ къ Негро.

Вотъ онъ подходитъ къ нему, наклоняется надъ нимъ и, махнувъ рукой, возвращается.

— Загрызли,—говоритъ онъ, качая головой, и бабушка, схвативъ меня на руки прижимаетъ мое лицо къ своей груди, чтобы я ничего не видѣла.

— Ѳедоръ, поѣзжай скорѣй,—слышу я ея встревоженный голосъ и въ оцѣпенѣннн чувствую, что случилось что-то ужасное, и Негро ужъ больше никогда, никогда домой не вернется.

Глава XXI.

Какъ въ Красномъ стало скучно и холодно!

Листья на кустахъ и на деревьяхъ почти всѣ пожелтѣли и, падая на землю, ложились мягкимъ слоемъ въ лѣсу и на дорожкахъ сада; покрываясь по утрамъ тонкимъ серебромъ заморозковъ и оттаивая къ полдню алмазными капельками влаги, сухіе листья нѣжно шуршали подъ ногами и, благоухая, наполняли воздухъ сладкимъ и печальнымъ ароматомъ осени, а надъ ними вѣтви оголенныхъ деревьевъ, выдѣляясь на холодныхъ голубыхъ просвѣтахъ неба и на сѣрыхъ облакахъ, казались со-всѣмъ черными.

Въ саду и въ домѣ было пусто—тамъ больше не было Негро и Ромочки...

Когда истопникъ Артамонъ по утрамъ протапливалъ печи, мнѣ вспоминалось, какъ давно, давно, когда мы съ Ромочкой были совсѣмъ маленькіе, онъ насъ лѣтомъ каталъ въ колясочкѣ по двору и вывалилъ.

Ромочка тогда очень ушибся, но не плакалъ, а я кричала во все горло, хотя совсѣмъ нигдѣ не было больно, и было совѣстно, что бабушка за это бранить Артамона, но разъ ужъ начала кричать—надо же было продолжать.

Артамонъ съ этомъ вѣрно ужъ позабылъ и всегда ласково на меня смотрѣлъ, когда я подходила поглядѣть, какъ онъ топить печи.

Онъ утромъ притаскивалъ къ печамъ большія охапки ржаной соломы, замѣнявшей намъ дрова, которыхъ въ Чернскомъ уѣздѣ, за отсутствіемъ лѣсовъ, мало, соломы же пропасть, и, свертывая ее въ жгуты, совалъ ихъ въ печь, гдѣ они горѣли, а онъ все подкладывалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока печь не накаливалась; тогда онъ шелъ топить другую.

Иногда Артамонъ замѣнялъ солому гречишной лузгой, насыпая ее изъ мѣшковъ въ ящикъ въ формѣ воронки на ножкахъ, откуда лузга по желобку бѣжала въ топку и тамъ жарко пылала разноцвѣтнымъ огнемъ, и Артамонъ молча на него глядѣлъ.

Хорошій онъ былъ малый, всегда веселый и ходилъ зимой и лѣтомъ въ одномъ и томъ же овчинномъ тулупчикѣ.

Хотя у насъ за лѣто наварили много разнаго варенья, но бабушка и M-elle Zélie передъ отъѣздомъ въ Тулу вздумали еще сварить рябины и чистили ее въ розовой комнатѣ.

Рябина, уже тронутая утренними морозами, сморщившись на своихъ вѣточкахъ, кучами лежала на столѣ, а очищенная—на блюдахъ, точно груды коралловыхъ бусъ, нитку которыхъ носила Fräulein Minna, и рябина напоминала мнѣ ее.

Минны у насъ ужъ больше не было, бабушка уступила ее кому-то изъ сосѣдей, затруднявшихся выписывать себѣ нѣмку, тогда какъ мы легко могли найти въ Тулѣ другую, а они Миннѣ прибавили жалованья.

Минна очень плакала, покидая насъ, но отчего ей было плакать?—Вѣдь разъ она пріѣхала работать въ Россію, она должна была прожить у насъ, или въ другомъ мѣстѣ, не все ли равно, извѣстное число лѣтъ, помогая своимъ родителямъ и собирая себѣ приданое, чтобы, вернувшись въ отчизну, выйти замужъ за своего Франца, который ждалъ ее и тоже гдѣ-нибудь работалъ на чужбинѣ.

Но, вѣрно, у Минны было нѣжное сердце, хотя, можетъ быть, еще не такое благородное, какъ у M-elle Zélie, и, поддавшись соблазну прибавки жалованія, она увидѣла, что любить насъ, и что любовь дороже денегъ.

— О чемъ это M-elle Zélie такъ спорить съ бабушкой?—подумала я, входя въ розовую комнату.

Щеки ея пылали, она громко говорила и, жестикулируя руками, въ сердцахъ кидала рябину въ стаканъ, тогда какъ бабушка спокойно чистила ее и тихо возражала M-elle Zélie.

N'avez pas peur, mon enfant, nous ne nous querellons pas, c'est un combat de générosité,—et *je-ne-vous-quit-te-rai-pas* ¹⁾, — твердо произнесла M-elle Zélie и засмѣялась, увидя мое недоумѣніе.

Оказывалось, ее кто-то тоже переманивалъ, что, къ сожалѣнію, иногда между помѣщиками практиковалось, и она негодовала и сердилась на бабушку, великодушно предлагавшую ей, если она хочетъ, взять болѣе выгодное мѣсто.

Убѣдившись, что между бабушкой и M-elle Zélie, въ сущности, все обстоитъ благополучно, и никто больше не разстается, мнѣ стало скучно слушать споры *состязаній въ великодушіи*, и я ушла въ залу.

Тамъ на этажеркѣ лежала французская книжка съ картинками, которую мнѣ привезла тата; разсмотрѣть ее какъ слѣдуетъ я еще не успѣла, потому что все бѣгала въ саду и играла съ Ромочкой, пока онъ еще былъ въ Красномъ.

Увидя книжку и вспомнивъ тата, я подумала: Ромочки уже нѣтъ,—и съ грустью усѣлась на диванъ.

Книжечка была совсѣмъ новенькая, отъ нея пріятно пахло печатью, и буквы были крупныя и отчетливыя, а я уже умѣла читать по-французски.

На одной изъ картинокъ, напечатанной сѣрыми тонами, соответствующими моей печали по Негро и Ромочкѣ, была изображена полутемная комната; черезъ большое, широкое окно, полукруглое вверху и съ мелкимъ переплетомъ, былъ виденъ садъ, и надъ деревьями свѣтила полная луна; у окна стоялъ высокій, стройный человѣкъ и, указывая на луну мальчику, сходящему влѣкъ, онъ что-то говорилъ ему,—подъ картинкой были написаны его слова:

¹⁾ Не бойтесь, дитя мое, мы не есоримся, но между нами состязаніе въ великодушіи, — и я-васъ-ни-по-ки-ну.

— Regarde, mon fils, la lune se lève au-dessus des saules pleureurs et des bouleaux ²⁾).

Отчего мнѣ стало вдругъ такъ страшно, что я закрыла книжку и зажмурилась, и мнѣ представился какой-то домъ, какой-то садъ и озеро, къ которому вела лѣсенка съ перилами изъ низенькихъ, точеныхъ колонокъ...

Съ тѣхъ поръ я стала бояться луны, и когда опять смотрѣла картинку — отъ словъ: „les saules pleureurs et les bouleaux“ хотѣлось плакать.

Мнѣ сталъ сниться странный домъ, и хотя онъ былъ красивъ, онъ казался мнѣ страшнымъ снаружи и еще страшнѣй внутри; тамъ я проходила по таинственному корридору и за закрытыми дверями слышала голоса, но до конца никогда дойти не могла, такъ какъ просыпалась въ ужасѣ...

Сонъ этотъ преслѣдовалъ меня, то чаще, то рѣже, въ продолженіе почти двадцати пяти лѣтъ, даже когда я была замужемъ, и у меня уже были дѣти.

Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ, въ Казани умерла, нашъ большой другъ, Наталія Александровна Семякина, горячо любившая моего мужа и меня, и, когда я объ этомъ узнала въ Красномъ и конечно опечалилась, мнѣ опять приснился страшный домъ, но внутри было тихо, и въ этотъ разъ я дошла до конца корридора. Тамъ въ большой комнатѣ высоко билъ фонтанъ, окруженный перилами изъ низенькихъ точеныхъ колонокъ, и возлѣ него, улыбаясь, встрѣтила меня Наталія Александровна... Я проснулась, но безъ страха, и подумала:—это ея прежнія слезы.

Съ этихъ поръ мой сонъ прекратился, должно быть навсегда, но когда мнѣ приходилось видѣть въ старыхъ паркахъ, дворцахъ и зданіяхъ такіе фонтаны, перила и окна съ мелкимъ переплетомъ, у меня всегда сжималось сердце, и сильнѣе всего оно сжалось въ Версалѣ...

Въ Пришнѣ, въ усадьбѣ бабушкиной двоюродной сестры, Елены Сергѣевны Коленковой, къ которой мы заѣзжали по дорогѣ въ Тулу, въ домѣ былъ балконъ съ такими перилами, и въ дѣтствѣ я любила тамъ быть и о чемъ-то смутно вспоминать.

Мнѣ также нравилась въ Пришнѣ круглая гостиная съ старой мебелью краснаго дерева и съ портретами людей въ напудренныхъ парикахъ, но не нравилось, что въ Пришнѣ всегда

²⁾ Смотря, мой сывъ, луна поднимается надъ плакучими ивами и березами.

на ночь закрывали ставни, и когда мы тамъ ночевали, если, бывало, проснешься рано утромъ, когда еще всѣ спятъ, долго видишь дневной свѣтъ только черезъ маленькія отверстія ставней въ формѣ сердецъ и съ тоской чувствуешь себя точно въ тюрьмѣ, во власти кого-то неизвѣстнаго, завѣдующаго ставнями; и какъ долго, долго онъ ихъ не открывалъ..... Но вдругъ ставни съ шумомъ и грохотомъ, по чьему-то приказанію, отворялись снаружи, и яркій дневной свѣтъ, ослѣпляя въ первую минуту, широкой волной освобожденія вливался въ комнату, и тѣ, кто еще спали, просыпались...

Глава XXII.

Въ Тулу мы ѣздили изъ Краснаго не такъ, какъ въ Ивановское.

Въ Ивановское мы отправлялись на-легкѣ, въ коляскѣ, иногда даже парочкой, и не брали съ собой провизіи, а въ Тулу ѣхали четверикомъ въ каретѣ; сзади еще былъ тарантасъ тройкой для людей и подвода съ вещами, и мы забирали съ собой много провизіи и воды въ бутылкахъ, чтобы ѣсть и пить дорогой.

Ѣхать въ Ивановское было гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ Тулу, — не такъ далеко, и дороги, ближняя и дальняя, были до малѣйшихъ подробностей знакомы мнѣ.

По ближней дорогѣ, которая почти сплошь шла мимо деревень и усадебъ, ѣздить было веселѣй, на ней встрѣчались люди, лошади, стада и собаки, и она была верстъ на десять короче дальней, шедшей по пустыннымъ полямъ, но она зато была опаснѣй, такъ какъ часто приходилось переѣзжать черезъ рѣки и овраги по мостамъ.

Бабушка ужасно боялась этихъ мостовъ, потому что они были живые и, только для видимости, обманчиво прикрываясь слоемъ соломы, такъ и ходили подъ экипажемъ и подъ ногами лошадей, попадавшихъ копытами въ дыры и щели, а нѣкоторые мосты были очень узки, и часть даже безъ перилъ, такъ что благополучно проѣхать по такому мосту считалось большимъ кучерскимъ и лошадинымъ искусствомъ.

Оедоръ, гдѣ только было возможно, старался объѣзжать мосты, онъ, вѣрно, слышалъ рассказъ объ одномъ кучерѣ, который повезъ свою барыню въ каретѣ по мосту черезъ оврагъ и провалился.

— Эхъ вы, ну ужъ и мосты у васъ,— горько упрекалъ онъ мужиковъ, собравшихся вытаскивать карету изъ-подъ обломковъ, а они засмѣялись и отвѣтили ему:

— И ты тоже хорошъ, а еще кучерь! видишь мостъ и прямо ѣдешь на него, нѣтъ того, чтобы его объѣхать.

Хотя Ѳедоръ никогда насъ не вываливалъ, и лошади наши никогда не шалили, все же бабушка не совсѣмъ довѣряла имъ на горахъ и на краю овраговъ и, крѣпко держась руками за коляску и сдерживая дыханіе, говорила мнѣ по-французски, чтобы Ѳедоръ не обидѣлся:

— Je crains qu'il ne nous fasse culbuter dans le précipice ¹⁾.

Но она никогда отъ страха не кричала на мостахъ, какъ grand-tataп, и не шептала при спускахъ съ горъ:

„Помяни Господи царя Давида и всю кротость его“,—или же: „Самсонова сила, навлинъе перо“—при подъемѣ въ гору, но покорно ожидала своей участи, облегченно вздыхая, когда опасности кончались.

Вопросъ: ѣхать ли въ Ивановское прямо по скучной дальней дорогѣ, или же сворачивать налѣво на ближнюю, веселую, рѣшался на попятіи въ Раевѣ, но у бабушки не всегда хватало храбрости сказать.

— Ѳедоръ, поѣзжай налѣво,—но чаще всего она говорила:

— Ѳедоръ, прямо,—и мнѣ тогда предстояло во время пути по дальней дорогѣ не развлекаться земными видами, но, слѣдуя по пустынной мѣстности, глядѣть въ небо на облака и думать о комъ-то невидимомъ за ними, а потомъ заснуть въ коляскѣ до самой „Дубровы“, откуда съ горы открывался великолѣпный видъ на Ивановское.

Чудно блеститъ тамъ рѣка подъ горой, а надъ рѣкой, на противоположномъ высокомъ берегу, на широкомъ выгонѣ стоитъ бѣлая каменная церковь. Направо отъ нея далеко тянется большая деревня, соединяясь съ другими деревнями, а налѣво усадьба, и за ней, въ туманной дали вдоль рѣки, виднѣются другія деревни, церкви и усадьбы.

Если мы подъѣзжаемъ къ Ивановскому вечеромъ, солнце садится за нами, озаряя всю картину розовымъ свѣтомъ, и стекла въ окнахъ барскаго дома, церкви и деревенскихъ избъ, отражая этотъ свѣтъ, хоромъ поютъ солнцу торжественный прощальный гимнъ, а намъ—привѣтственную пѣсню.

¹⁾ Я боюсь, чтобы онъ насъ не кувырнулъ въ пропасть.

Слушая ее, мы ѣдемъ съ горы и видимъ, какъ въ усадьбѣ старый паркъ спускается къ рѣкѣ навстрѣчу намъ, и какъ бѣлый домъ съ террасой, фронтономъ и колоннами радуется намъ, и его окна, сверкая въ лучахъ заходящаго солнца, смотрятъ на насъ и горятъ, какъ зоркія, живыя очи.

Усыпанныя пескомъ дорожки, отъ радости, что мы ѣдемъ, съ площадки передъ домомъ во всѣ стороны разбѣгаются мимо цвѣтущихъ клумбъ и, прячась за кустами, выглядываютъ оттуда, потомъ бѣгутъ къ рѣкѣ, гдѣ бѣленькая, обтянутая парусиной купальня лукаво улыбается намъ изъ-подъ вѣтвей плакучихъ ивъ, а возлѣ нея лодочка, покачиваясь на водѣ, привѣтливо киваетъ намъ.

О милос, милое Ивановское! Милый старый домъ!

Вотъ кто-то вышелъ на балконъ, точно выползла теменькая букашка, она засуетилась, побѣжала въ комнаты и оттуда привела съ собой другую, онѣ машутъ намъ бѣлыми платочками.

C'est tante Sophie et encore quelqu'un ¹⁾,—говоритъ бабушка радостнымъ голосомъ, а у меня сжимается горло отъ восторга, и такъ сильно бьется сердце, чувствуя волны любви, которыя оттуда плывутъ къ намъ, что хочется летѣть навстрѣчу къ нимъ, а мы такъ тихо, тихо спускаемся съ горы...

Но вотъ наконецъ нашъ экипажъ съ громомъ въѣзжаетъ на мостъ.

— Крѣпокъ ли мостъ? — беспокоится бабушка и хватается руками за коляску, но колеса ровно катятся по новымъ доскамъ, и онѣ не прыгаютъ, и лошади безъ страха стучатъ по нимъ копытами.—нигдѣ ни одной дыры, ни одной щели—мостъ торжественно гремитъ и, слегка сотрясаясь, съ достоинствомъ выдерживаетъ насъ.

Подъ нимъ шумитъ вода, омывая толстыя сваи, и течетъ дальше, а мы несемся въ гору, — еще одно усиліе, и мы мчимся во весь духъ по выгону, мимо церкви, прямо въ ворота и подкатываемъ къ крыльцу, а тамъ насъ уже ждутъ; встрѣчаютъ насъ и море любви и душевнаго тепла, поглощающихъ насъ...

Какъ сладко въ немъ тонуть, захлебываясь отъ радости!..

Но въ Тулѣ, куда мы теперь собираемся изъ Краснаго, никто не ожидаетъ насъ.

Какъ скучно ѣхать въ городъ изъ деревни!..

А. Унковская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Это tante Софи и еще кто-то.

C R E D O.

С. Равяъ.

Да, она существуетъ, гармонія Мира,
Неизмѣнная, вѣчная пѣснь бытія;
Да, въ эфирѣ небесномъ незримая лира.
Не смолкая, поетъ, на свободу маня!

* * *

Да, Онъ есть, Вседержитель, вѣнчанный Любовью,
И природа, Его благодатью дыша,
Обагрят столѣтія жертвенной кровью,
Гимны жизни поетъ, какъ живая душа.

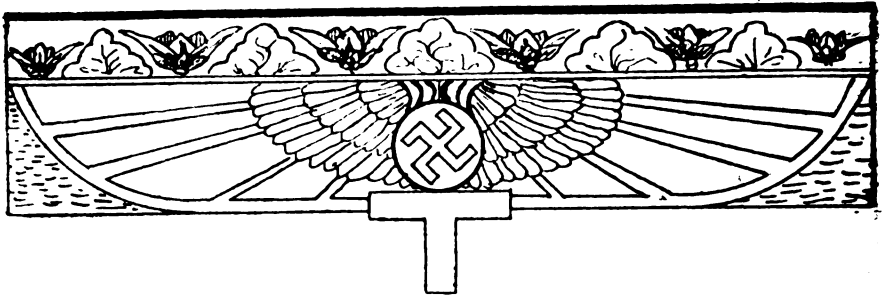
* * *

Да, Онъ благо даетъ человѣку и звѣрю,
И былинка и дерево зиждется Имъ.
О мой Богъ, о мой Свѣточъ. я вѣрю, я вѣрю
Чудесамъ и завѣтамъ Твоимъ!

* * *

Съ норвежскаго Г. Л.

Ключъ отъ часовни ¹⁾.

На вершинѣ скалы, возвышаясь надъ сѣрымъ моремъ, стояла старинная часовня. Въ зимніе вечера окна ея дребезжали отъ вьюги, и дождь тихо капалъ на крышу, купая это маленькое святилище въ небесной влагѣ. Порывы вѣтра проходили, какъ призраки, со странными вздохами задѣвая стѣны, и убѣгали въ ночь.

Внутренность часовни была изъ сѣраго мрамора съ потускнѣвшими расписными стеклами на каждой стѣнѣ. По ночамъ луна заглядывала въ окна, и ея блѣдные лучи, какъ саванъ, ложились на плиты. Алтарь изъ бѣлаго мрамора съ распятіемъ изъ грубаго дерева былъ пустъ. Лѣтомъ, когда утесникъ и верескъ были въ цвѣту, громадныя букеты ихъ возвышались по обѣимъ сторонамъ распятія, примѣшивая свой дикій аромать къ запаху ладана и старыхъ камней. Но все остальное время года на алтарѣ не было ничего, кромѣ распятія, и надъ нимъ слабое пламя неугасимой лампы мерцало во тьмѣ долгихъ ночей и сумрачныхъ дней.

Часовня принадлежала одному человѣку, купившему ее въ тотъ моментъ, когда ее предполагали разрушить. Этого человека звали Панфилій. О немъ знали очень мало, такъ какъ онъ никогда не говорилъ о себѣ. Онъ жилъ одиноко и очень просто, погруженный въ занятія и молитву, помогая всѣмъ, кому могъ. И потому всѣ вокругъ любили его, а когда онъ гулялъ по прибрежнымъ скаламъ, деревенскія дѣти прибѣгали поздороваться со старшимъ братомъ. Онъ рассказывалъ имъ прекрас-

¹⁾ Перев. съ французскаго, Le Théosophe, 13 Mai, 1913.

ныя исторіи о другихъ великихъ братьяхъ, жившихъ давно. Въ особенности дѣти любили старшаго брата всей природы, брата птицъ, деревьевъ и вѣтра, котораго Панфілій называлъ Святымъ Францискомъ.

Никто, кромѣ Панфілія, не входилъ въ старинную часовню, ключъ отъ которой хранился у него. Она была для него святилищемъ, которое онъ охранялъ съ благоговѣніемъ, какъ охраняютъ святыя Дары отъ взглядовъ профановъ.

Она была его наивысшимъ пристанищемъ.

Въ то время, какъ онъ сидѣлъ на ея холодныхъ плитахъ, погруженный въ созерцаніе, его душа озарялась, и смыслъ тайны раскрывался передъ нимъ. Это происходило въ минуты того наивысшаго душевнаго мира, когда душа поднимается надъ тѣмъ, что принято называть страданіемъ. Въ минуту такого покоя, который Панфілій называлъ небомъ, ему казалось, что онъ живетъ другою жизнью, совѣмъ иной и болѣе реальной, чѣмъ жизнь земная. Тогда его сознаніе пріобрѣтало спокойствіе и ясность горнаго озера, затеряннаго на воздушныхъ высотахъ, гдѣ не ступала нога человѣка. И тогда, когда онъ стоялъ одинъ передъ распятіемъ, его душа чувствовала присутствіе Божественнаго Учителя. Иногда въ сумерки ему казалось въ полумракѣ церкви, что благословенная смерть приходитъ соединить его съ Нимъ. Обстановка церкви отходила въ тѣнь понемногу, какъ будто для того, чтобы уступить свое мѣсто мраку и молчанію, даже распятіе исчезало, и міръ формъ, такъ легко отступившій на задній планъ, исчезалъ, какъ сонъ. И Панфілію казалось тогда, что живетъ только одна его душа.

Однажды онъ по обыкновенію отправился къ часовнѣ. Подойдя къ двери, онъ хотѣлъ отпереть ее, но замѣтилъ, что потерялъ ключъ по дорогѣ. Этотъ ключъ—старинной и странной формы, и его трудно будетъ сдѣлать въ деревнѣ. И Панфілій задрожалъ при мысли, что онъ долженъ будетъ привести рабочихъ, чтобы сдѣлать новый замокъ для его святилища. Онъ сказалъ себѣ, что онъ попробуетъ сперва поискать его всюду. Онъ былъ опечаленъ. Ему не доставало его часовни. То небо, которое онъ находилъ каждый день въ тишинѣ ея сводовъ,—казалось ему отдаленнымъ и почти потеряннымъ, и его охватила ужасная тоска.

Онъ бродилъ по прибрежнымъ скаламъ, заглядывая въ кусты утесника, какъ вдругъ онъ увидѣлъ передъ собою мальчика удивительной красоты. На видъ ему было лѣтъ 15-ть. Онъ

былъ одѣтъ въ бѣлую тунику, его черные, густые волосы съ проборомъ посреди падали густыми прядями на плечи. Онъ держался прямо, и лицо его, гордое и нѣжное, было немного наклонено впередъ, подобно цвѣтку на своемъ стеблѣ. Его громадныя, черныя глаза были мягки и ясны, его ротъ со слегка сомкнутыми губами выражалъ изумленіе передъ открытыми ему великими тайнами. Панфілій остановился полный благоговѣнія и любви. Кто былъ передъ нимъ? Не юный ли святой Іоаннъ со старинной картины стоялъ передъ нимъ, или, быть можетъ, это былъ ангелъ, спустившійся на землю? Мальчикъ взглянулъ на Панфілія. Какой взглядъ! Долгій взглядъ, спокойный, безграничный.

Передъ этимъ взоромъ Панфілій упалъ на колѣни. Ослѣпленный, онъ не видѣлъ ничего, кромѣ этихъ глазъ, устремленныхъ на него, и онъ узналъ въ нихъ цвѣты той далекой страны, которую онъ называлъ небомъ. Они имѣли эту ясность и спокойствіе, которыя были уже знакомы ему, и, увидя эти глаза, онъ узналъ откуда они. И Панфілій почувствовалъ, что передъ нимъ раскрылось снова его небо. Затѣмъ ребенокъ посмотрѣлъ вдаль на безграничный просторъ моря и неба, и его взглядъ былъ еще безграничнѣе чѣмъ они, но болѣе ясенъ и силенъ; Панфілій понималъ отчего. Тогда дитя, говоря, какъ бы во снѣ, глядя съ глубокой любовью на картину, разстилавшуюся передъ нимъ, и, какъ если бы голосъ его былъ истолкователемъ всей этой природы таинственно-живой, сказало: „Иди на берегъ моря, и когда для тебя каждый прибрежный камешекъ, каждая капля воды въ морѣ, каждая звѣзда на небѣ будетъ имѣть такое же значеніе, какъ и ключъ отъ твоего святилища, ты снова обрѣтешь свой ключъ“.

Переводъ съ франц. В. Рохлиной

Орфическіе гимны.

Въ этомъ году продолжается печатаніе Орфическихъ гимновъ въ переводѣ съ греческаго, начатое два года назадъ. За 1914 годъ было напечатано Введеніе и первые 27 гимновъ:

Гекатѣ.	Природѣ.	Зевсу Молниеносцу.
Привратницѣ.	Пану.	Зевсу Молніемечущему.
Ночи.	Гераклу.	Облакамъ.
Урану.	Кроносу.	Фетидѣ.
Эйру.	Реѣ.	Нерею.
Протогону.	Зевсу.	Нереидамъ.
Планетамъ.	Герѣ.	Протею.
Гелиосу.	Посейдону.	Геѣ.
Селенѣ.	Плутону.	Матери Боговъ.

За 1915 годъ были напечатаны слѣдующіе 31 гимнъ:

Гермесу.	Корибанту.	Гиппѣ.
Персефонѣ.	Деметрѣ Элевсинской.	Лусію.
Діонису.	Матери Антайѣ.	Нимфамъ.
Куретамъ.	Мизѣ.	Триетэрику.
Авинѣ.	Куретамъ.	Сабазію.
Побѣдѣ.	Орамъ.	Амфіету.
Аполлону.	Семелѣ.	Силену.
Латонѣ.	Діонису Бассарею.	Афродитѣ.
Артемидѣ.	Ликниту.	Адонису.
Титанамъ.	Бакху.	Гермесу подземному.
		Эросу.

Остальные 30 гимновъ будутъ напечатаны въ этомъ году.

Эти 88 гимновъ, приписываемые древностью Орфею, являются цѣннымъ памятникомъ для изученія греческихъ мистерій и ихъ ученія о происхожденіи міра, боговъ и человѣка. Греческая Ригведа, она и формой похожа на индусскіе гимны, заклю-

чающіеся въ детальномъ перечисленіи божественныхъ свойствъ, функций и названій. Внимательное чтеніе этихъ повторяющихся эпитетовъ и призываній приводитъ къ убѣжденію, что въ индусскихъ и греческихъ мистеріяхъ учили о Великомъ Единомъ, познаваемомъ въ его различныхъ аспектахъ, стихійныхъ, космическихъ и нравственныхъ. Далѣе выясняется ученіе о распаденіи Единаго на духъ и матерію и о взаимодѣйствіи ихъ при твореніи и т. д. Много интересныхъ указаній найдетъ изучающій въ этихъ гимнахъ. Е. П. Блаватская нѣсколько разъ упоминаетъ ихъ въ Тайной Доктринѣ и иногда цитируетъ по-гречески цѣлыя строки.

LIX. Мойрамъ (возжиганія ароматовъ).

Мойры безсмертныя, Ночи вы черной любимыя дѣти,
 Многоименныя, мнѣ, умоляющему, вы внимлите.
 Въ морѣ небесномъ живете вы (бѣлый потокъ тамъ несется,
 Въ зноѣ ночномъ, въ темной безднѣ, въ пещерѣ изъ камней
 богатыхъ).

Но возжелали вы смертныхъ и ихъ безконечную землю;
 Къ смертному рабскому роду вы съ легкой надеждой оттуда
 Все приближаетесь, тайной окрытыя тканью порфирной,
*Къ смертной долинѣ, идѣ мысль всеземной колесницею править,
 Въ вѣчной надеждѣ и цѣли стремясь обрѣсти справедливость,
 Древній законъ безграничнаго и всеблагаго начала.*

Мойра провидитъ то въ жизни, что больше никто изъ безсмертныхъ,

Тѣхъ, что вершиной покрытаго снѣгомъ Олимпа владѣютъ,
 Ни совершенный глазъ Зевса; но все, что случается съ нами,
 Все обо всемъ—только вѣдаетъ Мойра и Зевса сознанье.
 Но вы, воздушныя, мягкоразумныя, съ благостнымъ сердцемъ,
 Благорожденныя—Атропосъ, Клото, Лахезисъ—придите
 Вы неизмѣнныя, неистребимыя вѣчно, ночныя,
 Скрытыя, дарите все, роковыя вы хищницы смертныхъ.
 Мойры, внимлите моимъ возліяньямъ святымъ и молитвамъ,
 Къ мистамъ сойдите и благорѣшите страданьямъ дать отдыхъ.

LX. Харитамъ (курение смоль).

Слушайте вы, о Хариты, блестящепочетныя съ именемъ славнымъ,

Дочери Зевса и глубоколонной въ Эвриномы—Аглоя,
Талія и Евфросинія многосчастливая;—матери счастья,
Благоразумныя, всѣми любимыя, смертныхъ владыки, святаго,
Вы разноформныя, вѣчноцвѣтущая—не *воскресають* безъ вашей
Помощи благоразумной;—ни быстрые свѣточи солнца, селенья,
Также *софiи* и доблести, ни предприимчивой творческой славы;
Также—и юность прекрасная въ жизни богатой безъ васъ не
воскреснетъ.

Благожеланныя, вы круговыя, любимыя, ликомъ какъ розы,
Вы низойдите, всегда благосклонныя, счастье дающія, къ ми-
стамъ.

Пер. съ греч. Н. Павлиновой.

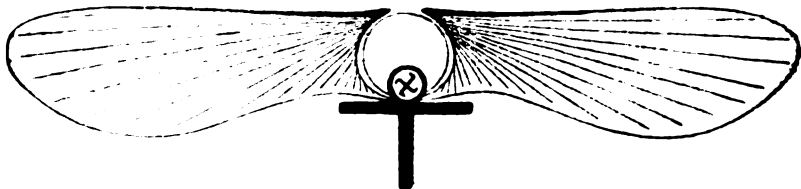

Вниманіе къ божественному Присутствію есть лучшее средство
дойти до совершенства. Это было одно изъ первыхъ повелѣній Бога
своему слугѣ Аврааму: «Ходи передо Мною и будь совершененъ».

Воля Божья есть господствующая царица вселенной. Ничто не со-
вершается безъ повиновенія ей. Она все повелѣваетъ кромѣ грѣха и мы
должны все разсматривать въ свѣтѣ этой благословенной воли.

Богъ, будучи безконеченъ въ величіи, обнимаетъ собою всѣ тайны;
слѣдовательно, найдя Бога, вы обрѣтаете суть тайны, о которой раз-
мышляете.

Св. Фр. де-Саль.

Скрижали Учителя или египетское учение о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы.

В. Маршамъ Адамсъ.

Предисловіе.

Пропло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я указалъ,— сперва на столбцахъ журнала „*New-Review*“, а затѣмъ и въ отдѣльномъ изданіи, —на возможность обрѣтенія ключа къ таинственной религіи Египта. Этотъ ключъ раскрылся мнѣ черезъ сравненіе потайныхъ ходовъ и покоевъ, находящихся въ Великой Пирамидѣ“ или „Сокровенномъ Домѣ“ въ Мемфисѣ, носившемъ у древнихъ египтянъ наименованіе „Свѣтъ“, съ потайными ходами и комнатами, описанными въ священномъ папирусѣ, изображающемъ „Вхожденіе въ Свѣтъ“, именуемомъ нынѣ „*Книгой Мертвыхъ*“, но извѣстномъ египетскимъ жрецамъ подъ названіемъ „*Скрижали Учителя Сокровеннаго Дома*“. Указанное мною соотвѣтствіе между ними выявило, хотя и частично, эти двѣ тайны, взаимно раскрывающія и освѣщающія другъ друга. Принимая во вниманіе затрудненія, связанныя съ подобнымъ предметомъ, приѣмъ, оказанный моему труду, можно считать довольно благопріятнымъ. Лишь тамъ и сямъ какой-нибудь критикъ, побуждаемый, можетъ быть, непривычнымъ чувствомъ оскорбленнаго всевѣдѣнія, изрекалъ загадочныя пророческія слова. Напримѣръ, въ одномъ распространенномъ еженедѣльникѣ, полемизировавшій со мной критикъ изложилъ, вопреки явной очевидности, свое личное и страстное убѣжденіе, что никакого соотвѣтствія между пирамидой и папирусомъ никогда и не предполагалось. Получалось впечатлѣніе, что критикъ былъ близко знакомъ съ создателями пирамиды и папируса, и что

протекшія нѣсколько тысячъ лѣтъ составляютъ лишь ничтожную бездѣлицу въ его долгой и ученой жизни. Все же въ большинствѣ случаевъ моя книга была благосклонно принята, какъ первая попытка истолковать непонятную дотолѣ религію Египта на основаніи исключительно египетскихъ источниковъ; особенно цѣнно въ данномъ случаѣ свидѣтельство знаменитаго египтолога, профессора Масперо. „Пирамида и *Книги Мертвыхъ*, писалъ онъ мнѣ (добавляя при этомъ, что ни одинъ египтологъ не касался еще этого вопроса), воспроизводятъ одинъ и тотъ же оригиналъ, первая—въ камнѣ, вторая—въ словахъ“. Въстѣ съ тѣмъ наличность преданія среди священниковъ въ Мемфисѣ (фактъ, позднѣе сообщенный мнѣ проф. Масперо), поддерживающаго мое утвержденіе, что этотъ Сокровенный Домъ служилъ мѣстомъ посвященія неофитовъ въ египетскія мистеріи,—придаетъ ему силу, которая можетъ быть умалена лишь непререкаемой очевидностью.

Со времени выхода моего труда я не переставалъ, по мѣрѣ силы, углубляться въ изученіе этого ключа, стараясь въ особенности установить степень точности астрономическихъ данныхъ, составляющихъ столь значительную часть символизма этихъ памятниковъ. Чисто религіозная сторона ученія останавливала на себѣ вниманіе многихъ экспертовъ въ чтеніи іероглифическихъ текстовъ; и наши свѣдѣнія о формахъ, въ которыя божественныя идеи облекались среди тѣхъ древнихъ жрецовъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ ясны и стройны, все же въ значительной мѣрѣ свободны отъ искаженій и превратныхъ толкованій, окутывавшихъ эти идеи при фильтраціи ихъ черезъ весьма пылкій, но удивительно ненаблюдательный интеллектъ Греци.

Что же касается научныхъ принциповъ древне-египетской религіи, то, за исключеніемъ д-ра Бругша, ни одинъ египтологъ, обладающій хотя бы умѣренными знаніями по математической астрономіи и вмѣстѣ съ тѣмъ хоть нѣсколько знакомый съ іероглифическими текстами, не посвящалъ себя специально этой работѣ; вслѣдствіе этого естественно и оказалось, что на науку древняго Египта было излито такъ много презрѣнія, что по количеству своему его можно сравнить лишь съ грудями грязи, наваленными невѣжественными ордами кочующихъ арабовъ на эти величественныя памятники и храмы. Въстѣ съ тѣмъ очень трудно понять тѣхъ, кто, признавая вмѣстѣ съ покойнымъ астрономомъ, профессоромъ Прокторомъ, что египетскіе храмы были

сооружены „астрономами для астрономовъ“, все же безопасно считаютъ эти громадныя сооруженія,—которыя въ теченіе тысячелѣтій скорѣй горделиво отражали покушеніе на себя, чѣмъ нуждались въ поддержкѣ рукъ человѣческихъ,—лишь памятниками безумія еще огромнѣе ихъ самихъ. Положительно удивляешься, что вопреки величественности этихъ чудесныхъ развалинъ, до сего дня далеко превосходящихъ наиболѣе законченныя постройки позднѣйшихъ народовъ, и несмотря на современныя изслѣдованія, съ каждымъ днемъ все яснѣе обнаруживающія глубокія знанія и вздумчивость, вложенныя въ египетскія сооруженія, все же ученые приписываютъ цѣлому ряду фараоновъ психику, присущую созданному Диккенсомъ безопасному мистеру Веммику, въ его книгѣ *Great Expectations*. „А!“ восклицалъ этотъ легкомысленный субъектъ, „вотъ церковь! давай, устроимъ свадьбу!“ „А!“ согласно этимъ ученымъ, восклицалъ одинъ египетскій монархъ, „вотъ водопадъ! построимъ-ка храмъ!“ „А!“ восклицалъ другой, „вотъ полярная звѣзда! соорудимъ-ка пирамиду“. Въ дѣйствительности же, чѣмъ ближе познакомишься съ мудростью Египта, тѣмъ болѣе и болѣе оправдывается она нашимъ разумомъ, и чѣмъ точнѣе выясняется она, тѣмъ отчетливѣе соотвѣтствуютъ ей современныя научныя данныя. Здѣсь мы стоимъ ужь на твердой почвѣ и можемъ строжайшимъ образомъ провѣрять каждый новый шагъ впередъ; однако, несравненно легче намъ будетъ прослѣдить и распознать отраженный въ этихъ памятникахъ Невидимый Свѣтъ внутренней, мистической доктрины, если мы правильно уразумѣемъ отношеніе древнихъ египтянъ къ проявленіямъ свѣта видимаго.

... Въ силу этого, при вторичномъ посѣщеніи мною Египта, я обратилъ особенное вниманіе на эти два пункта. Съ священнымъ папирусомъ въ рукѣ я исходилъ потайные ходы Великаго Дома, и я думаю, врядъ ли найдется челоѣкъ, продѣлавшій то же самое, держа въ умѣ преданія священниковъ и рисуя въ своемъ воображеніи полночное бдѣніе одинокаго неопита среди непроницаемой тьмы этихъ торжественныхъ покоевъ, который не признаетъ необыкновенную приспособленность этого величественнаго сооруженія къ посвященію въ тайны невидимаго міра. Что же касается научной стороны, мнѣ посчастливилось открыть нѣсколько не замѣченныхъ дотолѣ обстоятельствъ, пролившихъ много свѣта на астрономическія данныя; по возвращеніи въ Англію, я сообщилъ публикѣ результаты моихъ изысканій (если мнѣ позволено будетъ окрестить ихъ такимъ пышнымъ словомъ) частью

въ лекціи, прочитанной мною въ Оксфордѣ, о научной точности астрономіи въ древнѣйшемъ Египтѣ, частью въ письмѣ, напечатанномъ въ Times о географическихъ и астрономическихъ данныхъ, легшихъ въ основу положенія главныхъ храмовъ.

Въ виду наличности всѣхъ этихъ условий, мнѣ представилось своевременнымъ нѣсколько расширить наши прежніе горизонты и съ большей полнотой приступить къ изслѣдованію самой сути ученій, заключающихся въ священныхъ писаніяхъ. Но при этомъ пришлось, конечно, вновь пройти и по старымъ путямъ; и въ такихъ случаяхъ я не нашелъ нужнымъ заново писать то, что не подлежало пересмотру, хотя и эти части несомнѣнно выиграли нынѣ въ значительности въ силу измѣненій въ контекстѣ. Въ особенности я старался освободить мой сюжетъ отъ символизма, которымъ онъ былъ окутанъ, съ цѣлью слѣлать дѣйствительно общедоступной хотя бы нѣкоторую часть *Скрижалей Учителя*. Воистину, лишь тотъ пойметъ все значеніе подобной лѣтописи для развитія человѣчества и свѣтъ, проливаемый ею на общественныя проблемы, кто внимательно прослѣдитъ обычаи и обряды, доктрину и законъ изъ вѣка въ вѣкъ и изъ страны въ страну путемъ сопоставленія исторіи и преданія, реликвій и памятниковъ, и почувствуетъ почти непобѣдимое упорство, характеризующее властное вліяніе древности, и жизненность, до сихъ поръ проникающую идеи и вѣрованія, на первый взглядъ давно уже погруженныя въ глубокое забвеніе. Но есть ли человѣкъ, хотя бы и легкомысленно относящійся къ такимъ задачамъ и вовсе несклонный къ изученію исторіи, который не ощутилъ бы нѣкоторый трепетъ при мысли о проникновеніи въ самое сердце и мозгъ людей, кости которыхъ смѣшались съ прахомъ за тысячелѣтія до того, какъ священный плугъ намѣтилъ очертанія стѣнъ Рима, или Авраамъ вышелъ изъ Харрана по вѣрѣ въ истиннаго Бога? Самыя раннія, извѣстныя намъ формы духовной жизни человѣка дышатъ неизъяснимой и непередаваемой прелестью. Мы не можемъ не испытать грустнаго чувства, глядя, какъ эти былыя поколѣнія предвосхищали тайны могилы, которыя они разрѣшили столько вѣковъ тому назадъ, тогда какъ онѣ остаются еще загадкой для насъ. Мы не можемъ не ощутить благоговѣнія, видя, что они ждали того же безсмертія за предѣлами могилы, какого съ надеждою ждетъ много милліоновъ среди насъ. И даже такія подробности, какъ составленіе календаря или счисленіе годовъ, освѣщаются внезапнымъ свѣтомъ, когда мы узнаемъ, что въ то время какъ эти давно усопшіе уче-

ные безмолвно и упорно глядѣли въ неисчерпаемую тайну книги Природы, взоръ ихъ проникалъ за завѣсу чувствъ; и что каждое празднество и каждый циклъ, и внѣшній видъ земли и неба изображали для нихъ какую-нибудь сокровенную и вѣчную истину. И интересъ этотъ все больше и больше оживаетъ по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ образовъ и обычаевъ быденной жизни къ болѣе глубокимъ ученіямъ о Сокровенномъ Богѣ и къ раскрытію передъ неофитомъ тайнъ Предвѣчной Мудрости.

Но мнѣ сдается, что одна черта въ особенности представляетъ единственный въ своемъ родѣ и выдающійся интересъ.

Одинъ профессоръ римско-католическаго богословія написалъ мнѣ письмо, помѣщенное ниже съ его любезнаго разрѣшенія, оно тѣмъ болѣе знаменательно, что доктрины католическаго богословія установлены не менѣе строго и систематически, чѣмъ самыя точныя математическія данныя.

«Благодарю васъ за присланную мнѣ рецензію вѣшей замѣчательной книги. Какъ специалистъ по части католической теологіи, я былъ крайне пораженъ тѣмъ, что глубокія доктрины католической вѣры и многочисленные факты, заключающіеся въ нашихъ Св. Писаніяхъ, были какъ бы предречены подъ символами этой таинственнѣйшей религіи, и сдается, что мы имѣемъ въ ней какъ бы то самое «Слово Божіе», о которомъ говоритъ Апостоль, тайну, остававшуюся сокрытой отъ вѣковъ и поколѣній. Это двойное значеніе было бы само по себѣ замѣчательно, если бы оно было почерпнуто изъ ученій католицизма или иныхъ мистическихъ источниковъ, но оно представляется еще необычайнѣе при мысли о томъ, что исходитъ изъ лѣтописей древняго Египта».

Дѣйствительно, углубленное ознакомленіе съ египетскою теософіей выявляетъ съ большой яркостью аналогію, отмѣченную католическимъ профессоромъ, какъ, напр., изученіе храма Дѣвы-Матери Гаторъ, изъ чрева которой родился божественной Горусъ, второе лицо египетской Троицы. Еще замѣчательнѣе то обстоятельство, что ученія Св. Писаній подтверждаются въ египетскомъ Ритуалѣ съ еще большей непосредственностью и прямою, чѣмъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Такъ, напр., хотя еврейскія писанія раскрываютъ многія имена Божіи, они не называютъ Его Свѣтомъ; но именно Свѣтомъ именуется евангелистъ Іоаннъ Второе Лицо Св. Троицы; а въ первые вѣка христіанства участники христіанскихъ мистерій назывались просвѣтленными. Точно такъ же наименованіе „Учитель“, играющее такую большую роль

въ египетскомъ Ритуалѣ, нигдѣ въ Ветхомъ Заветѣ не прилагается къ Всемогушему; между тѣмъ, это единственный титулъ, который возлагаетъ на себя Божественный Учитель въ Евангелии, и Онъ дважды таинственно повторяетъ его, приказывая ученикамъ приготовить верхнюю горницу для совершенія таинства. Точно такъ же ученіе о второмъ рожденіи нигдѣ (по крайней мѣрѣ, открыто) не упоминается въ писаніяхъ Моисея или пророковъ; и поэтому, если бы въ этихъ писаніяхъ было цѣликомъ изложено ученіе, даваемое евреямъ, то Никодимъ не услышалъ бы упрека за незнаніе этой доктрины. Тѣмъ не менѣе, Моисей, чье знаніе всей египетской мудрости считалось замѣчательнымъ даже тысячу пятьсотъ лѣтъ послѣ его смерти, былъ несомнѣнно знакомъ съ нею, въ виду того, что она составляла существенную часть данной религіи и представляла тотъ актъ, въ силу котораго усопшіи становилась достойнымъ посвященія въ мистеріи. Такимъ образомъ, мы становимся лицомъ къ лицу съ проблемой, полной захватывающаго интереса, въ которой кроется, можетъ быть, объясненіе—множества загадокъ. Существовала ли, рядомъ съ лѣтописнымъ откровеніемъ или даже раньше его, неписанная и непроницаемая тайна, которая передавалась Великимъ Учителемъ Учителей, „Sekhem Ur am Sekhemmu“, поколѣнію за поколѣніемъ отъ самыхъ раннихъ вѣковъ, упомянутыхъ нашими писаніями съ того времени, когда пророкъ Енохъ, предсказавшій невѣріе позднѣйшихъ временъ, „ходилъ предъ Богомъ“ и былъ съ тѣломъ восхищенъ въ Сокровенный Свѣтъ? Сознаюсь, что мнѣ лично кажется, что подобная точка зрѣнія вовсе не такъ неправдоподобна, и что въ поискахъ за ключомъ къ *Книгѣ Мертвыхъ* мы, можетъ быть, набрали на откровеніе откровенія. Но относительно этого пункта каждый можетъ составить собственное мнѣніе, поэтому я предпочелъ не вступать ни въ какія пренія, предоставляя данной аналогіи говорить самой за себя. Я ограничился лишь попыткой намѣтить въ ясной, доступной всѣмъ формѣ схему тѣхъ глубоко скрытыхъ доктринъ, которыя мнѣ, можетъ быть, удалось уловить и, такимъ образомъ, дать описаніе самой древней лѣтописной религіи, хотя бы до нѣкоторой степени раскрывающее ея трансцендентальное величіе и небесную красу.

Глава I.

Воскресеніе Египта.

Какъ ни безчисленны перемѣны и катастрофы мірового значенія, загрозившія собой нашъ революціонный вѣкъ, ни одна изъ нихъ не можетъ равняться по знаменательности и всеобщности съ характернымъ для него раскрытіемъ тайнъ и обнаруженіемъ многого того, что доселѣ оставалось сокрытымъ. Рентгеновскіе лучи печати проникли во всѣ закоулки нашей жизни и пронизали почти всѣ завѣсы; то, что сегодня происходитъ въ стѣнахъ дома, завтра извѣстно на улицахъ; не успѣваютъ рѣшенія государственныхъ дѣятелей созрѣть въ тайникахъ кабинетовъ, какъ онѣ ужъ облетаютъ страну и обсуждаются въ каждомъ городѣ и селѣ; но помимо этого раскрылись и тайны прошлаго, и въ наши дни мы можемъ безошибочно проникать въ мотивы, которые наши предки искусно скрывали отъ своихъ современниковъ. Изъ давно заброшенныхъ архивовъ государственныхъ актовъ, изъ Венеціи, изъ Генуи, со всего міра пралился свѣтъ на скрытыя пружины и на дѣянія, преданныя забвенію въ теченіе не десятковъ, а сотенъ лѣтъ. Со всѣхъ сторонъ насъ затопили частныя письма частныя воспоминанія, частныя депеши о государственныхъ дѣлахъ, частныя донесенія пословъ и довѣренныхъ людей, частныя инструкціи министровъ и монарховъ, всякаго рода документы, предназначавшіеся лишь для глазъ адресата, въ такомъ количествѣ, что чувство любопытства сдѣлалось какимъ-то пережиткомъ, и намъ почти невозможно себѣ представить, что еще не такъ давно неприкосновенность частной жизни была самымъ драгоценнымъ для насъ преимуществомъ. Сами могилы разверзли свои тайники, и цивилизаціи, погибшія тысячи лѣтъ тому назадъ, развернулись передъ нашими глазами. Мы можемъ ходить по улицамъ Помпеи, скрывшимся отъ смертныхъ очей еще за сто пятьдесятъ лѣтъ до того, какъ отцы перваго Вселенскаго Собора сошлись въ Никее для утвержденія христіанской вѣры. Мы разглядываемъ драгоценности, сошедшія въ могилу въ Микенахъ вмѣстѣ со злосчастнымъ домомъ Атрея. Мы изучаемъ въ самомъ сердцѣ Лондона скрижали, входившія въ составъ знаменитой бібліотеки ассирійскаго Ассурь-Банипала. Какъ въ пространствѣ, такъ и во времени концы земли сошлись для нашего поколѣнія. Подобно тому, какъ на

нашей планетѣ разстоянія сократились настолько, что мы ежедневно общаемся съ самыми отдаленными уголками земли, такъ и черезъ бездну вѣковъ нынѣ перекинуть мостъ при посредствѣ вновь открытыхъ лѣтописей старины.

Среди этой оживленной картины возрожденія и откровенной воскресеніе древняго Египта занимаетъ выдающееся мѣсто. Въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, съ того дня, какъ варваръ Омаръ вступилъ въ столицу древняго царства, и тризна по классической наукѣ была совершена въ пожарѣ великой Александрійской библіотеки, вплоть до того часа, когда Шамполіонъ, подобно второму Сиріусу, возвѣстилъ новую зарю египетской пышности, все возрастающая тьма обволакивала собой всю страну. Менѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ султанъ грозилъ самыми ужасными карами въ нынѣшней жизни и въ будущей тому чиновнику, который осмѣлится подпустить христіанина къ священному порту Суэцу. Нынѣ этотъ портъ представляетъ изъ себя многоярусное преддверіе наиболѣе космополитическаго и оживленнаго проѣзднаго пути. Въ теченіе вѣковъ Египетъ былъ первымъ и наиболѣе ревниво оберегаемымъ хранителемъ мусульманскаго закона. Нынѣ его суды руководятся при отправленіи правосудія сложной юрисдикціей чуждыхъ ему народовъ, непримѣрной въ исторіи другихъ государствъ. Еще на нашей памяти его іероглифы представляли неразрѣшимую загадку; его храмы были скрыты подъ горами мусора, нанесенными цѣлыми поколѣніями арабовъ; самыя даты его развалинъ опредѣлялись съ ошибками въ тысячи лѣтъ. Сегодня же его могучія сооруженія ясно свидѣтельствуютъ о его быломъ величіи; указы царей читаются въ оригиналахъ, и ошибки, приписываемыя небрежнымъ писцамъ, думавшимъ, что смертный взглядъ не упадетъ на папирусы, спрятанные въ одеждахъ мумій, обсуждаются европейской іероглифической наукой.

Каждая подробность жизни древняго Египта проникнута своеобразной прелестью. Относительно всѣхъ другихъ государствъ, за исключеніемъ развѣ Вавилона, можно съ большей или меньшей достовѣрностью установить ту или другую историческую исходную точку. Дни основанія Рима или Аѳинъ являются лишь средними вѣками исторіи по сравненію съ временами Кхуфу или Менеса.

Индія приписываетъ своимъ первымъ Ведамъ около четырехъ тысячъ лѣтъ. Китайскія священныя писанія старше ихъ не болѣе, чѣмъ на тысячу лѣтъ. Еще тысячу лѣтъ до того начала

Вавилоніи уже теряются во мглѣ. Лишь на берегахъ Нила мы видимъ, за многіе вѣка до эпохи Аккадійскаго Саргона, вполнѣ установившуюся монархію и организованное государство, сложную обрядность и органическую іерархію, специфическую архитектуру и богатый алфавитъ. Вслѣдствіе этого на горизонтѣ Египта отсутствуетъ главная аномалія, обыкновенно вносящая путаницу въ наше пониманіе древности, а именно участіе чуждаго элемента въ образованіи обычаевъ данной расы, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда эта раса была пересажена изъ совершенно другой почвы; поэтому весь циклъ египетской цивилизаціи зарождается, развивается и завершается исключительно въ условіяхъ самого Египта. Эта замѣчательная картина изобилуетъ множествомъ привлекательныхъ чертъ. Величественная рѣка, неизсякаемый источникъ жизни и свѣжести для всей страны, длинный рядъ могучихъ храмовъ, вѣнчающихъ собой ея берега, жизнерадостный народъ, толпами бороздящій ея воды, танцы, игры, пѣсни, состязанія, безпрестанныя празднества, расшвыбренные лодки, обгоняющія священные барки мертвецовъ,— все это представляетъ панораму, которая, въ обрамленіи ослѣпительной ясности безоблачнаго неба, дышитъ исключительной и незабываемой прелестью. Къ тому же, для того, чтобы составить эту картину, нѣтъ надобности напрягать воображеніе и тщательно возстановлять ее съ помощью разрозненныхъ и отрывочныхъ деталей. Намъ не приходится складывать въ логическое цѣлое отрывочныя свѣдѣнія объ общественной жизни, съ трудомъ добытыя изъ случайныхъ указаній и намековъ, разсѣянныхъ у десятка разныхъ писателей. Не приходится намъ также довольствоваться описаніями событій, составленными нѣсколько сотъ лѣтъ спустя. Мы имѣемъ возможность обратиться непосредственно къ первоисточникамъ и изучать лѣтописи въ ихъ подлинникахъ.

На огромныхъ вратахъ храмовъ, на стѣнахъ, на громадныхъ саркофагахъ, на архитравахъ, на колоннахъ обширныхъ зданій находимъ мы дѣянія монарховъ, запечатлѣнныя въ священныхъ іероглифахъ. Для полученія свѣдѣній о сраженіи при Регильскомъ озерѣ мы должны вѣрить преданіямъ, записаннымъ Ливіемъ. О первой же великой битвѣ при Меггидонѣ, происшедшей за сотни лѣтъ до того, мы имѣемъ современный ей разсказъ побѣдителя Тотмеса и списокъ добычи, составленный царскими чиновниками.

Болѣе того, египетскіе памятники даютъ намъ не только

описание событій; они воспроизводятъ отдѣльныя сцены. Какіе слѣды остались для взора потомства отъ торжествъ знаменитаго Юлія Цезаря? Но побѣды Рамзеса и Сетоса, имѣвшія мѣсто за столько же лѣтъ до Юлія Цезаря, сколько ихъ отдѣляетъ его отъ насъ, живутъ еще во всѣхъ подробностяхъ. Одежды, украшенія, лица, даже цвѣтъ волосъ разныхъ народовъ, принимавшихъ участіе въ процессіи,—все это красуется до сего дня на стѣнахъ дворцовъ, бывшихъ свидѣтелями ихъ. Мы не имѣемъ даже преданій объ обликѣ Моисея, Соломона, основателя Рима, даже великаго апостола язычниковъ. Но черты лица фараоновъ знакомы намъ не менѣе, чѣмъ его вѣрнымъ подданнымъ. Тройная ограда изъ массивныхъ колоннъ, необыкновенно печальныхъ въ своемъ одинокомъ величій,—вотъ единственные остатки, которые могутъ еще рассказать намъ о томъ, какъ поклонились грозному Посейдону въ его собственномъ храмѣ въ Пестумѣ, Но малѣйшая подробность процессіи, шествовавшей подъ длинными сводами Карнака, сосудъ очишенія, крылья на священномъ писцѣ, хоръ пѣвчихъ, четверной рядъ жрецовъ, священный ковчегъ на ихъ плечахъ, херувимъ съ распростертыми крылами, осѣняющій Божество,—все это сохранилось для насъ вмѣстѣ со словами торжественнаго гимна, который вѣрующіе воспѣвали невидимому Свѣту—Ра.

Дяѣ отличительныя особенности характеризуютъ собой лѣтописи наиболѣе древнихъ временъ. Нѣтъ ничего поразительнѣе тѣхъ глубокихъ знаній въ наукѣ, которыми обладали египетскіе жрецы, какъ то все яснѣе выявляется по мѣрѣ того, какъ факты подвергаются все болѣе тщательному изслѣдованію. Гдѣ тотъ архитекторъ, который въ наши дни взялся бы построить зданіе болѣе четырехсотъ футовъ вышины, состоящее изъ комнатъ самой сложной конструкціи, которое не требовало бы ремонта въ теченіе шести тысячъ лѣтъ? Какой другой народъ не только открылъ трансцендентальное отношеніе между радіусомъ и окружностью—основу всѣхъ криволинейныхъ измѣреній—но и примѣнилъ его, какъ принципъ для архитектурныхъ построекъ.

Гдѣ еще найдемъ мы зданіе, ориентированное съ такой безупречной точностью, что, если согласиться съ г. Флиндерсомъ Петри, минимальное перемѣщеніе, происшедшее въ теченіе вѣковъ представляетъ и, слѣдовательно, измѣряетъ собой вѣковое измѣненіе, состоящее въ связи со скрытой космической силой? Гдѣ найдемъ мы древній календарь, основанный на пра-

вилькомъ знаніи движенія земли? Какой другой народъ зналъ, по свидѣтельству д-ра Бругша и М. Масперо, истинное движеніе солнца въ пространствѣ? Или кто начертать чудесный циклъ звѣзды—провозвѣстницы, измѣрявшей цѣлые вѣка своимъ восходящимъ свѣтомъ, когда она на мгновеніе озаряла восточный горизонтъ?

Не менѣ замѣчательно и, можетъ быть, еще болѣе характерно непрерывное участіе въ жизни и глубокое значеніе живительной рѣки. Отъ края до края территоріи Египта, отъ вѣка до вѣка въ его исторіи, въ религіи, въ торговлѣ, въ почитаніи мертвыхъ, всюду, куда бы мы ни обратились, и на чемъ бы ни остановился нашъ взоръ, мы ни на минуту не теряемъ изъ виду голубія воды Нила. Эта прекрасная рѣка, безмятежно катящая свои волны на пространствѣ сотенъ миль подъ яснымъ небомъ, одна давала свѣжестъ и обиліе длинной и узкой полосѣ плодородной земли, окаймляющей ея берега и пустынями отрѣзанной отъ міра съ обѣихъ сторонъ, и одна дѣлала возможнымъ вообще существованіе египетскаго народа.

Согласно древнему преданію, а также и историческимъ даннымъ, предки этого народа въ очень отдаленныя времена были не сѣвернаго, а южнаго происхожденія ¹⁾, будучи уроженцами Понта, находившагося вблизи источниковъ Нила на экваторѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ преданіемъ, мы видимъ, что центральной точкой египетскаго міра была Апту или южная „Вершина Земли“ въ „Священной странѣ Кхентъ“, упоминаемой д-ромъ Бругшемъ, точка на экваторѣ, пересѣкаемая мемфисскимъ меридіаномъ, на западномъ берегу большого экваторіальнаго озера, изъ котораго знаменитая рѣка беретъ свое начало. Исходя изъ этого начальнаго пункта, мы отмѣтимъ четыре страны свѣта на земномъ шарѣ, престолы четырехъ египетскихъ Духовъ Свѣта съ Хапи посреди, охраняющихъ южные источники Нила. Эти четыре свѣтлыхъ духа, стражи небеснаго свода, изображались египтянами въ видѣ кинокефальной обезьяны, существа, болѣе всего напоминающаго человѣка. У этихъ четырехъ живыхъ существъ, предстоящихъ передъ престоломъ Ра, священный усопшій въ египетскомъ Ритуалѣ просилъ помощи въ тотъ моментъ, когда великолѣпіе орбиты внезапно раскры-

¹⁾ Нѣкоторые египтологи все еще держатся предрасудка (никакихъ историческихъ данныхъ въ подтвержденіе этого мнѣнія нѣтъ), что египетскій народъ пришелъ съ сѣвера. Однако, профессора Масперо и Петри съ этимъ несогласны.

валось во всей своей славе передъ его просвѣтленнымъ взоромъ. Первые иммигранты изъ этой страны шли, повидимому, по двумъ путямъ. Согласно очень древнему преданію, упоминаемому д-ромъ Бругшемъ, одна часть ихъ направилась по берегу рѣки, осѣвъ, повидимому, временно въ Мероз, гдѣ древній храмъ Амена и развалины Ассура, открытые на этомъ островѣ Кайларомъ, свидѣтельствуютъ объ ихъ присутствіи; тогда какъ другая часть, согласно открытіямъ проф. Петри, повидимому, шла по берегу Краснаго моря и затѣмъ пересѣкала пустыню вплоть до Каптоса. Не надо забывать, что для Египта югъ былъ той „Великой Страной Свѣта“, которой воздавались особья почести. Этимъ объясняется, почему египтяне носили каждый годъ священные изображенія въ страну предковъ.

Отголосокъ того же преданія слышится въ посѣщеніяхъ Гомеровыми богами „безупречныхъ ээіоповъ“, въ виду того, что безупречность естественно должна была составить главный мотивъ благоговѣйнаго отношенія къ первородной расѣ. Въ подтвержденіе этого, мы читаемъ въ древней надписи на гробѣ Амаму, что святой усопшій, „пролетѣвъ по всему лицу неба“, „водворяется среди благословеннаго содружества на югѣ“. Тотъ же архаическій папирусъ повѣствуетъ о небесной странѣ Кхентъ или Кхентъ-Аменти, жилищѣ сокровеннаго Бога, символизируемой на землѣ „Святой страню Кхентъ“ въ Апу или на южной вершинѣ земли.

Вслѣдствіе этого и наиболѣе священная часть храма была обращена къ той же части свѣта, и Великая Пирамида, отъ входа до отдаленнѣйшаго покоя, была обращена на сѣверъ и на югъ.

Воистину, для египтянина все русло огромной рѣки являлось лишь символомъ невидимой страны „Нутерь-Кхартъ“, орошаемой „Небеснымъ Ниломъ“, о которомъ говоритъ Ритуаль; то была священная земля мертвыхъ съ ея тройнымъ подраздѣленіемъ на Руста, территорію Посвященія; Аалу, территорію Просвѣтленія, и Аменти, мѣсто единенія съ невидимымъ Отцомъ. На сѣверномъ концѣ рѣки, гдѣ океанъ открываетъ доступъ въ страну, было устье Розетты или Руста, изображающее, какъ мы видимъ изъ папируса временъ Кхуфу, входы въ могилу. Вверхъ по рѣкѣ, вдоль всей долины Верхняго Египта, въ Дендерѣ, въ Абидосѣ, въ Эивахъ возвышались большіе храмы, освященные проявленіями Божества. На южной границѣ царства, непосредственно подъ тропической аркой, пересѣкавшейся

сооружены „астрономами для астрономовъ“, все же безопасно считаютъ эти громадныя сооруженія,—которыя въ теченіе тысячелѣтій скорѣй горделиво отражали покушеніе на себя, чѣмъ нуждались въ поддержкѣ рукъ человѣческихъ,—лишь памятниками безумія еще огромнѣе ихъ самихъ. Положительно удивляешься, что вопреки величественности этихъ чудесныхъ развалинъ, до сего дня далеко превосходящихъ наиболѣе законченныя постройки позднѣйшихъ народовъ, и несмотря на современныя изслѣдованія, съ каждымъ днемъ все яснѣе обнаруживающія глубокія знанія и вдумчивость, вложенныя въ египетскія сооруженія, все же ученые приписываютъ цѣлому ряду фараоновъ психику, присущую созданному Диккенсомъ безопасному мистеру Веммику, въ его книгѣ *Great Expectations*. „А!“ восклицалъ этотъ легкомысленный субъектъ, „вотъ церковь! давай, устроимъ свадьбу!“ „А!“ согласно этимъ ученымъ, восклицалъ одинъ египетскій монархъ, „вотъ водопадъ! построимъ-ка храмъ!“ „А!“ восклицалъ другой, „вотъ полярная звѣзда! соорудимъ-ка пирамиду!“ Въ дѣйствительности же, чѣмъ ближе знакомишься съ мудростью Египта, тѣмъ болѣе и болѣе оправдывается она нашимъ разумомъ, и чѣмъ точнѣе выясняется она, тѣмъ отчетливѣе соотвѣтствуютъ ей современныя научныя данныя. Здѣсь мы стоимъ ужъ на твердой почвѣ и можемъ строжайшимъ образомъ провѣрять каждый новый шагъ впередъ; однако, несравненно легче намъ будетъ прослѣдить и распознать отраженный въ этихъ памятникахъ Невидимый Свѣтъ внутренней, мистической доктрины, если мы правильно уразумѣемъ отношеніе древнихъ египтянъ къ проявленіямъ свѣта видимаго.

... Въ силу этого, при вторичномъ посѣщеніи мною Египта, я обратилъ особенное вниманіе на эти два пункта. Съ священнымъ папирусомъ въ рукѣ я исходилъ потайные ходы Великаго Дома, и я думаю, врядъ ли найдется челоѣкъ, продѣлавшій то же самое, держа въ умѣ преданія священниковъ и рисуя въ своемъ воображеніи полночное бдѣніе одинокаго неопита среди непроницаемой тьмы этихъ торжественныхъ покоевъ, который не признаетъ необыкновенную приспособленность этого величественнаго сооруженія къ посвященію въ тайны невидимаго міра. Что же касается научной стороны, мнѣ посчастливилось открыть нѣсколько не замѣченныхъ дотолѣ обстоятельствъ, пролившихъ много свѣта на астрономическія данныя; по возвращеніи въ Англію, я сообщилъ публикѣ результаты моихъ изысканій (если мнѣ позволено будетъ окрестить ихъ такимъ пышнымъ словомъ) частью

въ лекціи, прочитанной мною въ Оксфордѣ, о научной точности астрономіи въ древнѣйшемъ Египтѣ, частью въ письмѣ, напечатанномъ въ Times о географическихъ и астрономическихъ данныхъ, легшихъ въ основу положенія главныхъ храмовъ.

Въ виду наличности всѣхъ этихъ условий, мнѣ представилось своевременнымъ нѣсколько расширить наши прежніе горизонты и съ большей полнотой приступить къ изслѣдованію самой сути учений, заключающихся въ священныхъ писаніяхъ. Но при этомъ пришлось, конечно, вновь пройти и по старымъ путямъ; и въ такихъ случаяхъ я не нашелъ нужнымъ заново писать то, что не подлежало пересмотру, хотя и эти части несомнѣнно выиграли нынѣ въ значительности въ силу измѣненій въ контекстѣ. Въ особенности я старался освободить мой сюжетъ отъ символизма, которымъ онъ былъ окутанъ, съ цѣлью слѣлать дѣйствительно общедоступной хотя бы нѣкоторую часть *Скрижалей Учителя*. Воистину, лишь тотъ пойметъ все значеніе подобной лѣтописи для развитія человѣчества и свѣтъ, проливаемый ею на общественныя проблемы, кто внимательно прослѣдитъ обычаи и обряды, доктрину и законъ изъ вѣка въ вѣкъ и изъ страны въ страну путемъ сопоставленія исторіи и преданія, реликвій и памятниковъ, и почувствуетъ почти непобѣдимое упорство, характеризующее властное вліяніе древности, и жизненность, до сихъ поръ проникающую идеи и вѣрованія, на первый взглядъ давно уже погруженныя въ глубокое забвеніе. Но есть ли человѣкъ, хотя бы и легкомысленно относящійся къ такимъ задачамъ и вовсе несклонный къ изученію исторіи, который не ощутилъ бы нѣкоторый трепеть при мысли о проникновеніи въ самое сердце и мозгъ людей, кости которыхъ смѣшались съ прахомъ за тысячелѣтія до того, какъ священный плугъ намѣтилъ очертанія стѣнъ Рима, или Авраамъ вышелъ изъ Харрана по вѣрѣ въ истиннаго Бога? Самыя раннія, извѣстныя намъ формы духовной жизни человѣка дышатъ неизъяснимой и непередаваемой прелестью. Мы не можемъ не испытать грустнаго чувства, глядя, какъ эти былыя поколѣнія предвосхищали тайны могилы, которыя они разрѣшили столько вѣковъ тому назадъ, тогда какъ онѣ остаются еще загадкой для насъ. Мы не можемъ не ощутить благоговѣнія, видя, что они ждали того же безсмертія за предѣлами могилы, какого съ надеждою ждетъ много миллионѣвъ среди насъ. И даже такія подробности, какъ составленіе календаря или счисленіе годовъ, освѣщаются внезапнымъ свѣтомъ, когда мы узнаемъ, что въ то время какъ эти давно усопшіе уче-

нимъ безмолвно и упорно глядѣли въ неисчерпаемую тайну книги Природы, взоръ ихъ проникалъ за завѣсу чувствъ; и что каждое празднество и каждый шагъ, и вѣднѣйшій видъ земли и неба изображали для нихъ какую-нибудь сокровенную и вѣчную истину. И интересъ этотъ все больше и больше оживаетъ по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ образовъ и обычаевъ быденной жизни къ болѣе глубокимъ ученіямъ о Сокровенномъ Богѣ и къ раскрытію передъ нежданнымъ тайнъ Предвѣчной Мудрости.

Но мнѣ сдается, что одна черта въ особенности представляетъ единственный въ своемъ родѣ и выдающийся интересъ.

Одинъ профессоръ римско-католическаго богословія написалъ мнѣ письмо, помѣщенное ниже съ его любезнаго разрѣшенія, оно тѣмъ болѣе знаменательно, что доктрины католическаго богословія установлены не менѣе строго и систематически, чѣмъ самыя точныя математическія данныя.

«Благодарю васъ за присланную мнѣ рецензію вашей замѣчательной книги. Какъ специалистъ по части католической теологіи, я былъ крайне пораженъ тѣмъ, что глубокія доктрины католической вѣры и многочисленные факты, заключающіеся въ нашихъ Св. Писаніяхъ, были какъ бы предначены подъ символами этой таинственной религіи, и сдается, что мы имѣемъ въ ней какъ бы то самое «Слово Божіе», о которомъ говоритъ Апостолъ, тайну, оставившуюся сокрытой отъ вѣковъ и поколѣній. Это творное значение было бы само по себѣ замѣчательно, если бы оно было почеркнуто изъ ученій католицизма или иныхъ мистическихъ источниковъ, но оно представляется еще необычайнѣе при мысли о томъ, что исходить изъ исторической древности Египта».

Дѣйствительно, углубленное ознакомленіе съ египетской теософіей выявляетъ съ большою яркостью аналогію, отмѣченную католическимъ профессоромъ, какъ, напр., изученіе храма Дѣвы-Матери Гаторъ, изъ чрева которой родилась божественной Горусъ, второе лицо египетской Троицы. Еще замѣчательнѣе то обстоятельство, что ученія Св. Писаній подтверждаются въ египетскомъ Ритуалѣ съ еще большей непосредственностью и прямою, чѣмъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Такъ, напр., хотя еврейскіи писанія раскрываютъ многія имена Божіи, они не называютъ Его Свѣтомъ; но именно Свѣтомъ именуется евангелистъ Іоаннъ Второе Лицо Св. Троицы; а въ первые вѣка христіанства участники христіанскихъ мистерій назывались просвѣтленными. Точно также наименованіе „Учитель“, играющее такую большую роль

въ египетскомъ Ритуалѣ, нигдѣ въ Ветхомъ Заветѣ не прилагается къ Всемогущему; между тѣмъ, это единственный титулъ, который возлагаетъ на себя Божественный Учитель въ Евангеліи, и Онъ дважды таинственно повторяетъ его, приказывая ученикамъ приготовить верхнюю горницу для совершенія таинства. Точно такъ же ученіе о второмъ рожденіи нигдѣ (по крайней мѣрѣ, открыто) не упоминается въ писаніяхъ Моисея или пророковъ; и поэтому, если бы въ этихъ писаніяхъ было цѣликомъ изложено ученіе, даваемое евреямъ, то Никодимъ не услышалъ бы упрека за незнаніе этой доктрины. Тѣмъ не менѣе, Моисей, чье знаніе всей египетской мудрости считалось замѣчательнымъ даже тысячу пятьсотъ лѣтъ послѣ его смерти, былъ несомнѣнно знакомъ съ нею, въ виду того, что она составляла существенную часть данной религіи и представляла тотъ актъ, въ силу котораго усопшій становился достойнымъ посвященія въ мистеріи. Такимъ образомъ, мы становимся лицомъ къ лицу съ проблемой, полной захватывающаго интереса, въ которой кроется, можетъ быть объясненіе—множества загадокъ. Существовала ли, рядомъ съ лѣтописнымъ откровеніемъ или даже раньше его, неписанная и непроницаемая тайна, которая передавалась Великимъ Учителемъ Учителей, „Sekhem Ur am Sekhemmu“, поколѣнію за поколѣніемъ отъ самыхъ раннихъ вѣковъ, упомянутыхъ нашими писаніями съ того времени, когда пророкъ Енохъ предсказавшій невѣріе позднѣйшихъ временъ, „ходилъ предъ Богомъ“ и былъ съ тѣломъ восхищенъ въ Сокровенный Свѣтъ? Сознаюсь, что мнѣ лично кажется, что подобная точка зрѣнія вовсе не такъ неправдоподобна, и что въ поискахъ за ключомъ къ *Книгѣ Мертвыхъ* мы, можетъ быть, набрали на откровеніе откровенія. Но относительно этого пункта каждый можетъ составить собственное мнѣніе, поэтому я предпочелъ не вступать ни въ какія пренія, предоставляя данной аналогіи говорить самой за себя. Я ограничился лишь попыткой намѣтить въ ясной, доступной всѣмъ формѣ схему тѣхъ глубоко скрытыхъ доктринъ, которыя мнѣ, можетъ быть, удалось уловить и, такимъ образомъ, дать описаніе самой древней лѣтописной религіи, хотя бы до нѣкоторой степени раскрывающее ея трансцендентальное величіе и небесную красу.

Глава I.

Воскресеніе Египта.

Какъ ни безчисленны перемѣны и катастрофы мірового значенія, загрозившія собой нашъ революціонный вѣкъ, ни одна изъ нихъ не можетъ равняться по знаменательности и всеобщности съ характернымъ для него раскрытіемъ тайнъ и обнаруженіемъ многаго того, что доселѣ оставалось сокрытымъ. Рентгеновскіе лучи печати проникли во всѣ закоулки нашей жизни и пронизали почти всѣ завѣсы; то, что сегодня происходитъ въ стѣнахъ дома, завтра извѣстно на улицахъ; не успѣваютъ рѣшенія государственныхъ дѣятелей созрѣть въ тайникахъ кабинетовъ, какъ онѣ ужъ облетаютъ страну и обсуждаются въ каждомъ городѣ и селѣ; но помимо этого раскрылись и тайны прошлаго, и въ наши дни мы можемъ безошибочно проникать въ мотивы, которые наши предки искусно скрывали отъ своихъ современниковъ. Изъ давно заброшенныхъ архивовъ государственныхъ актовъ, изъ Венеціи, изъ Генуи, со всего міра пралился свѣтъ на скрытыя пружины и на дѣянія, преданныя забвенію въ теченіе не десятковъ, а сотенъ лѣтъ. Со всѣхъ сторонъ насъ затопили частныя письма, частныя воспоминанія, частныя депеши о государственныхъ дѣлахъ, частныя донесенія пословъ и довѣренныхъ людей, частныя инструкціи министровъ и монарховъ, всякаго рода документы, предназначавшіеся лишь для глазъ адресата, въ такомъ количествѣ, что чувство любопытства сдѣлалось какимъ-то пережиткомъ, и намъ почти невозможно себѣ представить, что еще не такъ давно неприкосновенность частной жизни была самымъ драгоценнымъ для насъ преимуществомъ. Сами могилы разверзли свои тайники, и цивилизаціи, погибшія тысячи лѣтъ тому назадъ, развернулись передъ нашими глазами. Мы можемъ ходить по улицамъ Помпеи, скрывшимся отъ смертныхъ очей еще за сто пятьдесятъ лѣтъ до того, какъ отцы перваго Вселенскаго Собора сошлись въ Никеѣ для утверженія христіанской вѣры. Мы разглядываемъ драгоценности, сошедшія въ могилу въ Микенахъ вмѣстѣ со злосчастнымъ домомъ Атрея. Мы изучаемъ въ самомъ сердцѣ Лондона скрижали, входившія въ составъ знаменитой бібліотеки ассирійскаго Ассуръ-Банипала. Какъ въ пространствѣ, такъ и во времени концы земли сошлись для нашего поколѣнія. Подобно тому, какъ на

нашей планетѣ разстоянія сократились настолько, что мы ежедневно общаемся съ самыми отдаленными уголками земли, такъ и черезъ бездну вѣковъ нынѣ перекинуть мостъ при посредствѣ вновь открытыхъ лѣтописей старины.

Среди этой оживленной картины возрожденія и откровеній воскресеніе древняго Египта занимаетъ выдающееся мѣсто. Въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, съ того дня, какъ варваръ Омаръ вступилъ въ столицу древняго царства, и тризна по классической наукѣ была совершена въ пожарѣ великой Александрійской бібліотеки, вплоть до того часа, когда Шамполлионъ, подобно второму Сиріусу, возвѣстилъ новую зарю египетской письменности, все возрастающая тѣма обволакивала собой всю страну. Менѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ султанъ грозилъ самыми ужасными карами въ нынѣшней жизни и въ будущей тому чиновнику, который осмѣлится подпустить христіанина къ священному порту Суэцу. Нынѣ этотъ портъ представляетъ изъ себя многолюдное преддверіе наиболѣе космополитическаго и оживленнаго проѣзднаго пути. Въ теченіе вѣковъ Египетъ былъ первымъ и наиболѣе ревниво оберегаемымъ хранителемъ мусульманскаго закона. Нынѣ его суды руководятся при отправленіи правосудія сложной юрисдикціей чуждыхъ ему народовъ, безпримѣрной въ исторіи другихъ государствъ. Еще на нашей памяти его іероглифы представляли неразрѣшимую загадку; его храмы были скрыты подъ горами мусора, нанесенными цѣлыми поколѣніями арабовъ; самыя даты его развалинъ опредѣлялись съ ошибками въ тысячи лѣтъ. Сегодня же его могучія сооруженія ясно свидѣтельствуютъ о его быломъ величіи; указы царей читаются въ оригиналахъ, и ошибки, приписываемыя небрежнымъ писцамъ, думавшимъ, что смертный взглядъ не упадетъ на папирусы, спрятанные въ одеждахъ мумій, обсуждаются европейской іероглифической наукой.

Каждая подробность жизни древняго Египта проникнута своеобразной прелестью. Относительно всѣхъ другихъ государствъ, за исключеніемъ развѣ Вавилона, можно съ большей или меньшей достовѣрностью установить ту или другую историческую исходную точку. Дни основанія Рима или Аѳинъ являются лишь средними вѣками исторіи по сравненію съ временами Кхуфу или Менеса.

Индія приписываетъ своимъ первымъ Ведамъ около четырехъ тысячъ лѣтъ. Китайскія священныя писанія старше ихъ не болѣе, чѣмъ на тысячу лѣтъ. Еще тысячу лѣтъ до того начала

Вавилоніи уже теряются во мглѣ. Лишь на берегахъ Нила мы видимъ, за многіе вѣка до эпохи Аккадійскаго Саргона, вполне установленную монархію и организованное государство, сложную обрядность и органическую іерархію, специфическую архитектуру и богатый алфавитъ. Вслѣдствіе этого на горизонтѣ Египта отсутствуетъ главная аномалія, обыкновенно вносящая путаницу въ наше пониманіе древности, а именно участіе чуждого элемента въ образованіи обычаевъ данной расы, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда эта раса была пересажена изъ совершенно другой почвы; поэтому весь циклъ египетской цивилизаціи зарождается, развивается и завершается исключительно въ условіяхъ самого Египта. Эта замѣчательная картина изобилуетъ множествомъ привлекательныхъ чертъ. Величественная рѣка, неиссякаемый источникъ жизни и свѣжести для всей страны, длинный рядъ могучихъ храмовъ, вѣнчающихъ собой ея берега, жишерадостный народъ, толпами бороздящій ея воды, танцы, игры, іѣсни, состязанія, безпрестанныя празднества, расшитыя лодки, обгоняющія священныя барки мертвецовъ, — все это предстаетъ намъ въ панораму, которая, въ обрамленіи ослѣпительной ясности безоблачнаго неба, дышитъ исключительной и неизбываемой прелестью. Къ тому же, для того, чтобы составить эту картину, нѣтъ надобности напрягать воображеніе и тщательно восстанавливать ее съ помощью разрозненныхъ и отрывочныхъ деталей. Намъ не приходится складывать въ логическое цѣлое отрывочныя свѣдѣнія объ общественной жизни, съ трудомъ добывая изъ случайныхъ указаній и намековъ, разсѣянныхъ у десятка разныхъ писателей. Не приходится намъ также довольствоваться описаніями событій, составленными нѣсколько сотъ лѣтъ спустя. Мы имѣемъ возможность обратиться непосредственно къ первоисточникамъ и изучать дѣтониси въ ихъ подлинникахъ.

На огромныхъ порталахъ храмовъ, на стѣнахъ, на громадныхъ саркофагахъ, на архитравахъ, на колоннахъ обширныхъ зданій находимъ мы дѣшніи монарховъ, запечатлѣнные въ священныя іероглифы. Для полученія свѣдѣній о сраженіи при Ретильскомъ озерѣ мы должны вѣрять преданіямъ, записаннымъ Ливіемъ. О первой же великой битвѣ при Меггидонѣ, происшедшей за сотни лѣтъ до того, мы имѣемъ современный ей разсказъ побѣдителя Готмеса и списокъ добычи, составленный парскими чиновниками.

Болѣе того, египетскіе памятники даютъ намъ не только

описание событий; они воспроизводят отдельные сцены. Какие слѣды остались для взора потомства отъ торжествъ знаменитаго Юлія Цезаря? Но побѣды Рамзеса и Сетоса, имѣвшія мѣсто за столько же лѣтъ до Юлія Цезаря, сколько ихъ отдѣляетъ его отъ насъ, живутъ еще во всѣхъ подробностяхъ. Одежды, украшенія, лица, даже цвѣтъ волосъ разныхъ народовъ, принимавшихъ участіе въ процессіи,—все это красуется до сего дня на стѣнахъ дворцовъ, бывшихъ свидѣтелями ихъ. Мы не имѣемъ даже преданій объ обликѣ Моисея, Соломона, основателя Рима, даже великаго апостола язычниковъ. Но черты лица фараоновъ знакомы намъ не менѣе, чѣмъ его вѣрнымъ подданнымъ. Тройная ограда изъ массивныхъ колоннъ, необыкновенно печальныхъ въ своемъ одинокомъ величіи,— вотъ единственные остатки, которые могутъ еще рассказать намъ о томъ, какъ поклонялись грозному Посейдону въ его собственномъ храмѣ въ Пестумѣ. Но малѣйшая подробность процессіи, шествовавшей подъ длинными сводами Карнака, сосудъ очищенія, крылья на священномъ писцѣ, хоръ пѣвчихъ, четверной рядъ жрецовъ, священный ковчегъ на ихъ плечахъ, херувимъ съ распростертыми крылами, осѣняющій Божество,— все это сохранилось для насъ вмѣстѣ со словами торжественнаго гимна, который вѣрующіе воспѣвали невидимому Свѣту—Ра.

Дѣя отличительныя особенности характеризуютъ собой лѣтописи наиболѣе древнихъ временъ. Нѣтъ ничего поразительнѣе гѣхъ глубокихъ знаній въ наукѣ, которыми обладали египетскіе жрецы, какъ то все яснѣе выявляется по мѣрѣ того, какъ факты подвергаются все болѣе тщательному изслѣдованію. Гдѣ тотъ архитекторъ, который въ наши дни взялся бы построить зданіе болѣе четырехсотъ футовъ вышины, состоящее изъ комнатъ самой сложной конструкціи, которое не требовало бы ремонта въ теченіе шести тысячъ лѣтъ? Какой другой народъ не только открылъ трансцендентальное отношеніе между радіусомъ и окружностью—основу всѣхъ криволинейныхъ измѣреній—но и примѣнилъ его, какъ принципъ для архитектурныхъ построекъ.

Гдѣ еще найдемъ мы зданіе, ориентированное съ такой безупречной точностью, что, если согласиться съ г. Флиндерсомъ Петри, минимальное перемѣщеніе, происшедшее въ теченіе вѣковъ представляетъ и, слѣдовательно, измѣряетъ собой вѣковое измѣненіе, состоящее въ связи со скрытой космической силой? Гдѣ найдемъ мы древній календарь, основанный на пра-

...и знаменитый египетский народ знал, ... Брунне и М. Миллеро, истинное движение ... чудесный цикл ... своим вос ... восточный

... еще больше ха ... значение ... территории Египта, от ... торговль, в по ... обратились, и на чем ... не теряем ... Эта предельная рѣка, безмятежно ... под ясным ... и узкой по ... берега и пустынями ... одна дѣлала воз ... египетского народа.

Согласно древнему преданию, а также и историческим ... предки этого народа в очень отдаленные времена ... происхождения¹⁾, будучи уроженцами Нонга, находящегося вблизи источниковъ Нила на экваторѣ. В соответствии съ этимъ преданіемъ, мы видимъ, что центральной точкой египетскаго міра была Апуту или южная „Вершина Земли“ въ „Священной странѣ Кхентъ“, упоминаемой древн. Бруннемъ, точка на экваторѣ, пересѣкаемая мемфисскимъ меридіаномъ, на западномъ берегу большого экваторіальнаго оера, изъ котораго знаменитая рѣка беретъ свое начало. Неходивъ изъ этого начальнаго пункта, мы отмѣтимъ четыре страны свѣта на земномъ шарѣ, престолы четырехъ египетскихъ Духовъ Свѣта съ Хамп посреди, охраняющихъ южные истоки Нила. Эти четыре свѣтлыхъ духа, стражи небснаго свѣта, и изображались египтянами въ видѣ кинокефальной обезьяны, существа, болѣе всего напоминающаго человѣка. У этихъ четырехъ жившихъ существъ, предстоющихъ передъ престоломъ Ра, святилищный усоніи въ египетскомъ Ритуалѣ просилъ помощи на тотъ моментъ, когда великолѣпнѣе орбиты внезапно раскры-

¹⁾ Некоторые египтологи все еще держатся предразсудка (никакихъ историческихъ данныхъ въ подтвержденіе этого мнѣнія нѣтъ), что египетскій народъ пришелъ съ сѣвера. Однако, профессора Масперо и Петри съ этимъ мнѣніемъ не согласны.

валось во всей своей славі передъ его просвѣтленнымъ взоромъ. Первые иммигранты изъ этой страны шли, повидимому, по двумъ путямъ. Согласно очень древнему преданію, упоминаемому д-ромъ Бругшемъ, одна часть ихъ направилась по берегу рѣки, осѣвъ, повидимому, временно въ Мероэ, гдѣ древній храмъ Амена и развалины Ассура, открытые на этомъ островѣ Кайларомъ, свидѣтельствуютъ объ ихъ присутствіи; тогда какъ другая часть, согласно открытіямъ проф. Петри, повидимому, шла по берегу Краснаго моря и затѣмъ пересѣкала пустыню вплоть до Каптоса. Не надо забывать, что для Египта югъ былъ той „Великой Страной Свѣта“, которой воздавались особая почести. Этимъ объясняется, почему египтяне носили каждый годъ священныя изображенія въ страну предковъ.

Отголосокъ того же преданія слышится въ посѣщеніяхъ Гомеровыми богами „безупречныхъ эіоповъ“, въ виду того, что безупречность естественно должна была составить главный мотивъ благоговѣйнаго отношенія къ первородной расѣ. Въ подтвержденіе этого, мы читаемъ въ древней надписи на гробѣ Амаму, что святой усопшій, „пролетѣвъ по всему лицу неба“, „водворяется среди благословеннаго содружества на югъ“. Тотъ же архаическій папирусъ повѣствуетъ о небесной странѣ Кхентъ или Кхентъ-Аменти, жилищѣ сокровеннаго Бога, символизируемой на землѣ „Святой страной Кхентъ“ въ Апу или на южной вершинѣ земли.

Вслѣдствіе этого и наиболѣе священная часть храма была обращена къ той же части свѣта, и Великая Пирамида, отъ входа до отдаленнѣйшаго покоя, была обращена на сѣверъ и на югъ.

Воистину, для египтянина все русло огромной рѣки являлось лишь символомъ невидимой страны „Нутеръ-Кхартъ“, орошаемой „Небеснымъ Ниломъ“, о которомъ говоритъ Ритуаль; то была священная земля мертвыхъ съ ея тройнымъ подраздѣленіемъ на Руста, территорию Посвященія; Аалу, территорию Просвѣтленія, и Аменти, мѣсто единенія съ невидимымъ Отцомъ. На сѣверномъ концѣ рѣки, гдѣ океанъ открываетъ доступъ въ страну, было устье Розетты или Руста, изображающее, какъ мы видимъ изъ папируса временъ Кхуфу, входы въ могилу. Вверхъ по рѣкѣ, вдоль всей долины Верхняго Египта, въ Дендеръ, въ Абидосѣ, въ Оивахъ возвышались большіе храмы, освященные проявленіями Божества. На южной границѣ царства, непосредственно подъ тропической аркой, пересѣкавшейся

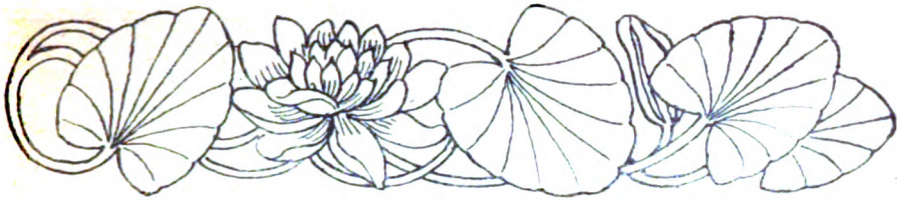
въ ту эпоху солнцемъ въ серединѣ лѣта, находится водопадъ или „Врата Нила“, черезъ которыя предки народа вступили въ страну, изображающія въ Ритуалѣ ту точку въ Аалу или странѣ Просвѣтленія, гдѣ святой усопшій, совершивъ „Переходъ Солнца“, раскрываетъ врата небснаго Нила и получаетъ вѣнецъ Афть— „вѣнецъ Просвѣтленія“, сдѣланный по образцу свѣта Зодіака, славы вышнихъ небесъ. А ниже къ югу лежала священная страна Понтъ, далекая отчизна, подобная Аменти, невидимое жилище Отца ихъ, Бога. То же небесное происхождение и сліяніе, отраженное такимъ образомъ во всей странѣ, были сконцентрированы и символизированы и въ столицѣ. Въ мѣстѣ соединенія обоихъ царствъ, Верхняго и Нижняго Египта, гдѣ Ниль развѣтвляется, образуя большой уголъ дельты, стоялъ Мемфисъ, или вѣрнѣе „Мен-ноферъ“, „Священная Основа“, центръ двойного управления Египтомъ, съ его дворцомъ, посвященнымъ Духу Творцу, Пта; съ его кладбищемъ, именованнымъ „Благословенное Безсмертіе“, и съ его началомъ— „Путь невидимыхъ водъ“. Тамъ же была земля „Сочетъ-Ра“, поля Солнца. А вблизи священнаго города, на западномъ берегу рѣки, на одинокой скалѣ высилась Великая Пирамида, тотъ домъ Озириса, къ которому, какъ говоритъ папирусъ Амень Хотена, Вѣчная Мудрость, Тотъ, „приводитъ Просвѣтленнаго“.

Во всѣхъ концахъ страны прошлое раскрыло свои тайны. Египетъ, бывший въ теченіе столькихъ вѣковъ страной погребенныхъ мертвенцовъ, вдругъ сталъ страной воскресшихъ мертвенцовъ; и вѣсть, которую огненнымъ глаголомъ провозглашаетъ столь долго безмолвствовавшій голосъ, есть первичная вѣра въ божественное происхождение человѣка и его конечное сліяніе съ Божествомъ.

Всюду и вездѣ во всемъ древнемъ Египтѣ возвѣщается та же доктрина о вѣчномъ Днѣ. Отъ орбиты земли, отъ полярной звѣзды въ небесахъ, отъ восхода Сиріуса, отъ сіянія солнца, отъ возрожденія луны, отъ водъ рѣки, отъ дворцовъ, отъ храмовъ, отъ самыхъ одѣяній мертвенцовъ исходитъ голосъ, который вѣками заглушенъ былъ въ могилахъ; и голосъ этотъ съ непрекаемой ясностью свидѣтельствуетъ о судѣ за гробомъ и объ Отцовствѣ невидимаго Бога.

Пер. В. Пушкиной.

Невидимый міръ и Оккультизмъ.

А. Каменской.

Въ одной современной книгѣ, посвященной проблемамъ духовнымъ, авторъ ставитъ вопросъ: „гдѣ небо?“—и говоритъ: „обыкновенный скептически настроенный человѣкъ удивился бы, конечно, такому вопросу и разсмѣялся бы, а вѣрующій догматикъ, вспомнивъ Библию и воскресныя проповѣди, указалъ бы машинально на звѣзды. Но, говоритъ авторъ, представимъ себѣ этого самаго вѣрующаго не на землѣ, а на планетѣ Марсѣ. Если бы онъ въ отвѣтъ на вопросъ сдѣлалъ тотъ же жестъ вверхъ къ небу, то онъ бы указалъ на другія звѣзды, между прочимъ и на нашу землю. Зачѣмъ же исключать изъ сферы неба то мѣсто, гдѣ мы находимся?“

Авторъ правъ: небо всюду, оно со всѣхъ сторонъ обнимаетъ насъ, какъ обнимаетъ насъ великій невидимый міръ, о существованіи котораго мы часто и не подозреваемъ, ибо нашъ міръ—лишь клѣточка иного великаго міра, въ которомъ живутъ мириады живыхъ существъ, намъ еще невѣдомыхъ. Мы можемъ вѣрить или не вѣрить въ существованіе этого міра, мы можемъ спорить о немъ или отвергать его, но тѣмъ не менѣе онъ существуетъ, и каждымъ нашимъ дыханіемъ мы утверждаемъ это бытіе, каждымъ биеніемъ нашего сердца мы участвуемъ въ этой всемірной жизни.

Но почему мы не знаемъ объ этомъ? Мы не знаемъ, потому что въ насъ еще не проснулись нѣкоторыя чувства, которымъ съ ходомъ эволюціи суждено раскрыться въ насъ. Если человѣкъ, потерявшій обоняніе, войдетъ въ комнату, наполненную ароматомъ розъ, онъ не почувствуетъ присутствія цвѣтовъ. Точно такъ же и слѣпой пройдетъ равнодушно среди великолѣп-

наго ландшафта, не подозрѣвая его волшебной красоты. Большинство современныхъ людей подобно этимъ убогимъ, они не воспринимаютъ вибрацій всего окружающаго насъ міра, потому что необходимые для этого воспріятія органы чувствъ еще не проснулись къ дѣятельности. Но есть много признаковъ, что близится время этого пробужденія; многіе люди уже ощущаютъ это готовящееся пробужденіе, они его какъ бы предчувствуютъ и естественно стремятся понять, что съ ними происходитъ. Замѣтно это въ молодомъ поколѣніи, рождающемся съ болѣе чувствительной и утонченной нервной системой и потому возбудимомъ и раздражительномъ. Конечно, есть много условій въ нашей современной дѣйствительности, которыя вызываютъ болѣзненную нервозность молодого поколѣнія, но, кромѣ этихъ общихъ причинъ, есть еще чисто психо-физиологическая: это тѣ перемѣны, которыя наблюдаются въ человѣческомъ организмѣ, главнымъ образомъ въ его нервной системѣ. Въ этомъ отношеніи наука уже собрала много интересныхъ данныхъ.

Такъ, проф. Ковалевскій указываетъ, что въ современномъ человѣкѣ, повидимому, нарождаются новые, болѣе тонкіе органы воспріятія, и возникаютъ новыя чудесныя способности, напр. ясно-видѣніе, яснослышаніе, способность передачи мысли на разстояніи и т. п. Эти пробуждающіяся силы потрясаютъ неподготовленный молодой организмъ и вызываютъ въ немъ рядъ нервныхъ явленій, которыя выводятъ его изъ равновѣсія, иными словами, человѣкъ дѣлается легко истеричнымъ или неврастеничнымъ. Но профессоръ утверждаетъ, что это явленія перехода, и что потому ихъ слѣдуетъ отнести къ одной изъ стадій эволюціоннаго процесса, вырабатывающаго новый біологическій типъ, а никакъ не къ явленіямъ декаданса или регресса.

Эти мысли, если ихъ сопоставить съ интересными изслѣдованіями проф. Джемса, даютъ богатый матеріалъ для размышленія и открываютъ намъ большіе и совершенно новые горизонты. Подтверждается ученіе Теософіи о переходѣ человѣка на новую ступень сознанія и о возможности познать сверхчувственные міры.

Собственно говоря, что такое эти невидимые міры? Это та часть нашего міра, которая не поддается изслѣдованію нашихъ грубыхъ пяти чувствъ, но которую не трудно доказать путемъ чисто-интеллектуальнымъ, ибо въ физическомъ, т. е. грубо-матеріальномъ мірѣ, мы, какъ разумныя существа, живемъ сравнительно очень мало. Можно сказать, что только дикарь на самой

грубой стадіи своего развитія живетъ, какъ животное, болѣе всего въ мірѣ физическомъ, ибо мы живемъ тамъ, гдѣ пребываетъ наше сознание. Въ физическомъ мірѣ мы пребываемъ, когда наше сознание сосредоточено на ѣдѣ, снѣ, физическомъ движеніи или на какой-нибудь физиологической функціи нашего организма. Стоитъ намъ немного вдуматься въ этотъ вопросъ, и мы должны будемъ признать, что мы гораздо болѣе живемъ въ области своихъ эмоцій и страстей, т. е. гнѣва, радости, страха, самолюбія, состраданія, любви или ненависти, т. е. мы живемъ главнымъ образомъ въ невидимомъ мірѣ своихъ внутреннихъ страстныхъ переживаній, въ такъ-называемомъ „астральномъ“ мірѣ. Тѣ изъ насъ, которые привыкли много читать и думать, живутъ больше всего въ иномъ, невидимомъ мірѣ, въ мірѣ „ментальномъ“, т. е. въ мірѣ чистой мысли. Есть міры еще болѣе тонкіе и высокіе. Это міръ сверхличной любви и альтруистическихъ стремленій. Туда мы поднимаемся въ лучшія, самыя свѣтлыя минуты, нашей жизни. Постоянно живутъ тамъ тѣ опередившія насъ свѣтлыя существа, которыя уже болѣе чѣмъ люди, и которыя составляютъ авангардъ человѣчества. Этотъ міръ чистой, неувыдающей радости и есть настоящее небо. Въ него переходитъ человѣкъ не только послѣ тѣлесной своей смерти, когда сбрасываетъ свою грубо-физическую оболочку, но также и когда погашены личныя страсти, связывающія его съ астральнымъ міромъ, но также и при жизни его въ лучшіе и самые высокіе часы своего существованія на землѣ. Иными словами, небо есть не мѣсто, а состояніе, оно всегда окружаетъ насъ и всегда доступно намъ, если мы способны переносить свое вниманіе отъ низшаго центра своего бытія, т. е. области ощущеній, страстей и эгоистическихъ заботъ на высшій центръ, т. е. сферу сверхличныхъ хотѣній и переживаній. Чѣмъ чаще мы въ состояніи такимъ образомъ переносить свое вниманіе, тѣмъ чаще мы открываемъ себѣ доступъ въ небо, которое есть чистая радость. Чѣмъ больше мы живемъ въ области животныхъ стремленій и утѣхъ, тѣмъ больше мы отдаляемся отъ него, и тѣмъ самымъ мы легче раскрываемъ себя вліянію низшихъ и самыхъ грубыхъ частей астральнаго міра, исполненнаго огня страсти и скорби и потому переживаемаго какъ адъ.

По мѣрѣ того, какъ мы очищаемся отъ грубыхъ эмоцій и мыслей, мы строимъ болѣе тонкіе органы въ своемъ тѣлѣ и приобретаемъ тѣ новыя чудесныя способности, которыя обыкновенно называются психическими силами. Таковъ нормальный

Глава I.

Воскресеніе Египта.

Какъ ни безчисленны перемѣны и катастрофы мірового значенія, загромоздившія собой нашъ революціонный вѣкъ, ни одна изъ нихъ не можетъ равняться по знаменательности и всеобщности съ характернымъ для него раскрытіемъ тайнъ и обнаруженіемъ многого того, что доселѣ оставалось сокрытымъ. Рентгеновскіе лучи печати проникли во всѣ закоулки нашей жизни и пронизали почти всѣ завѣсы; то, что сегодня происходитъ въ стѣнахъ дома, завтра извѣстно на улицахъ; не успѣваютъ рѣшенія государственныхъ дѣятелей созрѣть въ тайникахъ кабинетовъ, какъ онѣ ужъ облетаютъ страну и обсуждаются въ каждомъ городѣ и селѣ; но помимо этого раскрылись и тайны прошлаго, и въ наши дни мы можемъ безошибочно проникать въ мотивы, которые наши предки искусно скрывали отъ своихъ современниковъ. Изъ давно заброшенныхъ архивовъ государственныхъ актовъ, изъ Венеціи, изъ Генуи, со всего міра пралился свѣтъ на скрытыя пружины и на дѣянія, преданныя забвенію въ теченіе не десятковъ, а сотенъ лѣтъ. Со всѣхъ сторонъ насъ затопили частныя письма, частныя воспоминанія, частныя депеши о государственныхъ дѣлахъ, частныя донесенія пословъ и довѣренныхъ людей, частныя инструкціи министровъ и монарховъ, всякаго рода документы, предназначавшіеся лишь для глазъ адресата, въ такомъ количествѣ, что чувство любопытства сдѣлалось какимъ-то пережиткомъ, и намъ почти невозможно себѣ представить, что еще не такъ давно неприкосновенность частной жизни была самымъ драгоценнымъ для насъ преимуществомъ. Сами могилы разверзли свои тайники, и цивилизаціи, погибшія тысячи лѣтъ тому назадъ, развернулись передъ нашими глазами. Мы можемъ ходить по улицамъ Помпеи, скрывшимся отъ смертныхъ очей еще за сто пятьдесятъ лѣтъ до того, какъ отцы перваго Вселенскаго Собора сошлись въ Никеѣ для утвержденія христіанской вѣры. Мы разглядываемъ драгоценности, сошедшія въ могилу въ Микенахъ вмѣстѣ со злосчастнымъ домомъ Атрея. Мы изучаемъ въ самомъ сердцѣ Лондона скрижали, входившія въ составъ знаменитой бібліотеки ассирійскаго Ассурь-Банипала. Какъ въ пространствѣ, такъ и во времени концы земли сошлись для нашего поколѣнія. Подобно тому, какъ на

нашей планетѣ разстоянія сократились настолько, что мы ежедневно общаемся съ самыми отдаленными уголками земли, такъ и черезъ бездну вѣковъ нынѣ перекинуть мостъ при посредствѣ вновь открытыхъ лѣтописей старины.

Среди этой оживленной картины возрожденія и откровеннѣй воскресеніе древняго Египта занимаетъ выдающееся мѣсто. Въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, съ того дня, какъ варваръ Омаръ вступилъ въ столицу древняго царства, и тризна по классической наукѣ была совершена въ пожарѣ великой Александрійской библиотеки, вплоть до того часа, когда Шамполлионъ, подобно второму Сиріусу, возвѣстилъ новую зарю египетской пышности, все возрастающая тьма обволакивала собой всю страну. Менѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ султанъ грозилъ самыми ужасными карами въ нынѣшней жизни и въ будущей тому чиновнику, который осмѣлится подпустить христіанина къ священному порту Суэцу. Нынѣ этотъ портъ представляетъ изъ себя многолюдное преддверіе наиболѣе космополитическаго и оживленнаго проѣздного пути. Въ теченіе вѣковъ Египетъ былъ первымъ и наиболѣе ревниво оберегаемымъ хранителемъ мусульманскаго закона. Нынѣ его суды руководятся при отправленіи правосудія сложной юрисдикціей чуждыхъ ему народовъ, непримѣрной въ исторіи другихъ государствъ. Еще на нашей памяти его іероглифы представляли неразрѣшимую загадку; его храмы были скрыты подъ горами мусора, нанесенными цѣлыми поколѣніями арабовъ; самыя даты его развалинъ опредѣлялись съ ошибками въ тысячи лѣтъ. Сегодня же его могучія сооруженія ясно свидѣтельствуютъ о его быломъ величій; указы царей читаются въ оригиналахъ, и ошибки, приписываемыя небрежнымъ писцамъ, думавшимъ, что смертный взглядъ не упадетъ на папирусы, спрятанные въ одеждахъ мумій, обсуждаются европейской іероглифической наукой.

Каждая подробность жизни древняго Египта проникнута своеобразной прелестью. Относительно вѣхъ другихъ государствъ, за исключеніемъ развѣ Вавилона, можно съ большей или меньшей достовѣрностью установить ту или другую историческую исходную точку. Дни основанія Рима или Авинь являются лишь средними вѣками исторіи по сравненію съ временами Кхуфу или Менеса.

Индія приписываетъ своимъ первымъ Ведамъ около четырехъ тысячъ лѣтъ. Китайскія священныя писанія старше ихъ не болѣе, чѣмъ на тысячу лѣтъ. Еще тысячу лѣтъ до того начала

Глава I.

Воскресеніе Египта.

Какъ ни безчисленны перемѣны и катастрофы мірового значенія, загрозившія собой нашъ революціонный вѣкъ, ни одна изъ нихъ не можетъ равняться по знаменательности и всеобщности съ характернымъ для него раскрытіемъ тайнъ и обнаруженіемъ многого того, что доселѣ оставалось сокрытымъ. Рентгеновскіе лучи печати проникли во всѣ закоулки нашей жизни и пронизали почти всѣ завѣсы; то, что сегодня происходитъ въ стѣнахъ дома, завтра извѣстно на улицахъ; не успѣваютъ рѣшенія государственныхъ дѣятелей созрѣть въ тайникахъ кабинетовъ, какъ онѣ ужь облетаютъ страну и обсуждаются въ каждомъ городѣ и селѣ; но помимо этого раскрылись и тайны прошлаго, и въ наши дни мы можемъ безошибочно проникать въ мотивы, которые наши предки искусно скрывали отъ своихъ современниковъ. Изъ давно заброшенныхъ архивовъ государственныхъ актовъ, изъ Венеціи, изъ Генуи, со всего міра пралился свѣтъ на скрытыя пружины и на дѣянія, преданныя забвенію въ теченіе не десятковъ, а сотенъ лѣтъ. Со всѣхъ сторонъ насъ затопили частныя письма частныя воспоминанія, частныя депеши о государственныхъ дѣлахъ, частныя донесенія пословъ и довѣренныхъ людей, частныя инструкціи министровъ и монарховъ, всякаго рода документы, предназначавшіеся лишь для глазъ адресата, въ такомъ количествѣ, что чувство любопытства сдѣлалось какимъ-то пережиткомъ, и намъ почти невозможно себѣ представить, что еще не такъ давно неприкосновенность частной жизни была самымъ драгоценнымъ для насъ преимуществомъ. Сами могилы разверзли свои тайники, и цивилизаци, погибшія тысячи лѣтъ тому назадъ, развернулись передъ нашими глазами. Мы можемъ ходить по улицамъ Помпеи, скрывшимся отъ смертныхъ очей еще за сто пятьдесятъ лѣтъ до того, какъ отцы перваго Вселенскаго Собора сошлись въ Никеѣ для утверженія христіанской вѣры. Мы разглядываемъ драгоценности, сошедшія въ могилу въ Микенахъ вмѣстѣ со злосчастнымъ домомъ Атрея. Мы изучаемъ въ самомъ сердцѣ Лондона скрижали, входившія въ составъ знаменитой бібліотеки ассирійскаго Ассурь-Банишала. Какъ въ пространствѣ, такъ и во времени концы земли сошлись для нашего поколѣнія. Подобно тому, какъ на

нашей планетѣ разстоянія сократились настолько, что мы ежедневно общаемся съ самыми отдаленными уголками земли, такъ и черезъ бездну вѣковъ нынѣ перекинуть мостъ при посредствѣ вновь открытыхъ лѣтописей старины.

Среди этой оживленной картины возрожденія и откровенній воскресеніе древняго Египта занимаетъ выдающееся мѣсто. Въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, съ того дня, какъ варваръ Омаръ вступилъ въ столицу древняго царства, и тризна по классической наукѣ была совершена въ пожарѣ великой Александрійской бібліотеки, вплоть до того часа, когда Шамполіонъ, подобно второму Сиріусу, возвѣстилъ новую зарю египетской пышности, все возраставшая тьма обволакивала собой всю страну. Ментѣ ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ султанъ грозилъ самыми ужасными карами въ нынѣшней жизни и въ будущей тому чиновнику, который осмѣлится подпустить христіанина къ священному порту Суэцу. Нынѣ этотъ портъ представляетъ изъ себя многолюдное преддверіе наиболѣе космополитическаго и оживленнаго проѣзднаго пути. Въ теченіе вѣковъ Египетъ былъ первымъ и наиболѣе ревниво оберегаемымъ хранителемъ мусульманскаго закона. Нынѣ его суды руководятся при отправленіи правосудія сложной юрисдикціей чуждыхъ ему народовъ, безпримѣрной въ исторіи другихъ государствъ. Еще на нашей памяти его іероглифы представляли неразрѣшимую загадку; его храмы были скрыты подъ грудями мусора, нанесенными цѣлыми поколѣніями арабовъ; самыя даты его развалинъ опредѣлялись съ ошибками въ тысячи лѣтъ. Сегодня же его могучія сооруженія ясно свидѣтельствуютъ о его быломъ величіи; указы царей читаются въ оригиналахъ, и ошибки, приписываемыя небрежнымъ писцамъ, думавшимъ, что смертный взглядъ не упадетъ на папирусы, спрятанные въ одеждахъ мумій, обсуждаются европейской іероглифической наукой.

Каждая подробность жизни древняго Египта проникнута своеобразной прелестью. Относительно всѣхъ другихъ государствъ, за исключеніемъ развѣ Вавилона, можно съ большей или меньшей достовѣрностью установить ту или другую историческую исходную точку. Дни основанія Рима или Аѳинъ являются лишь средними вѣсками исторіи по сравненію съ временами Кхуфу или Менеса.

Индія приписываетъ своимъ первымъ Ведамъ около четырехъ тысячъ лѣтъ. Китайскія священныя писанія старше ихъ не болѣе, чѣмъ на тысячу лѣтъ. Еще тысячу лѣтъ до того начала

Вавилоніи уже теряются во мглѣ. Лишь на берегахъ Нила мы видимъ, за многіе вѣка до эпохи Аккадійскаго Саргона, вполне установившуюся монархію и организованное государство, сложную обрядность и органическую іерархію, специфическую архитектуру и богатый алфавитъ. Вслѣдствіе этого на горизонтѣ Египта отсутствуетъ главная аномалія, обыкновенно вносящая путаницу въ наше пониманіе древности, а именно участіе чуждаго элемента въ образованіи обычаявъ данной расы, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда эта раса была пересажена изъ совершенно другой почвы; поэтому весь циклъ египетской цивилизаціи зарождается, развивается и завершается исключительно въ условіяхъ самого Египта. Эта замѣчательная картина изобилуетъ множествомъ привлекательныхъ чертъ. Величественная рѣка, неизсякаемый источникъ жизни и свѣжести для всей страны, длинный рядъ могучихъ храмовъ, вѣнчающихъ собой ея берега, жизнерадостный народъ, толпами бороздящій ея воды, танцы, игры, пѣсни, состязанія, безпрестанныя празднества, расцвѣченныя лодки, обгоняющія священныя барки мертвецовъ,— все это представляетъ панораму, которая, въ обрамленіи ослѣпительной ясности безоблачнаго неба, дышитъ исключительной и незабываемой прелестью. Къ тому же, для того, чтобы составить эту картину, нѣтъ надобности напрягать воображеніе и тщательно возстановлять ее съ помощью разрозненныхъ и отрывочныхъ деталей. Намъ не приходится складывать въ логическое цѣлое отрывочныя свѣдѣнія объ общественной жизни, съ трудомъ добытыя изъ случайныхъ указаній и намековъ, разсѣянныхъ у десятка разныхъ писателей. Не приходится намъ также довольствоваться описаніями событій, составленными нѣсколько сотъ лѣтъ спустя. Мы имѣемъ возможность обратиться непосредственно къ первоисточникамъ и изучать лѣтописи въ ихъ подлинникахъ.

На огромныхъ вратахъ храмовъ, на стѣнахъ, на громадныхъ саркофагахъ, на архитравахъ, на колоннахъ обширныхъ зданій находимъ мы дѣянія монарховъ, запечатлѣнныя въ священныхъ іероглифахъ. Для полученія свѣдѣній о сраженіи при Регильскомъ озерѣ мы должны вѣрить преданіямъ, записаннымъ Ливіемъ. О первой же великой битвѣ при Меггидонѣ, происшедшей за сотни лѣтъ до того, мы имѣемъ современный ей разсказъ побѣдителя Тотмеса и списокъ добычи, составленный царскими чиновниками.

Болѣе того, египетскіе памятники даютъ намъ не только

описание событий; они воспроизводятъ отдѣльныя сцены. Какіе слѣды остались для взора потомства отъ торжествъ знаменитаго Юлія Цезаря? Но побѣды Рамзеса и Сетоса, имѣвшія мѣсто за столько же лѣтъ до Юлія Цезаря, сколько ихъ отдѣляетъ его отъ насъ, живутъ еще во всѣхъ подробностяхъ. Одежды, украшенія, лица, даже цвѣтъ волосъ разныхъ народовъ, принимавшихъ участіе въ процессіи,—все это красуется до сего дня на стѣнахъ дворцовъ, бывшихъ свидѣтелями ихъ. Мы не имѣемъ даже преданій объ обликѣ Моисея, Соломона, основателя Рима, даже великаго апостола язычниковъ. Но черты лица фараоновъ знакомы намъ не менѣе, чѣмъ его вѣрнымъ подданнымъ. Тройная ограда изъ массивныхъ колоннъ, необыкновенно печальныхъ въ своемъ одинокомъ величіи,—вотъ единственные остатки, которые могутъ еще рассказать намъ о томъ, какъ поклонялись грозному Посейдону въ его собственномъ храмѣ въ Пестумѣ. Но малѣйшая подробность процессіи, шествовавшей подъ длинными сводами Карнака, сосудъ очищенія, крылья на священномъ писцѣ, хоръ пѣвчихъ, четверной рядъ жрецовъ, священный ковчегъ на ихъ плечахъ, херувимъ съ распростертыми крылами, осѣняющій Божество,—все это сохранилось для насъ вмѣстѣ со словами торжественнаго гимна, который вѣрующіе воспѣвали невидимому Свѣту—Ра.

Двѣ отличительныя особенности характеризуютъ собой лѣтописи наиболѣе древнихъ временъ. Нѣтъ ничего поразительнѣе тѣхъ глубокихъ знаній въ наукѣ, которыми обладали египетскіе жрецы, какъ то все яснѣе выявляется по мѣрѣ того, какъ факты подвергаются все болѣе тщательному изслѣдованію. Гдѣ тотъ архитекторъ, который въ наши дни взялся бы построить зданіе болѣе четырехсотъ футовъ вышины, состоящее изъ комнатъ самой сложной конструкціи, которое не требовало бы ремонта въ теченіе шести тысячъ лѣтъ? Какой другой народъ не только открылъ трансцендентальное отношеніе между радіусомъ и окружностью—основу всѣхъ криволинейныхъ измѣреній—но и примѣнилъ его, какъ принципъ для архитектурныхъ построекъ.

Гдѣ еще найдемъ мы зданіе, ориентированное съ такой безупречной точностью, что, если согласиться съ г. Флиндерсомъ Петри, минимальное перемѣщеніе, происшедшее въ теченіе вѣковъ представляетъ и, слѣдовательно, измѣряетъ собой вѣковое измѣненіе, состоящее въ связи со скрытой космической силой? Гдѣ найдемъ мы древній календарь, основанный на пра-

вильномъ знаніи движенія земли? Какой другой народъ зналъ, по свидѣтельству д-ра Бругша и М. Масперо, истинное движеніе солнца въ пространствѣ? Или кто начерталъ чудесный циклъ звѣзды—провозвѣстницы, измѣрявшей цѣлые вѣка своимъ восходящимъ свѣтомъ, когда она на мгновеніе озаряла восточный горизонтъ?

Не менѣ замѣчательно и, можетъ быть, еще болѣе характерно непрерывное участіе въ жизни и глубокое значеніе живительной рѣки. Отъ края до края территоріи Египта, отъ вѣка до вѣка въ его исторіи, въ религіи, въ торговлѣ, въ почитаніи мертвыхъ, всюду, куда бы мы ни обратились, и на чемъ бы ни остановился нашъ взоръ, мы ни на минуту не теряемъ изъ виду голубяя воды Нила. Эта прекрасная рѣка, безмятежно катящая свои волны на пространствѣ сотенъ миль подъ яснымъ небомъ, одна давала свѣжестъ и обиліе длинной и узкой полосѣ плодородной земли, окаймляющей ея берега и пустынями отрѣзанной отъ міра съ обѣихъ сторонъ, и одна дѣлала возможнымъ вообще существованіе египетскаго народа.

Согласно древнему преданію, а также и историческимъ даннымъ, предки этого народа въ очень отдаленныя времена были не сѣвернаго, а южнаго происхожденія ¹⁾, будучи уроженцами Понта, находившагося вблизи источниковъ Нила на экваторѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ преданіемъ, мы видимъ, что центральной точкой египетскаго міра была Апту или южная „Вершина Земли“ въ „Священной странѣ Кхентъ“, упоминаемой д-ромъ Бругшемъ, точка на экваторѣ, пересѣкаемая мемфисскимъ меридіаномъ, на западномъ берегу большого экваторіальнаго озера, изъ котораго знаменитая рѣка беретъ свое начало. Исходя изъ этого начальнаго пункта, мы отмѣтимъ четыре страны свѣта на земномъ шарѣ, престолы четырехъ египетскихъ Духовъ Свѣта съ Хапи посреди, охраняющихъ южные источники Нила. Эти четыре свѣтлыхъ духа, стражи небснаго свода, изображались египтянами въ видѣ кинокефальной обезьяны, существа, болѣе всего напоминающаго человѣка. У этихъ четырехъ живыхъ существъ, предстоящихъ передъ престоломъ Ра, священный усопшій въ египетскомъ Ритуалѣ просилъ помощи въ тотъ моментъ, когда великолѣпіе орбиты внезапно раскры-

¹⁾ Нѣкоторые египтологи все еще держатся предрасудка (никакихъ историческихъ данныхъ въ подтвержденіе этого мнѣнія нѣтъ), что египетскій народъ пришелъ съ сѣвера. Однако, профессора Масперо и Петри съ этимъ несогласны.

валось во всей своей славе передъ его просвѣтленнымъ взоромъ. Первые иммигранты изъ этой страны шли, повидимому, по двумъ путямъ. Согласно очень древнему преданію, упоминаемому д-ромъ Бругшемъ, одна часть ихъ направилась по берегу рѣки, осѣвъ, повидимому, временно въ Мероз, гдѣ древній храмъ Амена и развалины Ассура, открытыя на этомъ островѣ Кайларомъ, свидѣтельствуютъ объ ихъ присутствіи; тогда какъ другая часть, согласно открытіямъ проф. Петри, повидимому, шла по берегу Краснаго моря и затѣмъ пересѣкала пустыню вплоть до Каптоса. Не надо забывать, что для Египта югъ былъ той „Великой Страной Свѣта“, которой воздавались особая почесть. Этимъ объясняется, почему египтяне носили каждый годъ священныя изображенія въ страну предковъ.

Отголосокъ того же преданія слышится въ посѣщеніяхъ Гомеровыми богами „безупречныхъ эѳіоповъ“, въ виду того, что безупречность естественно должна была составить главный мотивъ благоговѣйнаго отношенія къ первородной расѣ. Въ подтвержденіе этого, мы читаемъ въ древней надписи на гробѣ Амаму, что святой усопшій, „пролетѣвъ по всему лицу неба“, „водворяется среди благословеннаго содружества на югѣ“. Тотъ же архаическій папирусъ повѣствуетъ о небесной странѣ Кхентъ или Кхентъ-Аменти, жилищѣ сокровеннаго Бога, символизируемой на землѣ „Святой страной Кхентъ“ въ Апу или на южной вершинѣ земли.

Вслѣдствіе этого и наиболѣе священная часть храма была обращена къ той же части свѣта, и Великая Пирамида, отъ входа до отдаленнѣйшаго покоя, была обращена на сѣверъ и на югъ.

Воистину, для египтянина все русло огромной рѣки являлось лишь символомъ невидимой страны „Нутеръ-Кхартъ“, орошаемой „Небеснымъ Ниломъ“, о которомъ говоритъ Ритуаль; то была священная земля мертвыхъ съ ея тройнымъ подраздѣленіемъ на Руста, территорію Посвященія; Аалу, территорію Просвѣтленія, и Аменти, мѣсто единенія съ невидимымъ Отцомъ. На сѣверномъ концѣ рѣки, гдѣ океанъ открываетъ доступъ въ страну, было устье Розетты или Руста, изображающее, какъ мы видимъ изъ папируса временъ Кхуфу, входы въ могилу. Вверхъ по рѣкѣ, вдоль всей долины Верхняго Египта, въ Дендерѣ, въ Абидосѣ, въ Оивахъ возвышались большіе храмы, освященные проявленіями Божества. На южной границѣ царства, непосредственно подъ тропической аркой, пересѣкавшейся

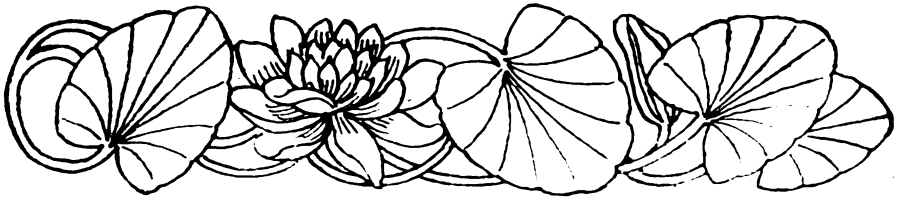
въ ту эпоху солнцемъ въ серединѣ лѣта, находится водопадъ или „Врата Нила“, черезъ которыя предки народа вступили въ страну, изображающія въ Ритуалѣ ту точку въ Аалу или странѣ Просвѣтленія, гдѣ святой усопшій, совершивъ „Переходъ Солнца“, раскрываетъ врата небеснаго Нила и получаетъ вѣнецъ Афть— „вѣнецъ Просвѣтленія“, сдѣланный по образцу свѣта Зодіака, славы вышнихъ небесъ. А ниже къ югу лежала священная страна Понтъ, далекая отчизна, подобная Аменти, невидимое жилище Отца ихъ, Бога. То же небесное происхожденіе и сліяніе, отраженное такимъ образомъ во всей странѣ, были сконцентрированы и символизированы и въ столицѣ. Въ мѣстѣ соединенія обоихъ царствъ, Верхняго и Нижняго Египта, гдѣ Ниль развѣтвляется, образуя большой уголь дельты, стоялъ Мемфисъ, или вѣрнѣе „Мен-ноферъ“, „Священная Основа“, центръ двойного управленія Египтомъ, съ его дворцомъ, посвященнымъ Духу Творцу, Пта; съ его кладбищемъ, именованнымъ „Благословенное Безсмертіе“, и съ его началомъ— „Путь невидимыхъ водъ“. Тамъ же была земля „Сочеть-Ра“, поля Солнца. А вблизи священнаго города, на западномъ берегу рѣки, на одинокой скалѣ высилась Великая Пирамида, тотъ домъ Озириса, къ которому, какъ говоритъ папирусъ Амень Хотена, Вѣчная Мудрость, Тотъ, „приводитъ Просвѣтленнаго“.

Во вѣсѣхъ концахъ страны прошлое раскрыло свои тайны. Египеть, бывший въ теченіе столькихъ вѣковъ страной погребенныхъ мертвецовъ, вдругъ сталъ страной воскресшихъ мертвецовъ; и вѣсть, которую огненнымъ глаголомъ провозглашаетъ столь долго безмолвствовавшій голосъ, есть первичная вѣра въ божественное происхожденіе человѣка и его конечное сліяніе съ Божествомъ.

Всюду и вездѣ во всемъ древнемъ Египтѣ возвѣщается та же доктрина о вѣчномъ Днѣ. Отъ орбиты земли, отъ полярной звѣзды въ небесахъ, отъ восхода Сириуса, отъ сіянія солнца, отъ возрожденія луны, отъ водъ рѣки, отъ дворцовъ, отъ храмовъ, отъ самыхъ одѣяній мертвецовъ исходитъ голосъ, который вѣками заглушенъ былъ въ могилѣ; и голосъ этотъ съ непререкаемой ясностью свидѣтельствуетъ о судѣ за гробомъ и объ Отцовствѣ невидимаго Бога.

Пер. В. Пушкиной.

Невидимый міръ и Оккультизмъ.

А. Каминской.

Въ одной современной книгѣ, посвященной проблемамъ духовнымъ, авторъ ставитъ вопросъ: „гдѣ небо?“—и говоритъ: „обыкновенный скептически-настроенный человѣкъ удивился бы, конечно, такому вопросу и разсмѣялся бы, а вѣрующій догматикъ, вспомнивъ Библию и воскресныя проповѣди, указалъ бы машинально на звѣзды. Но, говоритъ авторъ, представимъ себѣ этого самаго вѣрующаго не на землѣ, а на планетѣ Марсѣ. Если бы онъ въ отвѣтъ на вопросъ сдѣлалъ тотъ же жестъ вверхъ къ небу, то онъ бы указалъ на другія звѣзды, между прочимъ и на нашу землю. Зачѣмъ же исключать изъ сферы неба то мѣсто, гдѣ мы находимся?“

Авторъ правъ: небо всюду, оно со всѣхъ сторонъ обнимаетъ насъ, какъ обнимаетъ насъ великій невидимый міръ, о существованіи котораго мы часто и не подозреваемъ, ибо нашъ міръ—лишь клѣточка иного великаго міра, въ которомъ живутъ мириады живыхъ существъ, намъ еще невѣдомыхъ. Мы можемъ вѣрить или не вѣрить въ существованіе этого міра, мы можемъ спорить о немъ или отвергать его, но тѣмъ не менѣе онъ существуетъ, и каждымъ нашимъ дыханіемъ мы утверждаемъ это бытіе, каждымъ біеніемъ нашего сердца мы участвуемъ въ этой всемірной жизни.

Но почему мы не знаемъ объ этомъ? Мы не знаемъ, потому что въ насъ еще не проснулись нѣкоторыя чувства, которымъ съ ходомъ эволюціи суждено раскрыться въ насъ. Если человѣкъ, потерявшій обоняніе, войдетъ въ комнату, наполненную ароматомъ розъ, онъ не почувствуетъ присутствія цвѣтотъ. Точно такъ же и слѣпой пройдетъ равнодушно среди великолѣп-

наго ландшафта, не подозрѣвая его волшебной красоты. Большинство современныхъ людей подобно этимъ убогимъ, они не воспринимаютъ вибрацій всего окружающаго насъ міра, потому что необходимые для этого воспріятія органы чувствъ еще не проснулись къ дѣятельности. Но есть много признаковъ, что близится время этого пробужденія; многіе люди уже ощущаютъ это готовящееся пробужденіе, они его какъ бы предчувствуютъ и естественно стремятся понять, что съ ними происходитъ. Замѣтно это въ молодомъ поколѣніи, рождающемся съ болѣе чувствительной и утонченной нервной системой и потому возбудимомъ и раздражительномъ. Конечно, есть много условій въ нашей современной дѣйствительности, которыя вызываютъ болѣзненную нервозность молодого поколѣнія, но, кромѣ этихъ общихъ причинъ, есть еще чисто психо-физиологическая: это тѣ перемѣны, которыя наблюдаются въ человѣческомъ организмѣ, главнымъ образомъ въ его нервной системѣ. Въ этомъ отношеніи наука уже собрала много интересныхъ данныхъ.

Такъ, проф. Ковалевскій указываетъ, что въ современномъ человѣкѣ, повидимому, нарождаются новые, болѣе тонкіе органы воспріятія, и возникаютъ новыя чудесныя способности, напр. ясно-видѣніе, яснослышаніе, способность передачи мысли на разстояніи и т. п. Эти пробуждающіяся силы потрясаютъ неподготовленный молодой организмъ и вызываютъ въ немъ рядъ нервныхъ явленій, которыя выводятъ его изъ равновѣсія, иными словами, человѣкъ дѣлается легко истеричнымъ или неврастеничнымъ. Но профессоръ утверждаетъ, что это явленія перехода, и что потому ихъ слѣдуетъ отнести къ одной изъ стадій эволюціоннаго процесса, вырабатывающаго новый біологическій типъ, а никакъ не къ явленіямъ декаданса или регресса.

Эти мысли, если ихъ сопоставить съ интересными изслѣдованіями проф. Джемса, даютъ богатый матеріалъ для размышленія и открываютъ намъ большіе и совершенно новые горизонты. Подтверждается ученіе Теософіи о переходѣ человѣка на новую ступень сознанія и о возможности познать сверхчувственные міры.

Собственно говоря, что такое эти невидимые міры? Это та часть нашего міра, которая не поддается изслѣдованію нашихъ грубыхъ пяти чувствъ, но которую не трудно доказать путемъ чисто-интеллектуальнымъ, ибо въ физическомъ, т. е. грубо-матеріальномъ мірѣ, мы, какъ разумныя существа, живемъ сравнительно очень мало. Можно сказать, что только дикарь на самой

грубой стадіи своего развитія живетъ, какъ животное, болѣе всего въ мірѣ физическомъ, ибо мы живемъ тамъ, гдѣ пребываетъ наше сознание. Въ физическомъ мірѣ мы пребываемъ, когда наше сознание сосредоточено на ѣдѣ, снѣ, физическомъ движеніи или на какой-нибудь физиологической функціи нашего организма. Стоитъ намъ немного вдуматься въ этотъ вопросъ, и мы должны будемъ признать, что мы гораздо болѣе живемъ въ области своихъ эмоцій и страстей, т. е. гнѣва, радости, страха, самолюбія, состраданія, любви или ненависти, т. е. мы живемъ главнымъ образомъ въ невидимомъ мірѣ своихъ внутреннихъ страстныхъ переживаній, въ такъ-называемомъ „астральномъ“ мірѣ. Тѣ изъ насъ, которые привыкли много читать и думать, живутъ больше всего въ иномъ, невидимомъ мірѣ, въ мірѣ „ментальномъ“, т. е. въ мірѣ чистой мысли. Есть міры еще болѣе тонкіе и высокіе. Это міръ сверхличной любви и альтруистическихъ стремленій. Туда мы поднимаемся въ лучшія, самыя свѣтлыя минуты, нашей жизни. Постоянно живутъ тамъ тѣ опередившія насъ свѣтлыя существа, которыя уже болѣе чѣмъ люди, и которыя составляютъ авангардъ человѣчества. Этотъ міръ чистой, неувядающей радости и есть настоящее небо. Въ него переходитъ человѣкъ не только послѣ тѣлесной своей смерти, когда сбрасываетъ свою грубо-физическую оболочку, но также и когда погашены личныя страсти, связывающія его съ астральнымъ міромъ, но также и при жизни его въ лучшіе и самыя высокіе часы своего существованія на землѣ. Иными словами, небо есть не мѣсто, а состояніе, оно всегда окружаетъ насъ и всегда доступно намъ, если мы способны переносить свое вниманіе отъ низшаго центра своего бытія, т. е. области ошущеній, страстей и эгоистическихъ заботъ на высшій центръ, т. е. сферу сверхличныхъ хотѣній и переживаній. Чѣмъ чаще мы въ состояніи такимъ образомъ переносить свое вниманіе, тѣмъ чаще мы открываемъ себѣ доступъ въ небо, которое есть чистая радость. Чѣмъ больше мы живемъ въ области животныхъ стремленій и утѣхъ, тѣмъ больше мы отдаляемся отъ него, и тѣмъ самымъ мы легче раскрываемъ себя вліянію низшихъ и самыхъ грубыхъ частей астральнаго міра, исполненнаго огня страсти и скорби и потому переживаемаго какъ адъ.

По мѣрѣ того, какъ мы очищаемся отъ грубыхъ эмоцій и мыслей, мы строимъ болѣе тонкіе органы въ своемъ тѣлѣ и приобрѣтаемъ тѣ новыя чудесныя способности, которыя обыкновенно называются психическими силами. Таковъ нормальный

ходъ эволюціи: сперва духовное развитіе, затѣмъ психическое, сперва расширеніе и просвѣтленіе сознанія, а потомъ пробужденіе новыхъ органовъ, посредствомъ которыхъ просвѣтленное сознаніе можетъ безопасно изучать и изслѣдовать сверхчужденные міры.

Почему безопасно? Потому что тотъ, кто научился жить всегда въ свѣтлой сферѣ любви и состраданія, тотъ употребить каждую новую свою способность на благо человѣчества. Его не соблазнить возможность играть роль среди людей или эксплуатировать въ свою пользу ихъ слабости и недостатки. Не нужны ему ни власть, ни слава. И потому Богъ даетъ ему власть и открываетъ ему Свою Славу. Не то съ человѣкомъ неочищеннымъ, полнымъ личныхъ вожделѣній и эгоизма. Всякую новую способность онъ можетъ употребить съ корыстной цѣлью, всякую новую энергію онъ можетъ сдѣлать орудіемъ зла, ибо тотъ, кто не привыкъ владѣть своими чувствами здѣсь на землѣ, тотъ еще меньше сможетъ владѣть ими въ иныхъ мірахъ. гдѣ каждая мысль дѣйствуетъ съ удесятенной силой. И потому, по мудрому закону, управляющему эволюціей, человѣкъ неочищенный не обладаетъ болѣе тонкими органами чувствъ. Они пробуждаются у него лишь тогда, когда сознаніе его готово, тогда, когда онъ созрѣлъ какъ духовный человѣкъ. Таковъ ходъ нормальной эволюціи.

Но развѣ нельзя, не дожидаясь того времени, когда мы поднимемся на такую высокую ступень сознанія, все же работать надъ раскрытіемъ психическихъ способностей? Развѣ нельзя одновременно думать о своемъ духовномъ ростѣ и о своемъ психическомъ развитіи? Развѣ не желательно, чтобы человѣкъ шелъ навстрѣчу эволюціи и самъ бы работалъ надъ своимъ утонченіемъ и усовершенствованіемъ? Что здѣсь можетъ быть вреднаго, если человѣкъ полонъ благихъ намѣреній?

Несомнѣнно, что человѣку, понимающему законы эволюціи, слѣдуетъ работать въ согласіи съ ними. Несомнѣнно также, что такой человѣкъ долженъ думать и о духовномъ, и о психическомъ своемъ развитіи, т.е. и о сознаніи, и о проводникахъ этого сознанія, и въ этомъ, особенно если онъ исполненъ благихъ намѣреній, конечно, не можетъ быть ничего опаснаго, если только онъ будетъ идти правильно, систематически подготавливая одну ступень за другой и не пытаясь перескакивать ни одной, ибо нельзя ничего безнаказанно перескакивать въ природѣ, ни однимъ закономъ нельзя безнаказанно пренебречь. Законы раз-

витія требуютъ строгой послѣдовательности и законченности во всѣхъ фазахъ своихъ проявленій.

Здѣсь и кроется главная опасность для современнаго чело-вѣка: онъ не знаетъ и не хочетъ знать этой строгой послѣдовательности. Легкомысленно относясь къ самой серьезной задачѣ своей жизни, внутреннему творчеству, онъ за нее беретъ импульсивно, безъ всякой серьезной подготовки. Точно такъ, какъ мало думавшая молодая женщина воображаетъ, что актомъ материнства она приобрѣла себѣ мудрость воспитательницы, точно такъ же и легкомысленный чело-вѣкъ, заинтересовавшійся вопросами духа, воображаетъ себѣ, что этотъ чисто-внѣшній интеллектуальный интересъ, чаще всего навѣянный любопытствомъ и жаждой новыхъ ощущеній, уже дѣлаетъ его чело-вѣкомъ духовнымъ и потому даетъ ему какое-то право на стремленіе къ развитію психическихъ силъ. Чело-вѣкъ вообще склоненъ переоцѣнивать себя и считать себя болѣе зрѣлымъ и развитымъ, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Всегда такая переоцѣнка дѣлается тормазомъ въ его развитіи, но въ области вопро-совъ духа эта склонность обращается въ настоящую опасность, которая можетъ имѣть самыя трагическія для него послѣдствія. Ибо, если онъ возомнитъ себя достаточно духовно-зрѣлымъ, онъ можетъ взяться за такіе эксперименты въ области психической, которые могутъ его и тѣхъ, надъ которыми онъ экспериментируетъ, привести къ полной утратѣ равновѣсія. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ жизни:

1. Чело-вѣкъ, не умѣющій владѣть собою, раздражительный и эмоциональный, пробуетъ возложеніемъ рукъ испѣлять боль-ныхъ.

2. Или чело-вѣкъ, несоблюдающій самыхъ элементарныхъ правилъ оккультизма и гигиены, употребляющій, напр., въ пищу мясо и алкоголь и обращающій день въ ночь, а ночь въ день, начинаетъ заниматься медитаціей.

3. Или неуравновѣшенный чело-вѣкъ съ плохой наслѣд-ственностью, желая развить въ себѣ психическія силы, начинаетъ заниматься практическимъ оккультизмомъ и дѣлаетъ упражне-нія дыханіемъ. Что можетъ выйти изъ этого хорошаго для него и для другихъ, при самыхъ благихъ его намѣреніяхъ?

Возьмемъ первый случай. Такой духовно-неподготовленный чело-вѣкъ, неподготовленный, потому что онъ, невѣжественный, начитавшись книгъ съ практическими указаніями въ сферѣ маг-нетизма и гипнотизма, начинаетъ дѣлать рядъ опытовъ. Полу-

чивъ нѣкоторые положительные результаты, онъ продолжаетъ ихъ и дѣлается цѣлителемъ. Внушеніемъ, молитвой и наложеніемъ рукъ онъ снимаетъ рядъ болѣзней и недомоганій, онъ дѣлается извѣстнымъ, его помощи ищутъ многіе. Человѣкъ все болѣе утверждаетъ въ мнѣніи, что у него необыкновенныя силы, и начинаетъ мнить себя великимъ оккультистомъ, которымъ руководятъ силы небесныя. А больные, нѣкоторые получаютъ облегченіе, нѣкоторые — исцѣленіе, нѣкоторые — нѣтъ.

Возьмемъ тѣхъ, которые получили облегченіе. Положимъ, человѣкъ страдалъ нѣсколько лѣтъ отъ жестокихъ мигреней и, подъ влияніемъ магнетическихъ пассовъ, получилъ излеченіе... Мигрени его прошли. Но знаетъ ли онъ, что болѣзнь его изъ одного органа могла перейти на другой, знаетъ ли онъ, что она могла искусственно-изгнанная изъ одной части тѣла, свить себѣ крѣпкое гнѣздо въ другой, гораздо болѣе опасной, напр. въ сердцѣ или легкихъ?.. Знаетъ ли онъ, наконецъ, что если его физическое тѣло и совершенно освободилось отъ мучащаго его недуга, то магнетизеръ могъ внести, вмѣстѣ со своимъ магнетизмомъ, нечистыя частицы своего астральнаго тѣла, заразивъ его, такимъ образомъ, какими-нибудь нечистыми желаніями? Ибо, когда магнетизеръ передаетъ свой магнетизмъ, то на пациента переходитъ не одна эта эфирно-физическая сила, но также и часть его астральныхъ и ментальныхъ излученій, т.-е. часть его собственной личности. Если эта личность не вполне чиста, то онъ своей нечистотой заражаетъ пациента. Какъ бы прекрасны ни были его намѣренія, онъ все же принесетъ зло больному: онъ вылечитъ его отъ мигрени и, можетъ быть, привьетъ ему чувственность, лѣнь или тщеславіе. Безопасно для больного исцѣлять могутъ только святые, или ихъ ученики. Что же можно сказать о тѣхъ, что рекламируютъ себя, зазываютъ и берутъ деньги за леченіе?

Перейдемъ ко второму случаю: духовно-незрѣлый, невѣжественный человѣкъ берется за медитацію. Что изъ этого выйдетъ? Въ лучшемъ случаѣ — ничего. Совершенно не умѣя сосредоточиться ни на чемъ, дѣлающій опытъ будетъ тщетно силиться думать нѣсколько мгновеній о Первопричинѣ, или о законахъ Космоса (начинающій всегда выбираетъ самыя трудныя и высокія темы), мысли его разбѣгаются, никакихъ откровеній ему не является, и, потерявъ всякое терпѣніе, онъ съ досадой бросаетъ свой первый опытъ въ медитаціи. Это, собственно, лучшее, что могло съ нимъ случиться.

Но бѣда, если неподготовленный начинающій обладаетъ запасомъ энергіи и терпѣнія. Тогда онъ будетъ подолгу добиваться результатовъ и въ концѣ концовъ разовьетъ въ себѣ настоящій медиумизмъ, т.-е. будетъ легко притягивать къ себѣ чужіе мысле-образы и эмоціи, а часто и ничтожныя силы астральнаго плана, тѣ, которыя по своему низкому уровню наиболѣе подойдутъ къ его ступени развитія, и всѣ эти волны будутъ врываться въ его психику, тревожить его покой, побуждать его на нелѣпыя и, можетъ быть, вредныя дѣйствія. Можетъ явиться въ концѣ концовъ настоящая одержимость, и бѣдная жертва неосторожныхъ своихъ опытовъ будетъ при этомъ считать себя вдохновляемой какой-нибудь великой духовной Сущностью, Учителемъ, или самимъ Богомъ.

Въ наиболѣе острой формѣ эта опасность сказывается при упражненіи въ автоматическомъ письмѣ и разныхъ сеансахъ, когда человѣкъ даже и предмета не ищетъ для своего размышленія, а прямо приводитъ себя въ пассивное состояніе и отдается безъ разбору тѣмъ мыслямъ и чувствамъ, которыя начинаютъ имъ тогда овладѣвать. Человѣкъ въ своемъ самонѣніи думаетъ, что онъ настолько хорошъ, что обратитъ на себя вниманіе самыхъ свѣтлыхъ духовъ и притянетъ изъ окружающей атмосферы лишь высокіе мысле-образы. Онъ и не подозреваетъ, что, помимо его ничтожнаго развитія, въ немъ кроется еще неодолимое препятствіе для приближенія свѣтлыхъ силъ: это ужасное состояніе его проводниковъ, отравленныхъ мясными и алкогольными ядами, нездоровыми его привычками и нечистымъ магнетизмомъ. Въ свѣтлой Сущности такое грубое, отравленное тѣло вызываетъ такое же отвращеніе, какъ въ насъ вызываютъ грязныя лохмотья нищаго. Если мы не согласимся безъ принужденія облечься въ эти лохмотья, какъ можемъ мы думать, что въ наше загрязненное тѣло пожелаетъ хоть на мигъ вселиться высшая сила? Возможность такихъ надеждъ указываетъ лишь на нашу ограниченность, на наше невѣжество и на наше самонѣніе. Мы должны понимать, что если только потерявшій всякую потребность въ чистоплотности нищій можетъ облечься въ пугающія насъ грязныя лохмотья, то только самыя ничтожныя сущности астральнаго плана могутъ пожелать соприкосновенія съ нашей нечистой оболочкой.

Остается третій случай. Человѣкъ заинтересовался оккультизмомъ и начинаетъ упражненія дыханья. Не будемъ брать тѣхъ грубыхъ случаевъ, когда человѣкъ, увлеченный рекламой, су-

лящей ему при помощи такихъ упражненій здоровье, почести и славу, миллионное состояніе и власть надъ людьми, силится развить свои психическія силы. Такіе являются въ своей забавной наивности такимъ явнымъ нарушеніемъ высшаго Закона, что о нихъ говорить серьезно трудно. Коснемся болѣе достойнаго случая: человѣкъ хочетъ лознать высшіе міры, „построить мость“ и научиться помогать другимъ. Онъ начинаетъ, по указанію Папюса, Рамачараки или Маздазнана, дѣлать упражненія дыханія, сперва просто глубокое дыханіе здоровья, затѣмъ болѣе сложныя психо-физическія упражненія, направляя свое вниманіе на тѣ или другіе органы своего тѣла. Онъ и не подозреваетъ, какая важная функція есть функція дыханія, и какія послѣдствія для организма можетъ имѣть всякое искусственное нарушеніе ея или вмѣшательство. Въ книгѣ А. Суворина „Новый человѣкъ“ прекрасно изображены нежелательныя послѣдствія самыхъ простыхъ гигиеническихъ приемовъ для человѣка, несоблюдающаго вообще никакого ритма и никакой гигиены. Оказывается даже, что для такихъ невинныхъ вещей, какъ утреннее обливаніе, утираніе, или ванна, требуется предварительная подготовка извѣстныхъ условій. Если человѣкъ, не отрываясь ни отъ одной своей нелѣпой и нездоровой привычки, станетъ практиковать одно оборванное какое-нибудь правило новой гигиены, то это правило, безъ связи со всѣмъ строимъ его нелѣпой жизни, можетъ вызвать не улучшеніе, а ухудшеніе его здоровья.

Почему врачи посылаютъ больныхъ на воды? Именно для того, чтобы вырвать ихъ изъ всего строя неправильной жизни и поставить ихъ въ болѣе благопріятныя условія. Обыкновенно не столько воды, сколько правильный и спокойный образъ жизни содѣйствуетъ возстановленію здоровья. Если это такъ въ области грубо-физической, то это еще вѣрнѣе въ области болѣе тонкой, Дыханіе есть сама жизнь. Учиться его регулировать надо тогда, когда эта жизнь пришла хотя бы въ нѣкоторую элементарную гармонию. Кромѣ того, указанія на органы, встрѣчающіяся въ оккультныхъ руководствахъ, имѣютъ въ виду знаніе оккультнаго строенія человѣческаго тѣла. Знающій никогда не приметъ эти указанія въ буквальномъ смыслѣ, онъ знаетъ, что подъ этими названіями подразумѣваются совершенно иные центры его астральнаго тѣла. Но невѣжественный человѣкъ, ничего не подозревающій о строеніи астральнаго тѣла, смѣло принимается за эти упражненія. Сперва онъ ощущаетъ легкость, подъемъ,

какую-то возрастающую силу (совершенно какъ съ обливаніемъ или шведской гимнастикой), но скоро наступаетъ реакція. Искусственно возбужденный организмъ такъ же быстро утрачиваетъ свои силы, дѣлается еще болѣе вялымъ и раздражительнымъ. Кромѣ того, невѣрно-направленные при дыханіи мысленные токи производятъ рядъ такихъ беспорядковъ въ уже безъ того неустойчивомъ организмѣ, что человѣкъ заболѣваетъ: иногда въ сердцѣ являются перебои, иногда стѣсненіе въ грудной клеткѣ, или летучія боли въ спинномъ хребтѣ.

Иногда человѣкъ роняетъ равновѣсіе и заболѣваетъ психически. Въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ обыкновенно принимаетъ самые простые свои сны за волшебныя видѣнія, а свои собственныя беспорядочныя мысли—за дьявольскую работу черныхъ маговъ, или же, что еще хуже, за Божественныя откровенія какого-нибудь Великаго Учителя. Такому человѣку приходится иногда нѣсколько лѣтъ лечиться, чтобы снова обрѣсти утраченное равновѣсіе.

Въ виду всѣхъ этихъ тяжелыхъ возможностей, мы можемъ только радоваться, что мудрая природа противится преждевременному пробужденію психизма и жестоко наказываетъ нарушителей Законовъ нормальной Эволюціи. У природы есть удивительно простой и остроумный методъ охраненія человѣка отъ опасности преждевременнаго соприкосновенія съ астральнымъ планомъ. Всѣмъ извѣстно, что если два электрическіе провода смазать воскомъ, то при сближеніи ихъ токъ не будетъ соединяться. Но стоитъ сдѣлать маленькую дырочку въ этомъ воскѣ, какъ сверкнетъ искра, и токъ пройдетъ. Нѣчто подобное существуетъ и въ психическомъ механизмѣ человѣка. По наблюденіямъ ясновидящихъ оккультистовъ, въ астральномъ тѣлѣ и въ эфирной части физическаго тѣла есть особые центры, соприкасающіеся съ соответствующими физическими центрами. Если бы нѣкоторыя силы невидимаго міра дѣйствовали черезъ эти астральные центры на физическій организмъ, то человѣкъ бы легко сдѣлался психикомъ и сталъ бы жертвой одержанія. Но природа возвела тонкую стѣнку физической матеріи между каждыми рядами центровъ, и этотъ слой мѣшаетъ проходить астральнымъ токамъ. Жизненные силы проходятъ легко черезъ эту перепонку, но астральныя силы не могутъ пройти. Эта стѣнка совершенно подобна по своимъ свойствамъ воску, которымъ бы мы смазали электрическіе провода, она непроницаема для энергіи психической. Но стоитъ испортить часть этой стѣнки,

просверлить въ ней гдѣ-нибудь отверстіе,—центры соединяются, и астральный токъ свободно врывается въ ауру человѣка. Собственно этого и достигаютъ главнымъ образомъ методы современныхъ модныхъ оккультистовъ, призывающихъ къ практическому оккультизму. Разными психическими упражненіями имъ удается прорвать эту предохранительную сѣть и такимъ образомъ привести человѣка въ соприкосновеніе съ низшими областями астральной сферы. Психизмъ не есть простое интересное явленіе, достойное изученія, это вполне реальная, суровая дѣйствительность, въ которую слѣдуетъ серьезно вникать и осторожно изучать. Человѣкъ, который желаетъ познакомиться съ оккультизмомъ не какъ диллетантъ, а какъ мыслитель-испытатель, долженъ искать не темныхъ скрытыхъ боковыхъ дверей съ надписью „входъ запрещенъ“, а тѣхъ большихъ и свѣтлыхъ Вратъ, которая открываютъ дверь въ Храмъ Познанія, и надъ которыми начертаны вѣщія слова Сократа: „Познай самого себя“.

А такое знаніе требуетъ цѣлые годы глубокаго, спокойнаго изученія и годы безкорыстнаго служенія, ибо только служеніе и подготавливаетъ насъ настоящимъ образомъ къ раскрытію дремлющихъ въ насъ силъ, раскрывая насъ навстрѣчу высшему свѣту. Всѣ яныя окольные пути полны опасностей.

„Но, говорятъ иногда интересующіеся оккультизмомъ, мы вѣдь знаемъ, что практическія занятія оккультизмомъ имѣютъ свои опасности и требуютъ руководства, мы готовы работать при извѣстномъ руководствѣ, но не такъ легко найти руководителя. Укажите намъ живого руководителя, мы будемъ очень рады“.

Иногда и просвѣщенные люди говорятъ наивныя рѣчи. Они и не подозреваютъ, что дѣло не въ руководителѣ, а въ нихъ самихъ. Конечно, есть легкомысленные оккультисты, которые не задумываются ни устраивать кружки съ сеансами, ни печатать сенсационныя книги съ оккультнымъ содержаніемъ. Вѣроятно, такіе оккультисты не задумаются также и взять подъ свое невѣжественное руководство „учениковъ“. Но вѣдь дѣло идетъ не объ оккультистахъ, выпускающихъ серіи Флауера и продающихъ магическія зеркала, амулеты, а кстати и молитвы. Seriously интересующіеся люди если, подъ влияніемъ любопытства, и попадаютъ къ такимъ псевдо-оккультистамъ, то быстро разочаровываются и начинаютъ искать серьезныхъ настоящихъ оккультистовъ и мечтаютъ о настоящемъ „учителѣ“. Они не

понимають, что такой „настоящій“ не можетъ принять подь свое руководство эгоистичнаго, страстнаго и неочищеннаго челоуѣка, челоуѣка, который способенъ еще гнѣваться, обижаться или осуждать кого бы то ни было. Учитель этого не можетъ, потому что онъ слишкомъ глубоко чувствуетъ свою нравственную отвѣтственность и слишкомъ хорошо знаетъ Законъ. Нельзя дать ребенку въ руки динамитъ, иначе, играя съ нимъ, ребенокъ можетъ взорвать и себя и другихъ. Нельзя также мечтать стать полезнымъ въ иныхъ мірахъ тому, кто не умѣетъ быть полезнымъ на землѣ. Зачѣмъ искать притоны ужаса и страданія въ астральномъ мірѣ, когда ихъ такъ много здѣсь? Не лучше ли сперва попробовать внести въ земныя трущобы помощь и исцѣленіе, а затѣмъ уже мечтать о томъ, чтобы стать „невидимымъ помощникомъ“? Сперва станемъ видимыми помощниками, лучше начинать съ менѣ сложной задачи. Это будетъ проще, разумнѣе, и доступнѣе. Но дѣтски мечтающіе о работѣ въ невидимомъ мірѣ и не подозрѣваютъ, сколько нужно знанія, мудрости и выдержки для того, чтобы стать настоящимъ слугою тамъ. Можно при большемъ состраданіи не только не помочь, а нанести боль и новое страданіе, если нѣтъ самообладанія и достаточнаго пониманія. Для иллюстраціи приведу одинъ забавный случай, о которомъ рассказываетъ ясновидящій: Нѣкто, желая страстно помочь одной скорбящей душѣ, засыпая, мысленно летѣлъ къ ней и посылалъ ей свою любовь и свои мысли утѣшенія. Его желаніе было такое пламенное, что онъ, проснувшись на астральномъ планѣ, увидѣлъ передъ собою скорбящую душу, о которой думалъ. Увидѣвъ ее, онъ устремился немедленно къ ней, чтобы утѣшить, но онъ былъ самъ такъ взволнованъ, что его астральное тѣло обратилось въ одинъ сплошной страшный вихрь, и когда скорбящая замѣтила этотъ приближающійся пламенный ураганъ, она сильно испугалась и понеслась вдаль отъ него. Онъ сдѣлалъ усиліе и ускорилъ свой полетъ. Она въ ужасѣ и смятеніи понеслась отъ него еще съ большей скоростью, и скоро утѣшитель потерялъ всякую надежду поймать свою жертву, которая въ это время спасалась отъ него въ порывѣ охватившаго ее безумнаго страха.

Этотъ маленькій примѣръ показываетъ, какъ много нужно челоуѣку поработать надъ собой, чтобы дерзнуть мечтать о проникновеніи въ иные міры, или о томъ, чтобы вступить на путь ученичества. Цѣлые годы нужны для подготовки, годы спокойнаго, терпѣливаго, непрерывнаго и, можетъ быть, самаго

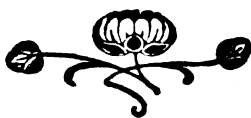
скучнаго, самаго чернаго труда. Вѣдь, чтобы построить домъ, нужно сперва камни обтесать, а мы всѣ такіе еще необтесанные, грубые камни. Мы, которые гнѣваемся, завидуемъ, ревнуемъ, волнуемся по пустякамъ, постоянно обижаемся или суедемся, осуждаемъ своего ближняго, какъ можемъ мы считать себя достойными камнями для строительства грядущаго Храма? Не правильнѣ ли будетъ сперва обтесать хотя бы камни?

„Обтесаніе камней“ есть первая задача строителя, и въ этой задачѣ заключается основа всей его работы. Если онъ ея пренебрежетъ, то зданіе его будетъ построено на пескѣ. Если онъ съ нея начнетъ, онъ подготовитъ себѣ матеріаль для прочнаго и надежнаго фундамента, на которомъ будетъ ему уже легко воздвигать дальнѣйшее строеніе. Съ „обтесанія камней“ и слѣдуетъ начинать работу тому, кто мечтаетъ о раскрытіи своихъ духовныхъ силъ. Это та скучная, простая, но необходимая ступень, на которую нужно твердо стать, чтобы дальнѣйшій путь былъ безопасенъ. Такъ учитъ Теософія.

Что же такое это „обтесываніе камней“? Это работа полнаго перевоспитанія себя, переработка всего нашего характера посредствомъ очищенія эмоцій и управленія волею и мыслями, та глубокой важности этическая работа, къ которой призываютъ насъ всѣ Великіе Учителя человѣчества, и о которой такъ много говорится притчами въ Св. Писаніяхъ.

Теософическая литература даетъ богатый психологическій матеріаль и указываетъ на методы этой работы, которую воистину можно назвать „Духовной алхиміей“. Это „преображеніе воды въ вино“, это подготовка „новыхъ мѣховъ“ для „молодого вина“, это „запасеніе масла для свѣтильниковъ“ и „вспахиваніе почвы для сѣмени добраго“. Всѣ эти прекрасные символы Евангелія суть указанія на работу духа, который раскрывается въ мукахъ рожденія, возрастаетъ въ славѣ и затѣмъ возносится, очищенный и просвѣтленный, къ Источнику, изъ котораго мы всѣ изошли, и къ которому мы всѣ вернемся.

А. Каменская.

Послѣ смѣрти.

Ч. Ледбитера.

Когда теософъ, окончательно сбросившій свое физическое тѣло, переходитъ на астральный планъ, то лучше всего, если приостановившись, чтобы осмотрѣться въ новомъ своемъ положеніи, онъ подумаетъ о томъ, какая жизнь ему предстоитъ, и какъ онъ можетъ ее использовать наилучшимъ образомъ. Онъ поступитъ мудро, если спроситъ совѣта у кого-нибудь изъ прежде отошедшихъ, встрѣчающихъ насъ обыкновенно по ту сторону. Кромѣ того, человѣкъ вступаетъ на астральный планъ не впервые, а работалъ на немъ уже немало во снѣ, во время своей физической жизни. Передъ человѣкомъ тамъ открывается такая масса возможностей, что нельзя установить опредѣленнаго правила для астральной жизни; но онъ не ошибется, если постарается быть полезнымъ всѣмъ окружающимъ его, гдѣ и какъ можетъ. Множество случаевъ учиться и помогать раскрываются тамъ человѣку, и его дѣло — распредѣлить свое время между тѣмъ и другимъ.

Астральный, какъ и физическій планъ, не измѣнится для удобства члена Теософическаго Общества, и ему нужно считаться съ тѣмъ, что онъ тамъ встрѣтитъ. Если по дорогѣ идетъ пьяный, то проходящіе по ней должны его встрѣтить, члены ли они Общества или нѣтъ; то же и на астральномъ планѣ. Теософы, будучи знакомы съ законами жизни астральнаго плана, должны были бы знать лучше профановъ, какъ быть съ такими явлениями; но избѣжать ихъ встрѣчи они не могутъ. По всей вѣроятности, они во время сна уже много разъ встрѣчались съ

такими сущностями, и потому пугаться ихъ нечего, а, напротивъ, нужно постараться понять ихъ и помочь имъ насколько возможно.

Послѣ смерти нѣтъ практической разницы между людьми, обладающими психическими способностями, и людьми, ими не обладающими, развѣ только та, что первые чувствуютъ себя больше дома, нежели вторые. Психизмъ состоитъ въ умѣннѣи запечатлѣть въ физическомъ сознаніи впечатлѣнія сверхфизическаго плана, а разъ нѣтъ физическаго тѣла, то разницы между психикомъ и обыкновеннымъ лицомъ не существуетъ (стр. 6).

Отношеніе умершихъ къ землѣ.

Умершій часто сознаетъ чувства, переживаемыя оставленною имъ семьей. Если вы себѣ ясно представите, что собственно проявляется посредствомъ астральнаго тѣла, то вамъ станетъ ясно, насколько онъ знаетъ ихъ чувства. Конечно, онъ не знаетъ во всѣхъ подробностяхъ, что оставшіеся дѣлаютъ, что они ѣдятъ и пьютъ, но онъ знаетъ, радостны ли они или печальны, и немедленно сознаетъ такія чувства, какъ любовь или ненависть, ревность или зависть.

Когда пьяница виситъ надъ питейной лавкой, то онъ можетъ втянуть въ себя—запахъ алкоголя—только частично материализовавшись, т. е. окруживъ себя облакомъ эфирной матеріи. Онъ не можетъ ощущать запаха, какъ мы; онъ постоянно старается привести другихъ въ состояніе опьяненія, чтобы отчасти войти въ тѣло ихъ, захватить его (одержимости) и такимъ образомъ еще разъ непосредственно пережить вкусовое ощущеніе, а также другія чувственныя переживанія, къ которымъ онъ такъ страстно стремится.

Въ астральномъ тѣлѣ есть точное воспроизведеніе глазъ, носа, рта; но ими человѣкъ не можетъ воспринимать соответствующихъ впечатлѣній. Вся матерія астральнаго тѣла находится въ непрерывномъ быстромъ движеніи, поэтому невозможно, чтобы какія-нибудь частицы этой матеріи специализировались такъ, какъ нѣкоторые нервы въ физическомъ тѣлѣ. Способности воспріятія въ астральномъ тѣлѣ дѣйствуютъ не черезъ органы, но черезъ каждую частицу астральнаго тѣла, и человѣкъ можетъ видѣть одновременно все, что его окружаетъ, а не только то, что находится передъ нимъ. Умершій могъ бы пожать астральное

воспроизведеіе руки живого, но т. к. обѣ руки, физическая и астральная, проникають одна другую, то нѣтъ смысла дѣлать это безъ всякаго ощущенія пожатія. Тѣмъ не менѣе, онъ имѣеть возможность матеріализировать руку, которая, хотя невидимая для людей, можетъ ощущаться такъ же реально, какъ обыкновенная физическая; это часто наблюдается во время сеансовъ.

Съ трехъ подплановъ астральнаго плана возможно (но не желательно) видѣть совершающееся на физическомъ планѣ и наблюдать за нимъ. На низшемъ подпланѣ человѣкъ обыкновенно занятъ другимъ образомъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ тянется къ мѣстамъ разврата и выпивки; но въ слѣдующемъ онъ близко соприкасается съ физическимъ планомъ, сознаеть, вѣроятно, многое въ немъ, хотя видитъ онъ не физическіе предметы, а ихъ астральные двойники. Быстро уменьшаясь, это сознаніе возможно при прохожденіи еще двухъ подплановъ, но дальше для такого общенія уже необходимо спеціальное усиліе черезъ медиума; съ высшаго же плана и при такомъ условіи общеніе необыкновенно трудно.

Способность и возможность видѣть и слѣдить за физическими событіями зависитъ отъ характера и наклонности человѣка, какъ и отъ ступени достигнутаго имъ развитія. — Большинство тѣхъ, которыхъ мы обыкновенно называемъ хорошими людьми, проходятъ эти низшіе подпланы, если они умерли естественной смертью раньше, чѣмъ просыпаются къ астральному сознанію. Изъ нихъ немногіе рвутся къ землѣ, и приходятъ въ соприкосновеніе съ ней, только если сильная забота о комъ-нибудь оставшемся не даетъ имъ покоя.

Стоящіе на менѣе высокой ступени развитія, имѣющіе въ своемъ тѣлѣ болѣе грубыя частицы астральной матеріи, этимъ самымъ становятся способными слѣдить до извѣстной степени за земными происшествіями. Чаще всего это случается съ тѣми, мысли которыхъ при жизни вертѣлись вокругъ земныхъ событій,—у которыхъ интеллектъ не особенно высоко развитъ, и нѣтъ духовныхъ стремленій. Такое стремленіе къ землѣ увеличивается отъ того, что его осуществляютъ. И человѣкъ, сначала къ счастью своему и не сознающій того, что ниже его, — можетъ быть, привлеченъ сюда печалью оставшихся. Онъ начинаетъ тратить энергію своей воли на сохраненіе связи съ землей, къ которой онъ больше не принадлежитъ, и въ такомъ случаѣ его способность видѣть все земное временно увеличивается, а потомъ онъ страдаетъ ментально, видя, какъ эта способность отъ него

ускользаетъ. Такое страданіе возникаетъ только благодаря не-правильности, внесенной имъ же, ибо оно совершенно не входитъ въ схему нормальной посмертной эволюціи.

Приходится слышать жалобы на то, что отошедшіе не видятъ точно физическаго плана дѣйствительности; но вѣдь и мы всѣ не видимъ всего физическаго плана; большинству видимо только твердое и жидкое, а уже газообразное и эфирное, составляющее большую часть физическаго міра, нашему зрѣнію недоступно; отошедшіе же совсѣмъ не видятъ физической матеріи и даже изъ астральныхъ дубликатовъ физической видятъ только ту часть, которая соотвѣтствуетъ плану, на которомъ они находятся въ данный моментъ. Только тотъ получаетъ понятіе объ этихъ вещахъ, кто еще во время физической жизни развилъ въ себѣ эфирное и астральное зрѣніе.

Еще одной трудностью на пути отошедшаго является неумѣніе всегда разобраться съ увѣренностью въ астральныхъ двойникахъ физическихъ тѣлъ, даже если онъ ихъ и видитъ. Онъ долженъ набраться значительнаго опыта, чтобы научиться ясно различать предметы, и нѣкоторыя попытки пользоваться ими очень неопредѣленны и неувѣренны, какъ мы, напримѣръ, это видимъ въ беспокойныхъ домахъ, гдѣ происходятъ такія явленія, какъ бросаніе камней, топотаніе или неопредѣленныя движенія физической матеріи. Способность различать предметы пріобрѣтается практикой, но совершенной она становится только тогда, если человѣкъ зналъ объ этомъ что-нибудь при жизни.

Спрашиваютъ: можетъ ли человѣкъ получить удовольствіе отъ астральнаго двойника представленія въ театрѣ, и можетъ ли онъ быть тамъ, если театръ переполненъ зрителями.

Конечно, переполненный театръ имѣетъ свой астральный двойникъ, видимый умершимъ. Игра, однако, не доставитъ имъ никакого удовольствія, такъ какъ они не могутъ видѣть ни костюмовъ, ни мимики актеровъ, какъ это видимъ мы, чувства же этихъ актеровъ, будучи лишь показными, а не дѣйствительными, не оставляютъ впечатлѣнія на астральномъ планѣ. Астральныя тѣла постоянно и вполне проникаютъ другъ друга, не причиняя при этомъ другъ другу никакого беспокойства. Подумавши, вы сами увидите, что такъ оно и должно быть. Если вы въ трамваѣ или вагонѣ сидите съ кѣмъ-нибудь рядомъ, ваши астральныя тѣла проникаютъ другъ друга въ очень большой степени. Это совершенно естественно, такъ какъ частицы астральной матеріи

находятся, сравнительно со своей величиной, гораздо дальше одна отъ другой, нежели физическія. вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ сильно воздѣйствуютъ другъ на друга въ отношеніи разряда ихъ вибрацій, такъ что сидѣтъ рядомъ съ человѣкомъ, у кого мысли нечистыя, ревнивыя или гнѣвныя, крайне опасно. Такимъ образомъ, умершій другъ вашъ свободно можетъ войти въ переполненный театръ, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ носиться надъ сидящими, тогда какъ зрители сидятъ ниже.

Самоубійца убѣгаетъ изъ школы, прежде чѣмъ выученъ назначенный ему урокъ; онъ виноватъ въ великой самонадѣянности, заключающейся въ томъ, что онъ взялъ въ свои руки рѣшеніе, которое должно быть предоставлено Великому Закону. Слѣдствія такого бунта противъ природы, всегда имѣютъ серьезный характеръ. Они задѣнутъ не только слѣдующее воплощеніе, но почти навѣрное и больше, чѣмъ одно. Условія, окружающія самоубійцу непосредственно послѣ смерти, тѣ же, какъ и всякой жертвы случая или чужой руки, такъ какъ тотъ и другой попадаетъ на астральный планъ равно неожиданно. Но тутъ та громадная разница, что умершій внезапно отъ чужой руки или несчастнаго случая теряетъ сознаніе и проходитъ самый низкій подпланъ, не понимая всѣхъ его неблагоприятныхъ условій. Самоубійца же дѣйствовалъ добровольно и со страданіемъ видитъ многое, что для него ужасно и отталкивающе. Онъ не можетъ уйти, спастись отъ видимаго и ощущаемаго, такъ какъ онъ самъ себѣ это доставилъ; но добрый другъ можетъ помочь ему понять окружающее и отнестись къ нему терпѣливо и съ надеждой.

Сознаніе, что самоубійство есть большая и очень серьезная ошибка, не даетъ намъ право судить тѣхъ, кто совершилъ таковую. Между разными отдѣльными случаями существуетъ громадная разница, и мы не можемъ знать всѣхъ факторовъ, которые привели человѣка къ самоубійству, хотя каждый изъ нихъ точно учитывается при совершеніи закона вѣчной справедливости.

При оцѣнкѣ условій жизни человѣка на астральномъ планѣ, нужно имѣть въ виду два важныхъ фактора: продолжительность времени пребыванія на опредѣленномъ подпланѣ и степень его сознанія на немъ. Продолжительность пребыванія на опредѣленномъ подпланѣ зависитъ отъ количества вотканной въ астральное тѣло матеріи каждаго подплана во время физической жизни.

Степень сознанія, которымъ человѣкъ можетъ обладать на известномъ подпланѣ, не слѣдуетъ неизмѣнно тому же закону. Рассмотримъ крайній примѣръ, чтобы уяснить себѣ это. Предположимъ, что человѣкъ принесъ съ собою изъ прежнихъ воплощеній стремленія и наклонности, требующія для своего проявленія большое количество матеріи низшаго подплана, но въ этой жизни имѣлъ счастье съ раннихъ лѣтъ научиться тому, что возможно и необходимо сдерживать такія наклонности. Трудно предположить, чтобы его усилія сдержать ихъ имѣли бы полный и постоянный успѣхъ, но если такія усилія были, то обмѣнъ грубыхъ веществъ на болѣе тонкія происходитъ хотя медленно, но постоянно.

Такой прогрессъ совершается даже въ лучшемъ случаѣ только постепенно, и легко можетъ случиться, что человѣкъ, умирая, сдѣлалъ лишь половину этой работы. Въ такомъ случаѣ въ его астральномъ тѣлѣ останется, конечно, достаточно грубой матеріи, чтобы дать ему довольно продолжительное пребываніе въ соответствующемъ подпланѣ; но, такъ какъ сознаніе его во время послѣдней жизни не работало черезъ эту грубую матерію, и невозможно приобрести внезапно эту способность, результатомъ будетъ то, что онъ не будетъ сознательнъ на этомъ планѣ, пока матерія не разложится. Фактически онъ будетъ какъ во снѣ и не будетъ ощущать ничего неприятнаго, присущаго этому подплану. Послѣ выяснится, что эти факторы посмертной жизни, т.-е. подпланъ, на которомъ онъ поставленъ, и сознаніе его на немъ, зависятъ не отъ того, какъ онъ умеръ, а отъ того, какъ онъ жилъ, такъ что, какъ бы ужасна и внезапна ни была смерть, она едва ли можетъ повліять на эти два фактора. Тѣмъ не менѣе, въ древней христіанской молитвѣ: „отъ внезапной смерти избави мя, Господи“ есть глубокій смыслъ, такъ какъ, хотя такая смерть и не измѣняетъ къ худшему его положенія на астральномъ планѣ, она ничѣмъ не облегчаетъ его; между тѣмъ, постепенное умираніе отъ старости или отъ продолжительной болѣзни сопровождается постепеннымъ распаденіемъ астральныхъ частицъ, такъ что, когда на астральномъ планѣ сознаніе возвращается къ человѣку, оказывается, что важнѣйшая работа для него уже сдѣлана.

Большой ментальный ужасъ и разстройство, которыя иногда сопровождаютъ внезапную смерть, сами по себѣ очень плохая подготовка къ астральной жизни; дѣйствительно, наблюдались случаи, хотя по счастью рѣдкіе, когда такое возбужденіе и ужасъ

продолжались еще и послѣ смерти. Во всякомъ случаѣ, желаніе имѣть время для приготовленія себя къ смерти не есть суевѣріе; напротивъ, оно имѣетъ нѣкоторое разумное основаніе. Естественно, что для того, кто ведетъ жизнь теософа, не составитъ большой разницы, какимъ образомъ совершится его переходъ изъ физическаго въ астральный міръ, ибо онъ постоянно трудится надъ тѣмъ, чтобы достигнуть болѣе скорого восхожденія, и въ любомъ изъ этихъ случаевъ цѣль его будетъ все та же.

Итакъ, кажется, ясно, что внезапная смерть не сопровождается непременно необходимостью болѣе продолжительнаго пребыванія на низшемъ уровнѣ астрального плана, развѣ только въ томъ смыслѣ, что оно лишаетъ человѣка возможности постепеннаго сжиганія грубѣйшихъ частицъ астрального тѣла во время страданія предсмертной болѣзвью. Когда это касается дѣтей, то трудно предположить, чтобы они за свою короткую и, въ большинствѣ случаевъ, безгрѣшную жизнь развили въ себѣ элементы, связывающіе ихъ съ низшимъ подпланомъ астрала. Изъ практическаго опыта извѣстно, что такovýchъ совѣмъ нельзя найти на этомъ подпланѣ. Все равно, умираютъ ли люди внезапно, или вслѣдствіе болѣзни, пребываніе ихъ на астральномъ планѣ сравнительно кратковременно; небесная ихъ жизнь гораздо продолжительнѣе, но, тѣмъ не менѣе, находится въ разумной пропорціи къ астральной, и скорое ихъ воплощеніе наступаетъ, какъ только изжиты тѣ силы, которыя они привели въ дѣйствіе во время своей короткой земной жизни; въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ тотъ же законъ, какъ и для взрослыхъ.

Ничего, что бы вы ни сдѣлали съ физическимъ трупомъ въ *обыденной* жизни, не должно измѣнить что-либо въ астральной жизни (человѣка). Долженъ объ этомъ упомянуть, во-первыхъ, потому, что внѣ обыденной жизни есть ужасные ритуалы магіи, которые могутъ очень сильно подѣйствовать на жизненныя условія человѣка на слѣдующемъ планѣ, а, во-вторыхъ, хотя состояніе физическаго тѣла не *должно* было бы измѣнять что-либо для дѣйствительнаго человѣка, все же оно иногда имѣетъ на него вліяніе, благодаря его невѣдѣнію или безумію. Постараюсь объяснить это подробнѣе.

Продолжительность астральной жизни человѣка, окончательно сбросившаго физическое тѣло, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ вещей: качества его послѣдней физической жизни и душевнаго его состоянія мыслей послѣ того, что называютъ

смертью. Во время своей земной жизни онъ постоянно воздѣйствуетъ на построение своего астрального тѣла. Дѣйствуютъ онъ на астральную материю непосредственно своими страстями, эмоціями и желаніями, которыми онъ позволяетъ властвовать надъ собою. Посредственно онъ на него влияетъ сверху своими мыслями и снгу въ вѣснн деталями своей физической жизни (воздержаніемъ или безалаберностью, чистотой или грязью, пищей и питьемъ). Если онъ, упрямо держась неправильности, создаетъ себѣ, по своему недомыслию, глупости, грубое, плотное астральное тѣло, привыкшее отвѣчать только низшимъ вибраціямъ этого плана, онъ окажется прикованнымъ къ этому плану на все время цикла, постепеннаго процесса разложенія этого тѣла. Съ другой стороны, если онъ скромной и разумной жизнью создалъ себѣ только организованное тѣло, у него будетъ гораздо меньше помертвело ошшокоіества и чувства неудобства, и эволюція его пройдетъ гораздо приятнѣе и бѣспрѣе.

Большинство не понимаетъ, но второе условіе, состояніе ума послѣ смерти часто достигается. Желательно, чтобы человѣкъ сознавалъ свое положеніе на этой точкѣ его эволюціи, чтобы онъ понялъ необходимость постоянного ухода вънутрь къ плану истиннаго „Я“, и что, слѣдовательно, его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы освобождать свои мысли, насколько возможно, отъ физическихъ интересовъ и сосредоточивать ихъ все опредѣленнѣе на предметахъ духовныхъ, которые займутъ его во время его высшей (деваханической) жизни. Поступая такимъ образомъ, онъ значительно облегчаетъ естественное разложеніе астрала и избѣгаетъ обычной ошибки—ненужной задержки на низшихъ подпланахъ.

Многіе, однако, просто не хотятъ обратить свои мысли ввысь, а, напротивъ, тратить все свое время, борясь всей силой за возможность сохранить соприкосновеніе съ оставленнымъ ими физическимъ планомъ, сильно затрудняя этимъ помощь, которую имъ стараются оказать. При жизни ихъ интересовали только земныя тѣла, и они съ настойчивостью отчаянія держатся за нихъ и послѣ смерти. Естественно, что съ теченіемъ времени имъ это дается съ возрастающей трудностью, но вмѣсто того, чтобы радоваться своему постепенному утонченію и одухотворенію, они противодействуютъ ему всѣми силами, какими только располагаютъ. Но могучая сила эволюціи сильнѣе ихъ и захватываетъ ихъ въ свое благотворное теченіе, хотя они борются за каждый шагъ, причиняя себѣ очень много печали

и страданія и, кромѣ того, сильно задерживая движеніе ввысь своего прогресса.

Въ этомъ невѣжественномъ и злополучномъ протестѣ противъ космической воли человѣку помогаетъ обладаніе физическимъ тѣломъ, которое служитъ ему какъ бы поддержкой на этомъ планѣ. Онъ, конечно, находится въ тѣсной связи съ нимъ и, если онъ цѣпко держится за свое ошибочное желаніе, то онъ можетъ пользоваться тѣломъ, какъ якоремъ, и оно будетъ его держать, погружая въ самую тину, пока его разложеніе не достигнетъ сильной степени. Сжиганіе трупа спасаетъ въ такомъ случаѣ человѣка отъ него самого, такъ какъ, когда физическое тѣло такимъ образомъ исчезаетъ, то корабли его сожжены въ буквальномъ смыслѣ слова, и сила держаться за землю значительно уменьшена.

Изъ всего сказаннаго видно, что ни простое преданіе тѣла землѣ, ни бальзамированіе не могутъ быть причиной болѣе продолжительнаго пребыванія его владѣльца на астральномъ планѣ противъ его воли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это представляетъ большое искушеніе, и, если въ немъ есть такое несчастное желаніе, это облегчаетъ ему общеніе съ физическимъ міромъ.

Ни одно болѣе подвинутое Эго не позволило бы удержать себя на астральномъ планѣ даже путемъ такого безумства, какъ бальзамированіе его тѣла. Какъ бы ни поступили съ его физическимъ тѣломъ, астральное шло бы своимъ путемъ быстрого безпрепятственнаго разложенія.

Среди многихъ преимуществъ сжиганія труновъ, главныя состоятъ въ томъ, что это предотвращаетъ всякую возможность частичнаго и неестественнаго соединенія началъ, или попытки воспользоваться тѣломъ для цѣлей низшей магіи, уже не говоря о многихъ опасностяхъ для живыхъ, которыя такимъ образомъ избѣгаются.

Пер. Е. Р.

скучнаго, самаго чернаго труда. Вѣдь, чтобы построить домъ, нужно сперва камни обтесать, а мы всѣ такіе еще необтесанные, грубые камни. Мы, которые гнѣваемся, завидуемъ, ревнуемъ, волнуемся по пустякамъ, постоянно обижаемся или суетимся, осуждаемъ своего ближняго, какъ можемъ мы считать себя достойными камнями для строительства грядущаго Храма? Не правильнѣ ли будетъ сперва обтесать хотя бы камни?

„Обтесаніе камней“ есть первая задача строителя, и въ этой задачѣ заключается основа всей его работы. Если онъ ею пренебрежетъ, то зданіе его будетъ построено на пескѣ. Если онъ съ нея начнетъ, онъ подготовитъ себѣ матеріаль для прочнаго и надежнаго фундамента, на которомъ будетъ ему уже легко воздвигать дальнѣйшее строеніе. Съ „обтесанія камней“ и слѣдуетъ начинать работу тому, кто мечтаетъ о раскрытіи своихъ духовныхъ силъ. Это та скучная, простая, но необходимая ступень, на которую нужно твердо стать, чтобы дальнѣйшій путь былъ безопасенъ. Такъ учитъ Теософія.

Что же такое это „обтесываніе камней“? Это работа полнаго перевоспитанія себя, переработка всего нашего характера посредствомъ очищенія эмоцій и управленія волею и мыслями, та глубокой важности этическая работа, къ которой призываютъ насъ всѣ Великіе Учителя человѣчества, и о которой такъ много говорится притчами въ Св. Писаніяхъ.

Теософическая литература даетъ богатый психологическій матеріаль и указываетъ на методы этой работы, которую воистину можно назвать „Духовной алхиміей“. Это „преображеніе воды въ вино“, это подготовка „новыхъ мѣховъ“ для „молодого вина“, это „запасеніе масла для свѣтильниковъ“ и „вспахиваніе почвы для сѣмени добраго“. Всѣ эти прекрасные символы Евангелія суть указанія на работу духа, который раскрывается въ мукахъ рожденія, возрастаетъ въ славѣ и затѣмъ возносится, очищенный и просвѣтленный, къ Источнику, изъ котораго мы всѣ изошли, и къ которому мы всѣ вернемся.

А. Каменская.

Послѣ смѣрти.

Ч. Леббигера.

Когда теософъ, окончательно сбросившій свое физическое тѣло, переходитъ на астральный планъ, то лучше всего, если приостановившись, чтобы осмотрѣться въ новомъ своемъ положеніи, онъ подумаетъ о томъ, какая жизнь ему предстоитъ, и какъ онъ можетъ ее использовать наилучшимъ образомъ. Онъ поступитъ мудро, если спроситъ совѣта у кого-нибудь изъ прежде отошедшихъ, встрѣчающихъ насъ обыкновенно по ту сторону. Кроме того, человѣкъ вступаетъ на астральный планъ не впервые, а работалъ на немъ уже немало во снѣ, во время своей физической жизни. Передъ человѣкомъ тамъ открывается такая масса возможностей, что нельзя установить опредѣленнаго правила для астральной жизни; но онъ не ошибется, если постарается быть полезнымъ всѣмъ окружающимъ его, гдѣ и какъ можетъ. Множество случаевъ учиться и помогать раскрываются тамъ человѣку, и его дѣло — распредѣлить свое время между тѣмъ и другимъ.

Астральный, какъ и физическій планъ, не измѣнится для удобства члена Теософическаго Общества, и ему нужно считаться съ тѣмъ, что онъ тамъ встрѣтитъ. Если по дорогѣ идетъ пьяный, то проходящіе по ней должны его встрѣтить, члены ли они Общества или нѣтъ; то же и на астральномъ планѣ. Теософы, будучи знакомы съ законами жизни астральнаго плана, должны были бы знать лучше профановъ, какъ быть съ такими явлениями; но избѣгать ихъ встрѣчи они не могутъ. По всей вѣроятности, они во время сна уже много разъ встрѣчались съ

линии сущностями, и потому пугаться ихъ нечего. А напротивъ, нужно постараться понять ихъ и помочь имъ настолько возможно.

Послѣ смерти нѣтъ практической разницы между людьми, обладающими психическими способностями, и людьми, ими не обладающими, разнѣ только та, что первые чувствуютъ себя боьше дома, нежели вторые. Психизмъ состоитъ въ умѣніи впечатлѣть въ физическомъ сознаніи впечатлѣнія сверхфизическаго плана, а разнѣ нѣтъ физическаго тѣла, то разницы между психикомъ и обыкновеннымъ лицомъ не существуетъ (стр. 6).

Отношеніе умершихъ къ землѣ.

Умершій часто сознаетъ чувства, переживаемыя оставленною имъ семьей. Если вы себѣ ясно представите, что собственно производится посредствомъ астральнаго тѣла, то вамъ станетъ ясно насколько онъ знаетъ ихъ чувства. Конечно, онъ не знаетъ, какъ въ какія подробности, что оставшіеся дѣлаютъ, что они дѣлать и думать, каковы ихъ мысли, радостны ли они или печальны, и не можетъ передать вамъ чувства, какъ любовь или ненависть, ревность и т. д.

Астральное тѣло можетъ быть нитеной лавкой, то онъ можетъ ходить по землѣ, ходить вѣздомъ только частично матерьяльно, но можетъ быть и облакомъ эфирной матеріи. Умершій можетъ ходить по землѣ, какъ мы, онъ постоянно старается ощущать различные предметы, чтобы отчасти войти въ контактъ съ земными существами (особенно съ животными) и такимъ образомъ можетъ передавать вамъ такое же вкусовое ощущеніе, какъ вы ощущаете, когда едите, съ которыми онъ такъ близокъ.

Умершій можетъ ходить по землѣ посредствомъ астральнаго тѣла, но не можетъ ходить по землѣ, какъ мы, онъ постоянно старается ощущать различные предметы, чтобы отчасти войти въ контактъ съ земными существами (особенно съ животными) и такимъ образомъ можетъ передавать вамъ такое же вкусовое ощущеніе, какъ вы ощущаете, когда едите, съ которыми онъ такъ близокъ.

воспроизведеіе руки живого, но т. к. обѣ руки, физическая и астральная, проникають одна другую, то нѣтъ смысла дѣлать это безъ всякаго ощущенія пожатія. Тѣмъ не менѣе, онъ имѣеть возможность матеріализировать руку, которая, хотя невидимая для людей, можетъ ощущаться такъ же реально, какъ обыкновенная физическая; это часто наблюдается во время сеансовъ.

Съ трехъ подплановъ астральнаго плана возможно (но не желательно) видѣть совершающееся на физическомъ планѣ и наблюдать за нимъ. На низшемъ подпланѣ человѣкъ обыкновенно занятъ другимъ образомъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ тянется къ мѣстамъ разврата и выпивки; но въ слѣдующемъ онъ близко соприкасается съ физическимъ планомъ, сознаеть, вѣроятно, многое въ немъ, хотя видитъ онъ не физическіе предметы, а ихъ астральные двойники. Быстро уменьшаясь, это сознание возможно при прохожденіи еще двухъ подплановъ, но дальше для такого общенія уже необходимо специальное усиліе черезъ медиума; съ высшаго же плана и при такомъ условіи общеніе необыкновенно трудно.

Способность и возможность видѣть и слѣдить за физическими событіями зависитъ отъ характера и наклонности человѣка, какъ и отъ ступени достигнутаго имъ развитія.—Большинство тѣхъ, которыхъ мы обыкновенно называемъ хорошими людьми, проходятъ эти низшіе подпланы, если они умерли естественной смертію раньше, чѣмъ просыпаются къ астральному сознанию. Изъ нихъ немногіе рвутся къ землѣ, и приходятъ въ соприкосновеніе съ ней, только если сильная забота о комъ-нибудь оставшемся не даетъ имъ покоя.

Стоящіе на менѣе высокой ступени развитія, имѣющіе въ своемъ тѣлѣ болѣе грубыя частицы астральной матеріи, этимъ самымъ становятся способными слѣдить до извѣстной степени за земными происшествіями. Чаше всего это случается съ тѣми, мысли которыхъ при жизни вертѣлись вокругъ земныхъ событій,—у которыхъ интеллектъ не особенно высоко развитъ, и нѣтъ духовныхъ стремленій. Такое стремленіе къ землѣ увеличивается отъ того, что его осуществляютъ. И человѣкъ, сначала къ счастью своему и не сознающій того, что ниже его, — можетъ быть, привлеченъ сюда печалью оставшихся. Онъ начинаетъ тратить энергію своей воли на сохраненіе связи съ землей, къ которой онъ больше не принадлежитъ, и въ такомъ случаѣ его способность видѣть все земное временно увеличивается, а потомъ онъ страдаетъ ментально, видя, какъ эта способность отъ него

...благодаря не-... не входит...

...не ви-... во вѣдь и... большинству... и... мира, на-... не видятъ... физиче-... пол-... Только... во время... и астральное...

...является не-... въ астральных... и видятъ... чтобы научиться... пользоваться... напримеръ, ... такія... неопредѣленные... различать предметы... она становится только... что-нибудь при жизни.

...получить удовольствіе... въ театрѣ, и можетъ... зрителями.

...имѣть свой астральный... Игра, однако, не доставитъ имъ... ни костюмовъ, ни мимики актеровъ, какъ это видимъ мы, чувства же... астральномъ планѣ. Астральные... другъ друга, не причиняя... Подумавши, вы сами увидите, что такъ оно и должно быть. Если вы въ трамваѣ или нагонѣ сидите съ кѣмъ-нибудь рядомъ, ваши астральныя... это очевидно естественно, такъ какъ частицы астральной матеріи

находятся, сравнительно со своей величиной, гораздо дальше одна отъ другой, нежели физическія. вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ сильно воздѣйствуютъ другъ на друга въ отношеніи разряда ихъ вибрацій, такъ что сидѣть рядомъ съ человѣкомъ, у кого мысли нечистыя, ревнивыя или гнѣбныя, крайне опасно. Такимъ образомъ, умершій другъ вашъ свободно можетъ войти въ переполненный театръ, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ носиться надъ сидящими, тогда какъ зрители сидятъ ниже.

Самоубійца убѣгаетъ изъ школы, прежде чѣмъ выученъ назначенный ему урокъ; онъ виноватъ въ великой самонадѣянности, заключающейся въ томъ, что онъ взялъ въ свои руки рѣшеніе, которое должно быть предоставлено Великому Закону. Слѣдствія такого бунта противъ природы, всегда имѣютъ серьезный характеръ. Они задѣнутъ не только слѣдующее воплощеніе, но почти навѣрное и больше, чѣмъ одно. Условія, окружающія самоубійцу непосредственно послѣ смерти, тѣ же, какъ и всякой жертвы случая или чужой руки, такъ какъ тотъ и другой попадаетъ на астральный планъ равно неожиданно. Но тутъ та громадная разница, что умершій внезапно отъ чужой руки или несчастнаго случая теряетъ сознание и проходитъ самый низкій подпланъ, не понимая всѣхъ его неблагоприятныхъ условій. Самоубійца же дѣйствовалъ добровольно и со страданіемъ видитъ многое, что для него ужасно и отталкивающе. Онъ не можетъ уйти, спастись отъ видимаго и ощущаемаго, такъ какъ онъ самъ себѣ это доставилъ; но добрый другъ можетъ помочь ему понять окружающее и отнестись къ нему терпѣливо и съ надеждой.

Сознание, что самоубійство есть большая и очень серьезная ошибка, не даетъ намъ право судить тѣхъ, кто совершилъ таковую. Между разными отдѣльными случаями существуетъ громадная разница, и мы не можемъ знать всѣхъ факторовъ, которые привели человѣка къ самоубійству, хотя каждый изъ нихъ точно учитывается при совершеніи закона вѣчной справедливости.

При оцѣнкѣ условій жизни человѣка на астральномъ планѣ, нужно имѣть въ виду два важныхъ фактора: продолжительность времени пребыванія на опредѣленномъ подпланѣ и степень его сознанія на немъ. Продолжительность пребыванія на опредѣленномъ подпланѣ зависитъ отъ количества вотканной въ астральное тѣло матеріи каждаго подплана во время физической жизни.

смертью. Во время своей земной жизни онъ постоянно воздѣйствуетъ на построение своего астрального тѣла. Дѣйствуютъ онъ на астральную матерію непосредственно своими страстями, эмоціями и желаніями, которымъ онъ позволяетъ властвовать надъ собою. Посредственно онъ на него вліяетъ сверху своими мыслями и снизу всѣми деталями своей физической жизни (воздержаніемъ или безалаберностью, чистотой или грязью, пищей и питьемъ). Если онъ, упрямо держась неправильности, создаетъ себѣ, по своему недомыслию, глупости, грубое, плотное астральное тѣло, привыкшее отвѣчать только низшимъ вибраціямъ этого плана, онъ окажется прикованнымъ къ этому плану на все время долгаго, медленнаго процесса разложенія этого тѣла. Съ другой стороны, если онъ скромной и разумной жизнью создалъ себѣ только организованное тѣло, у него будетъ гораздо меньше посмертнаго безпокойства и чувства неудобства, и эволюція его пройдетъ гораздо пріятнѣе и быстрѣе.

Большинство это понимаетъ, но второе условіе, состояніе ума послѣ смерти—часто забывается. Желательно, чтобы человѣкъ сознавалъ свое положеніе на этой точкѣ его эволюціи, чтобы онъ понялъ необходимость постояннаго ухода вънутрь къ плану истиннаго „Эго“, и что, слѣдовательно, его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы освободить свои мысли, насколько возможно, отъ физическихъ интересовъ и сосредоточивать ихъ все опредѣленнѣе на предметахъ духовныхъ, которые займутъ его во время его небесной (деваханической) жизни. Поступая такимъ образомъ, онъ значительно облегчаетъ естественное разложеніе астрала и избѣжить обычной ошибки—ненужной задержки на низшихъ подпланахъ.

Многіе, однако, просто не хотятъ обратить свои мысли вверхъ, а, напротивъ, тратятъ все свое время, борясь всей силой на возможность сохранить соприкосновеніе съ оставленнымъ ими физическимъ планомъ, сильно затрудняя этимъ помощь, которую имъ стараются оказать. При жизни ихъ интересовали только земныя дѣла, и они съ настойчивостью отчаянія держатся за нихъ и послѣ смерти. Естественно, что съ теченіемъ времени имъ это удастся съ возрастающей трудностью, но вмѣсто того, чтобы радоваться своему постепенному утонченію и одухотворенію, они противодѣйствуютъ ему всѣми силами, какими только располагаютъ. Но могучая сила эволюціи сильнѣе ихъ и захватываетъ ихъ въ свое благотворное теченіе, хотя они борются за каждую шагъ, причиняя себѣ очень много печали

и страданія и, кромѣ того, сильно задерживая движеніе высь своего прогресса.

Въ этомъ невѣжественномъ и злополучномъ протестѣ противъ космической воли человѣку помогаетъ обладаніе физическимъ тѣломъ, которое служить ему какъ бы поддержкой на этомъ планѣ. Онъ, конечно, находится въ тѣсной связи съ нимъ и, если онъ цѣпко держится за свое ошибочное желаніе, то онъ можетъ пользоваться тѣломъ, какъ якоремъ, и оно будетъ его держать, погружая въ самую тину, пока его разложеніе не достигнетъ сильной степени. Сжиганіе трупа спасаетъ въ такомъ случаѣ человѣка отъ него самого, такъ какъ, когда физическое тѣло такимъ образомъ исчезаетъ, то корабли его сожжены въ буквальномъ смыслѣ слова, и сила держаться за землю значительно уменьшена.

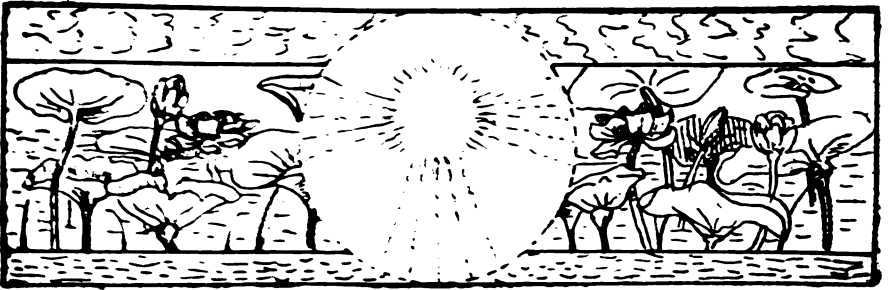
Изъ всего сказаннаго видно, что ни простое преданіе тѣла землѣ, ни бальзамированіе не могутъ быть причиной болѣе продолжительнаго пребыванія его владѣльца на астральномъ планѣ противъ его воли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это представляетъ большое искушеніе, и, если въ немъ есть такое несчастное желаніе, это облегчаетъ ему общеніе съ физическимъ міромъ.

Ни одно болѣе подвинутое Эго не позволило бы удержать себя на астральномъ планѣ даже путемъ такого безумства, какъ бальзамированіе его тѣла. Какъ бы ни поступили съ его физическимъ тѣломъ, астральное шло бы своимъ путемъ быстрога безпрепятственнаго разложенія.

Среди многихъ преимуществъ сжиганія труповъ, главныя состоятъ въ томъ, что это предотвращаетъ всякую возможность частичнаго и неестественнаго соединенія началъ, или попытки воспользоваться тѣломъ для цѣлей низшей магіи, уже не говоря о многихъ опасностяхъ для живыхъ, которыя такимъ образомъ избѣгаются.

Пер. Е. Р.

Письма живого усопшаго.

Э. Баркеръ.

Продолженіе.

Письмо ХLI.

Любимецъ невидимыхъ міровъ.

Я уже говорилъ вамъ о томъ, кого я называю Прекраснымъ Существомъ; его мѣстожителство—вся вселенная, его избранные товарищи все человѣчество и все чины ангеловъ, игры его—года и столѣтія.

Не знаю, по какой причинѣ, но Прекрасное Существо было очень милостиво ко мнѣ и къ моимъ усиліямъ приобрести знаніе и показало мнѣ многое, чего бы я иначе не увидѣлъ.

Когда руководителемъ путешествій по планетъ является ангелъ, путникъ оказывается въ особенно благоприятныхъ условіяхъ. Рекомендательныя письма къ великимъ міра сего—ничто по сравненію съ такой рекомендаціей, ибо съ его помощью я смотрю въ души всехъ существъ, а мои посѣщенія человѣческихъ домовъ не ограничиваются гостиной. Прекрасное Существо имѣетъ доступъ всюду.

Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову, проснувшись послѣ прекраснаго сновидѣнія, что ангелъ, можетъ быть, поцѣловалъ васъ по время сна? Я видѣлъ такія вещи.

О, не бойтесь давать свободу вашему воображенію! Самые необыкновенныя вещи въ то же время и самыя истинныя; ба-

нальные вещи почти всё лживы. Когда большая мысль поднимает васъ на своихъ крыльяхъ, не старайтесь удерживаться на твердой землѣ. Отпускайте себя. Кто отдается высокому вдохновенію и имѣетъ смѣлость вѣрить въ свое видѣніе, тотъ самъ можетъ увидѣть Прекрасное Существо лицомъ къ лицу, какъ видѣлъ его я. Когда несешься въ пространствѣ, зрѣніе становится острымъ. И если сумѣешь подняться достаточно быстро, можно увидеть и непостижимое.

Недавно я размышлялъ надъ сѣменемъ цвѣтка, ибо нѣтъ ничего столь малаго, что бы не вмѣщало въ себѣ цѣлый міръ. Я погрузился въ думы надъ сѣмячкомъ и забавлялся тѣмъ, что слѣдилъ за его исторіей, поколѣніе за поколѣніемъ, до самаго источника, на зарѣ временъ. Забавное выраженіе „на зарѣ временъ,“ ибо время имѣло столько разсвѣтовъ и столько закатовъ. не выказывая никакого признака утомленія.

Я прослѣдилъ генеалогію сѣмячка до того времени, когда пещерный человѣкъ забывалъ о своихъ вѣчныхъ поединкахъ, чтобы насладиться ароматомъ пра-прародителя цвѣтка; въ это время мнѣ послышался тихій музыкальный смѣхъ съ лѣвой стороны, и нѣчто легкое и воздушное, какъ крыло бабочки, коснулось моей лѣвой щеки.

Я обернулся, чтобы посмотрѣть, но въ это время—быстро какъ порханіе вѣтерка—раздался тотъ же музыкальный смѣхъ съ другой стороны, и другое нѣжное крыло коснулось моей правой щеки. А затѣмъ, что-то въ родѣ покрова спустилось на мои глаза, и свѣтлый голосъ пропѣлъ: „Отгадай кто!“

Я весь трепеталъ восторгомъ отъ этой божественной игры и отвѣтилъ:

— Можетъ быть, та фея, которая заставляетъ слѣпыхъ дѣтей земли грезить о цвѣтахъ невидимаго пространства?—

— Какъ ты узналъ меня?—смѣялось Прекрасное Существо, снимая покровъ съ моихъ глазъ,—Я и есть та фея. Ты навѣрно подсматривалъ, когда а дотрагивалась до глазъ слѣпыхъ младенцевъ. Хочешь пойти со мной и посмотрѣть, какъ я это дѣлаю?—

И мы понеслись на самый необычайный вечерній обходъ, какой только можно себѣ представить.

Мы начали съ дома одного изъ моихъ друзей; вся семья собралась въ столовой за ужиномъ. Никто не видѣлъ насъ, кромѣ кошки, которая начала громко мурлыкать и выгибаться. Весьма вѣроятно, что будь я одинъ, она бы испугалась меня; но кто—даже кошка—можетъ бояться Прекраснаго Существа?

такими сущностями, и потому пугаться ихъ нечего, а, напротивъ, нужно постараться понять ихъ и помочь имъ насколько возможно.

Послѣ смерти нѣтъ практической разницы между людьми, обладающими психическими способностями, и людьми, ими не обладающими, развѣ только та, что первые чувствуютъ себя больше дома, нежели вторые. Психизмъ состоитъ въ умѣніи запечатлѣть въ физическомъ сознаніи впечатлѣнія сверхфизическаго плана, а разъ нѣтъ физическаго тѣла, то разницы между психикомъ и обыкновеннымъ лицомъ не существуетъ (стр. 6).

Отношеніе умершихъ къ землѣ.

Умершій часто сознаетъ чувства, переживаемыя оставленной имъ семьей. Если вы себѣ ясно представите, что собственно проявляется посредствомъ астральнаго тѣла, то вамъ станетъ ясно, насколько онъ знаетъ ихъ чувства. Конечно, онъ не знаетъ во всѣхъ подробностяхъ, что оставшіеся дѣлаютъ, что они ѣдятъ и пьютъ, но онъ знаетъ, радостны ли они или печальны, и немедленно сознаетъ такія чувства, какъ любовь или ненависть, ревность или зависть.

Когда пьяница виситъ надъ питетіею лавкой, то онъ можетъ втянуть въ себя—запахъ алкоголя—только частично матерьялизовавшись, т. е. окруживъ себя облакомъ эфирной матеріи. Онъ не можетъ ощущать запаха, какъ мы; онъ постоянно старается привести другихъ въ состояніе опьянѣнія, чтобы отчасти войти въ тѣло ихъ, захватить его (одержимость) и такимъ образомъ еще разъ непосредственно пережить вкусовое ощущеніе, а также другія чувственныя переживанія, къ которымъ онъ такъ страстно стремится.

Въ астральномъ тѣлѣ есть точное воспроизведеніе глазъ, носа, рта; но ими человѣкъ не можетъ воспринимать соответствующихъ впечатлѣній. Вся матерія астральнаго тѣла находится въ непрерывномъ быстромъ движеніи, поэтому невозможно, чтобы какія-нибудь частицы этой матеріи специализировались такъ, какъ нѣкоторые нервы въ физическомъ тѣлѣ. Способности воспріятія въ астральномъ тѣлѣ дѣйствуютъ не черезъ органы, но черезъ каждую частицу астральнаго тѣла, и человѣкъ можетъ видѣть одновременно все, что его окружаетъ, а не только то, что находится передъ нимъ. Умершій могъ бы пожать астральное

воспроизведеіе руки живого, но т. к. обѣ руки, физическая и астральная, проникають одна другую, то нѣтъ смысла дѣлать это безъ всякаго ощущенія пожатія. Тѣмъ не менѣе, онъ имѣетъ возможность матеріализировать руку, которая, хотя невидимая для людей, можетъ ощущаться такъ же реально, какъ обыкновенная физическая; это часто наблюдается во время сеансовъ.

Съ трехъ подплановъ астральнаго плана возможно (но не желательно) видѣть совершающееся на физическомъ планѣ и наблюдать за нимъ. На низшемъ подпланѣ человѣкъ обыкновенно занятъ другимъ образомъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ тянется къ мѣстамъ разврата и выпивки; но въ слѣдующемъ онъ близко соприкасается съ физическимъ планомъ, сознаетъ, вѣроятно, многое въ немъ, хотя видитъ онъ не физическіе предметы, а ихъ астральные двойники. Быстро уменьшаясь, это сознаніе возможно при прохожденіи еще двухъ подплановъ, но дальше для такого общенія уже необходимо специальное усиліе черезъ медиума; съ высшаго же плана и при такомъ условіи общеніе необыкновенно трудно.

Способность и возможность видѣть и слѣдить за физическими событіями зависитъ отъ характера и склонности человека, какъ и отъ ступени достигнутаго имъ развитія.— Большинство тѣхъ, которыхъ мы обыкновенно называемъ хорошими людьми, проходятъ эти низшіе подпланы, если они умерли естественной смертью раньше, чѣмъ просыпаются къ астральному сознанію. Изъ нихъ немногіе рвутся къ землѣ, и приходятъ въ соприкосновеніе съ ней, только если сильная забота о комъ-нибудь оставшемся не даетъ имъ покоя.

Стоящіе на менѣе высокой ступени развитія, имѣющіе въ своемъ тѣлѣ болѣе грубыя частицы астральной матеріи, этимъ самымъ становятся способными слѣдить до извѣстной степени за земными происшествіями. Чаще всего это случается съ тѣми, мысли которыхъ при жизни вертѣлись вокругъ земныхъ событій,—у которыхъ интеллектъ не особенно высоко развитъ, и нѣтъ духовныхъ стремленій. Такое стремленіе къ землѣ увеличивается отъ того, что его осуществляютъ. И человѣкъ, сначала къ счастью своему и не сознающій того, что ниже его, — можетъ быть, привлеченъ сюда печалью оставшихся. Онъ начинаетъ тратить энергію своей воли на сохраненіе связи съ землей, къ которой онъ больше не принадлежитъ, и въ такомъ случаѣ его способность видѣть все земное временно увеличивается, а потомъ онъ страдаетъ ментально, видя, какъ эта способность отъ него

успокоить. Такое страданіе возникает только благодаря неправильности, внесенной имъ же, ибо оно совершенно не входитъ въ схему нормальной посмертной эволюціи.

Приходится слышать жалобы на то, что отошедшіе не видятъ точно физическаго плана дѣйствительности; но вѣдь и мы все не видимъ всего физическаго плана; большинству видимо только твердое и жидкое, а уже газообразное и жирное, составляющее большую часть физическаго міра, нашему зрѣнію недоступно; отошедшіе же совсѣмъ не видятъ физической матеріи и даже изъ астральныхъ дубликатовъ физической видятъ только ту часть, которая соотвѣтствуетъ плану, на которомъ они находятся въ данный моментъ. Только тотъ получаетъ понятіе объ этихъ вещахъ, кто еще во время физической жизни развилъ въ себѣ эфирное и астральное зрѣніе.

Еще одной трудностью на пути отошедшаго является неувереніе всегда разобраться съ уверенностью въ астральныхъ двойникахъ физическихъ тѣлъ, даже если онъ ихъ и видитъ. Онъ долженъ набраться значительнаго опыта, чтобы научиться ясно различать предметы, и нѣкоторыя попытки пользоваться ими очень неопредѣленны и неуверенны, какъ мы, напримѣръ, это видимъ въ беспокойныхъ домахъ, гдѣ происходятъ такія явленія, какъ бросаніе камней, топотаніе или неопредѣленныя движенія физической матеріи. Способность различать предметы пріобрѣтается практикой, но совершенной она становится только тогда, если человѣкъ зналъ объ этомъ что-нибудь при жизни.

Спрашиваютъ: можетъ ли человѣкъ получить удовольствіе отъ астральнаго двойника представленія въ театрѣ, и можетъ ли онъ быть тамъ, если театръ переполненъ зрителями.

Конечно, переполненный театръ имѣетъ свой астральный двойникъ, видимый умершимъ. Игра, однако, не доставитъ имъ никакого удовольствія, такъ какъ они не могутъ видѣть ни костюмовъ, ни мимики актеровъ, какъ это видимъ мы, чувства же этихъ актеровъ, будучи лишь показными, а не дѣйствительными, не оставляютъ впечатлѣнія на астральномъ планѣ. Астральные тѣла постоянно и вполне проникаютъ другъ друга, не причиняя при этомъ другъ другу никакого безпокойства. Подумавши, вы сами увидите, что такъ оно и должно быть. Если вы въ трамваѣ или вагонѣ сидите съ кѣмъ-нибудь рядомъ, ваши астральные тѣла проникаютъ другъ друга въ очень большой степени. Это совершенно естественно, такъ какъ частицы астральной матеріи

находятся, сравнительно со своей величиной, гораздо дальше одна отъ другой, нежели физическія. вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ сильно воздѣйствуютъ другъ на друга въ отношеніи разряда ихъ вибрацій, такъ что сидѣть рядомъ съ человѣкомъ, у кого мысли нечистыя, ревнивыя или гнѣвныя, крайне опасно. Такимъ образомъ, умершій другъ вашъ свободно можетъ войти въ переполненный театръ, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ носиться надъ сидящими, тогда какъ зрители сидятъ ниже.

Самоубійца убѣгаетъ изъ школы, прежде чѣмъ выученъ назначенный ему урокъ; онъ виноватъ въ великой самонадѣянности, заключающейся въ томъ, что онъ взялъ въ свои руки рѣшеніе, которое должно быть предоставлено Великому Закону. Слѣдствія такого бунта противъ природы, всегда имѣютъ серьезный характеръ. Они задѣнутъ не только слѣдующее воплощеніе, но почти навѣрное и больше, чѣмъ одно. Условія, окружающія самоубійцу непосредственно послѣ смерти, тѣ же, какъ и всякой жертвы случая или чужой руки, такъ какъ тотъ и другой попадаетъ на астральный планъ равно неожиданно. Но тутъ та громадная разница, что умершій внезапно отъ чужой руки или несчастнаго случая теряетъ сознаніе и проходитъ самый низкій подпланъ, не понимая всѣхъ его неблагоприятныхъ условий. Самоубійца же дѣйствовалъ добровольно и со страданіемъ видитъ многое, что для него ужасно и отталкивающе. Онъ не можетъ уйти, спастись отъ видимаго и ощущаемаго, такъ какъ онъ самъ себя это доставилъ; но добрый другъ можетъ помочь ему понять окружающее и отнестись къ нему терпѣливо и съ надеждой.

Сознаніе, что самоубійство есть большая и очень серьезная ошибка, не даетъ намъ право судить тѣхъ, кто совершилъ такую. Между разными отдѣльными случаями существуетъ громадная разница, и мы не можемъ знать всѣхъ факторовъ, которые привели человѣка къ самоубійству, хотя каждый изъ нихъ точно учитывается при совершеніи закона вѣчной справедливости.

При оцѣнкѣ условий жизни человѣка на астральномъ планѣ, нужно имѣть въ виду два важныхъ фактора: продолжительность времени пребыванія на опредѣленномъ подпланѣ и степень его сознанія на немъ. Продолжительность пребыванія на опредѣленномъ подпланѣ зависитъ отъ количества вотканной въ астральное тѣло матеріи каждаго подплана во время физической жизни.

Степень сознанія, которымъ человѣкъ можетъ обладать на извѣстномъ подпланѣ, не слѣдуетъ неизмѣнно тому же закону. Разсмотримъ крайній примѣръ, чтобы уяснить себѣ это. Предположимъ, что человѣкъ принесъ съ собой изъ прежнихъ воплощеній стремленія и наклонности, требующія для своего проявленія большое количество матеріи низшаго подплана, но въ этой жизни имѣлъ счастье съ раннихъ лѣтъ научиться тому, что возможно и необходимо сдерживать такія наклонности. Трудно предположить, чтобы его усилія сдержать ихъ имѣли бы полный и постоянный успѣхъ, но если такія усилія были, то обмѣнъ грубыхъ веществъ на болѣе тонкія происходитъ хотя медленно, но постоянно.

Такой прогрессъ совершается даже въ лучшемъ случаѣ только постепенно, и легко можетъ случиться, что человѣкъ, умирая, сдѣлалъ лишь половину этой работы. Въ такомъ случаѣ въ его астральномъ тѣлѣ останется, конечно, достаточно грубой матеріи, чтобы дать ему довольно продолжительное пребываніе въ соответствующемъ подпланѣ; но, такъ какъ сознаніе его во время послѣдней жизни не работало черезъ эту грубую матерію, и невозможно приобрести внезапно эту способность, результатомъ будетъ то, что онъ не будетъ сознателенъ на этомъ планѣ, пока матерія не разложится. Фактически онъ будетъ какъ во снѣ и не будетъ ощущать ничего непріятнаго, присущаго этому подплану. Послѣ выяснится, что эти факторы посмертной жизни, т.-е. подпланъ, на которомъ онъ поставленъ, и сознаніе его на немъ, зависятъ не отъ того, какъ онъ умеръ, а отъ того, какъ онъ жилъ, такъ что, какъ бы ужасна и внезапна ни была смерть, она едва ли можетъ повліять на эти два фактора. Тѣмъ не менѣе, въ древней христіанской молитвѣ: „отъ внезапной смерти избави мя, Господи“ есть глубокій смыслъ, такъ какъ, хотя такая смерть и не измѣняетъ къ худшему его положенія на астральномъ планѣ, она ничѣмъ не облегчаетъ его; между тѣмъ, постепенное умираніе отъ старости или отъ продолжительной болѣзни сопровождается постепеннымъ распаденіемъ астральныхъ частицъ, такъ что, когда на астральномъ планѣ сознаніе возвращается къ человѣку, оказывается, что важнѣйшая работа для него уже сдѣлана.

Большой ментальный ужасъ и разстройство, которыя иногда сопровождаютъ внезапную смерть, сами по себѣ очень плохая подготовка къ астральной жизни; дѣйствительно, наблюдались случаи, хотя по счастью рѣдкіе, когда такое возбужденіе и ужасъ

продолжались еще и послѣ смерти. Во всякомъ случаѣ, желаніе имѣть время для приготовленія себя къ смерти не есть суевѣріе; напротивъ, оно имѣетъ нѣкоторое разумное основаніе. Естественно, что для того, кто ведетъ жизнь теософа, не составитъ большой разницы, какимъ образомъ совершится его переходъ изъ физическаго въ астральный міръ, ибо онъ постоянно трудится надъ тѣмъ, чтобы достигнуть болѣе скорого восхожденія, и въ любомъ изъ этихъ случаевъ цѣль его будетъ все та же.

Итакъ, кажется, ясно, что внезапная смерть не сопровождается непременно необходимостью болѣе продолжительнаго пребыванія на низшемъ уровнѣ астрального плана, развѣ только въ томъ смыслѣ, что оно лишаетъ человѣка возможности постепеннаго сжиганія грубѣйшихъ частицъ астрального тѣла во время страданія предсмертной болѣзвью. Когда это касается дѣтей, то трудно предположить, чтобы они за свою короткую и, въ большинствѣ случаевъ, безгрѣшную жизнь развили въ себѣ элементы, связывающіе ихъ съ низшимъ подпланомъ астрала. Изъ практическаго опыта извѣстно, что такихъ совсѣмъ нельзя найти на этомъ подпланѣ. Все равно, умираютъ ли люди внезапно, или вслѣдствіе болѣзни, пребываніе ихъ на астральномъ планѣ сравнительно кратковременно; небесная ихъ жизнь гораздо продолжительнѣе, но, тѣмъ не менѣе, находится въ разумной пропорціи къ астральной, и скорое ихъ воплощеніе наступаетъ, какъ только изжиты тѣ силы, которыя они привели въ дѣйствіе во время своей короткой земной жизни; въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ тотъ же законъ, какъ и для взрослыхъ.

Ничего, что бы вы ни сдѣлали съ физическимъ трупомъ въ *обыденной* жизни, не должно измѣнить что-либо въ астральной жизни (человѣка). Долженъ объ этомъ упомянуть, во-первыхъ, потому, что внѣ обыденной жизни есть ужасные ритуалы магіи, которые могутъ очень сильно подѣйствовать на жизненныя условія человѣка на слѣдующемъ планѣ, а, во-вторыхъ, хотя состояніе физическаго тѣла не *должно* было бы измѣнять что-либо для дѣйствительнаго человѣка, все же оно иногда имѣетъ на него вліяніе, благодаря его невѣдѣнію или безумію. Постараюсь объяснить это подробнѣе.

Продолжительность астральной жизни человѣка, окончательно сбросившаго физическое тѣло, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ вещей: качества его послѣдней физической жизни и душевнаго его состоянія мыслей послѣ того, что называютъ

смертью. Во время своей земной жизни онъ постоянно воздѣйствуетъ на постростіе своего астрального тѣла. Дѣйствуютъ онъ на астральную матерію непосредственно своими страстями, эмоціями и желаніями, которымъ онъ позволяетъ властвовать надъ собою. Посредственно онъ на него вліяетъ сверху своими мыслями и снизу всѣми деталями своей физической жизни (воздержаніемъ или безалаберностью, чистотой или грязью, пищей и питьемъ). Если онъ, упрямо держась неправильности, создаетъ себѣ, по своему недомыслию, глупости, грубое, плотное астральное тѣло, привыкшее отвѣчать только низшимъ вибраціямъ этого плана, онъ окажется прикованнымъ къ этому плану на все время долгаго, медленнаго процесса разложенія этого тѣла. Съ другой стороны, если онъ скромной и разумной жизнью создалъ себѣ только организованное тѣло, у него будетъ гораздо меньше посмертнаго безпокойства и чувства неудобства, и эволюція его пройдетъ гораздо пріятнѣе и быстрѣе.

Большинство это понимаетъ, но второе условіе, состояніе ума послѣ смерти—часто забывается. Желательно, чтобы человѣкъ сознавалъ свое положеніе на этой точкѣ его эволюціи, чтобы онъ понялъ необходимость постояннаго ухода вънутрь къ плану истиннаго „Эго“, и что, слѣдовательно, его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы освобождать свои мысли, насколько возможно, отъ физическихъ интересовъ и сосредоточивать ихъ все опредѣленнѣе на предметахъ духовныхъ, которые займутъ его во время его небесной (деваханической) жизни. Поступая такимъ образомъ, онъ значительно облегчаетъ естественное разложеніе астрала и избѣжитъ обычной ошибки—ненужной задержки на низшихъ подпланахъ.

Многіе, однако, просто не хотятъ обратить свои мысли въвысь, а, напротивъ, тратятъ все свое время, борясь всей силой за возможность сохранить соприкосновеніе съ оставленнымъ ими физическимъ планомъ, сильно затрудняя этимъ помощь, которую имъ стараются оказать. При жизни ихъ интересовали только земныя дѣла, и они съ настойчивостью отчаянія держатся за нихъ и послѣ смерти. Естественно, что съ теченіемъ времени имъ это удается съ возрастающей трудностью, но вмѣсто того, чтобы радоваться своему постепенному утонченію и одухотворенію, они противодѣйствуютъ ему всѣми силами, какими только располагаютъ. Но могучая сила эволюціи сильнѣе ихъ и захватываетъ ихъ въ свое благотворное теченіе, хотя они борются за каждый шагъ, причиняя себѣ очень много печали

и страданія и, кромѣ того, сильно задерживая движеніе ввысь своего прогресса.

Въ этомъ невѣжественномъ и злополучномъ протестѣ противъ космической воли человѣку помогаетъ обладаніе физическимъ тѣломъ, которое служитъ ему какъ бы поддержкой на этомъ планѣ. Онъ, конечно, находится въ тѣсной связи съ нимъ и, если онъ цѣпко держится за свое ошибочное желаніе, то онъ можетъ пользоваться тѣломъ, какъ якоремъ, и оно будетъ его держать, погружая въ самую тину, пока его разложеніе не достигнетъ сильной степени. Сжиганіе трупа спасаетъ въ такомъ случаѣ человѣка отъ него самого, такъ какъ, когда физическое тѣло такимъ образомъ исчезаетъ, то корабли его сожжены въ буквальномъ смыслѣ слова, и сила держаться за землю значительно уменьшена.

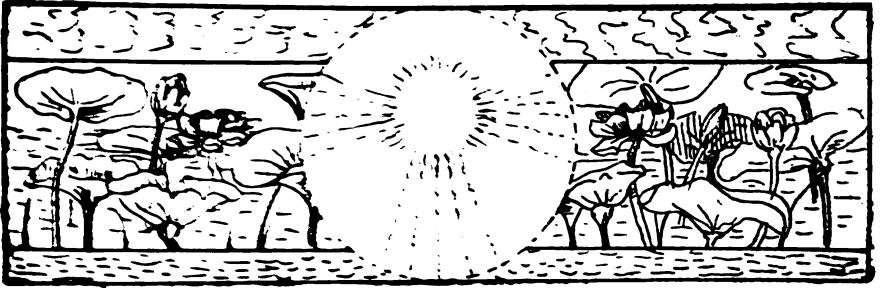
Изъ всего сказаннаго видно, что ни простое преданіе тѣла землѣ, ни бальзамированіе не могутъ быть причиной болѣе продолжительнаго пребыванія его владѣльца на астральномъ планѣ противъ его воли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это представляетъ большое искушеніе, и, если въ немъ есть такое несчастное желаніе, это облегчаетъ ему общеніе съ физическимъ міромъ.

Ни одно болѣе подвинутое Эго не позволило бы удержать себя на астральномъ планѣ даже путемъ такого безумства, какъ бальзамированіе его тѣла. Какъ бы ни поступили съ его физическимъ тѣломъ, астральное шло бы своимъ путемъ быстро и безпрепятственнаго разложенія.

Среди многихъ преимуществъ сжиганія труповъ, главныя состоятъ въ томъ, что это предотвращаетъ всякую возможность частичнаго и неестественнаго соединенія началъ, или попытки воспользоваться тѣломъ для цѣлей низшей магіи, уже не говоря о многихъ опасностяхъ для живыхъ, которыя такимъ образомъ избѣгаются.

Пер. Е. Р.

Письма живого усопшаго.

Э. Баркеръ.

Продолженіе.

Письмо ХLI.

Любимецъ невидимыхъ міровъ.

Я уже говорилъ вамъ о томъ, кого я называю Прекраснымъ Существомъ; его мѣстожителство—вся вселенная, его избранные повариши все человечество и все чины ангеловъ, игры его—тогда и сейчасъ.

Не знаю, по какой причинѣ, но Прекрасное Существо было очень милостиво ко мнѣ и къ моимъ усиліямъ приобрести знаніе и показало мнѣ многое, чего бы я иначе не увидѣлъ.

Когда руководителемъ путешествій по планетѣ является ангелъ, путникъ оказывается въ особенно благоприятныхъ условіяхъ. Рекомендательныя письма къ великимъ міра сего—ничто по сравненію съ такой рекомендаціей, ибо съ его помощью я смотрю въ души всехъ существъ, а мои посѣщенія человѣческихъ домовъ не ограничиваются гостинной. Прекрасное Существо имѣетъ доступъ всюду.

Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову, проснувшись, поведи прекраснаго сновидѣнія, что ангелъ, можетъ быть, поцѣповилъ васъ во время сна? Я видѣлъ такія вещи.

О, не бойтесь давать свободу вашему воображенію! Самыя обыкновенныя вещи въ то же время и самыя истинныя; ба-

нальныя вещи почти всё лживы. Когда ботьшая мысль поднимаетъ васъ на своихъ крыльяхъ, не старайтесь удерживаться на твердой землѣ. Отпускайте себя. Кто отдается высокому вдохновенію и имѣетъ смѣлость вѣрить въ свое видѣніе, тотъ самъ можетъ увидѣть Прекрасное Существо лицомъ къ лицу, какъ видѣлъ его я. Когда несешьъ въ пространствѣ, зрѣніе становится острымъ. И если сумѣешь подняться достаточно быстро, можно увидать и непостижимое.

Недавно я размышлялъ надъ сѣменемъ цвѣтка, ибо нѣтъ ничего столь малаго, что бы не вмѣщало въ себѣ цѣлый міръ. Я погрузился въ думы надъ сѣмячкомъ и забавлялся тѣмъ, что слѣдилъ за его исторіей, поколѣніе за поколѣніемъ, до самаго источника, на зарѣ временъ. Забавное выраженіе „на зарѣ временъ,“ ибо время имѣло столько разсвѣтовъ и столько закатовъ. не выказывая никакого признака утомленія.

Я прослѣдилъ генеалогію сѣмячка до того времени, когда пещерный человѣкъ забывалъ о своихъ вѣчныхъ поединкахъ, чтобы насладиться ароматомъ пра-прародителя цвѣтка; въ это время мнѣ послышался тихій музыкальный смѣхъ съ лѣвой стороны, и нѣчто легкое и воздушное, какъ крыло бабочки, коснулось моей лѣвой щеки.

Я обернулся, чтобы посмотрѣть, но въ это время—быстро какъ порханіе вѣтерка—раздался тотъ же музыкальный смѣхъ съ другой стороны, и другое нѣжное крыло коснулось моей правой щеки. А затѣмъ, что-то въ родѣ покрыва спустилось на мои глаза, и свѣтлый голосъ пропѣлъ: „Отгадай кто!“

Я весь трепеталъ восторгомъ отъ этой божественной игры и отвѣтилъ:

— Можетъ быть, та фея, которая заставляетъ слѣпыхъ дѣтей земли грезить о цвѣтахъ невидимаго пространства?—

— Какъ ты узналъ меня?—смѣялось Прекрасное Существо, снимая покровъ съ моихъ глазъ,—Я и есть та фея. Ты навѣрно подсматривалъ, когда а дотрагивалась до глазъ слѣпыхъ младенцевъ. Хочешь пойти со мной и посмотрѣть, какъ я это дѣлаю?—

И мы понеслись на самый необычайный вечерній обходъ, какой только можно себѣ представить.

Мы начали съ дома одного изъ моихъ друзей; вся семья собралась въ столовой за ужиномъ. Никто не видѣлъ насъ, кромѣ кошки, которая начала громко мурлыкать и выгибаться. Весьма вѣроятно, что будь я одинъ, она бь испугалась меня; но кто—даже кошка—можетъ бояться Прекраснаго Существа?

И она не отняла иль ~~пальца~~ подняла голову и спросила —
Скажите, пожалуйста, можно такъ заучить? — Другой маленький оту-
сталъ, потянул, на слова и закрылъ глаза. Мать крѣпко расто-
пала ему, но Прекрасное Существо забросило покровъ на ее
лицо, и она не тронулась съ мѣста.

И мать видѣла, какъ въ сознаніи заснувшаго ребенка Пре-
 красное Существо развѣрнуло волшебную сказку. Но вскоре
 ребенокъ испугнулся и широко раскрылъ глаза.

И видѣла, сказала она, (онъ назвать мое имя) стоялъ
 вѣкъ тамъ и упался, а съ нимъ были ангель.

Увидавъ, шепнуло Прекрасное Существо. — отъ спящихъ
 вещей ничто не можетъ быть скрыто. —

Мы поехали по берегу рѣчки, которая раздѣляетъ большой
 островъ на две части. Изъ открытаго окна одного изъ домовъ
 у самой рѣчки послышались звуки гитары, и нѣжный женскій
 голосъ шептъ

Душа друга уста и другія сердца

Повѣстятъ тебѣ свою повѣсть любви...

Тогда ты вспомнишь меня--ты вспомнишь меня."

Прекрасное Существо дотронулось до меня и шепнуло:—
 Видя твои дѣла такъ важна для этихъ смертныхъ, она
 становится неизменной книгой для меня. —

И ты же ты сама никогда не испытала человѣческой
 жизни?

Повторяетъ, и испытываю ее ежедневно; но я только при-
 выкнула къ ней, и сижу тамъ же. Если бы я приобщилась къ ней,
 могла бы и помыслить о томъ, чтобы и нести дальше. —

Сидишь одну одна, и невозможно воскликнуть:—Боюсь, что Ты
 не могла бы жить даже своимъ перу!

Видя, какъ бѣдѣетъ Прекрасное Существо, тотъ кто бонтея
 и думаетъ, что онъ не интересуется мною въ сумѣ въ своихъ страховъ. —

Оно было при этомъ такъ совершенно прекрасно, что я
 забывала. Но кто же ты? Кто ты такой?

Но кто же ты? Кто ты такой? Кто ты такой? Кто ты такой?
 Кто ты такой? Кто ты такой? Кто ты такой? Кто ты такой?

Моя же душа не могла бы жить, если бы я

Моя же душа не могла бы жить, если бы я...
 Моя же душа не могла бы жить, если бы я...
 Моя же душа не могла бы жить, если бы я...
 Моя же душа не могла бы жить, если бы я...

Странныя вещи видѣли мы въ эту ночь. Мы стояли надъ кратеромъ дѣйствующаго вулкана и смотрѣли, какъ танцуютъ духи огня. Вы думаете, что саламандра видима только для невоздержанныхъ поэтовъ? Онѣ такъ же реальны для себя самихъ и для тѣхъ, которые ихъ видятъ—какъ... какъ кучера на омнибусахъ лондонскихъ улицъ.

Реальное и Нереальное! Прекрасное Существо измѣнило всѣ мои идеи относительно всей вселенной. Желалъ бы я знать, буду ли я, вернувшись на землю, помнить всѣ видѣнныя мною чудеса? Возможно, что подобно большинству людей я забуду всѣ подробности этой жизни и принесу съ собою на землю лишь смутную жажду невыразимаго и непоколебимую увѣренность, что есть на землѣ и на небесахъ много такого, что не снилось философамъ вашего міра. Возможно, что если я буду вспоминать яснѣе, но не исполнѣе, я буду поэтомъ въ моей слѣдующей жизни.

Какое это чудное приключеніе—выбрасываніе своей ладьи на вздымающееся море возрожденія!

Но вы можете подумать, если мое настроеніе отражается въ васъ, что я впалъ во второе дѣтство. Такъ оно и есть—мое второе дѣтство въ такъ называемой невидимой области.

Когда во время моего странствія съ Прекраснымъ Существомъ мои глаза утомились отъ всей красоты, которую я видѣлъ, я былъ приведенъ моимъ очаровательнымъ товарищемъ къ такимъ сценамъ земли, которыя—будь я въ одиночествѣ—вызвали бы во мнѣ большую грусть. Но нельзя быть грустнымъ, когда вблизи отъ васъ Прекрасное Существо: Въ этомъ его очарованіе: быть въ его присутствіи—значитъ вкушать радости безсмертной жизни.

Мы смотрѣли вмѣстѣ на ночной разгулъ въ томъ мѣстѣ, которое вы на землѣ называете вертепомъ порока. Былъ ли я возмущенъ? Нисколько. Я наблюдать за потѣхами этихъ крошечныхъ человѣческихъ существъ, какъ ученый наблюдаетъ за движеніемъ бактерій въ каплѣ воды. Мнѣ казалось, что я смотрю на все это съ точки зрѣнія звѣздъ. Я не рѣшился сказать: съ точки зрѣнія Бога, для котораго большое и малое—одно и то же; сравненіе съ звѣздами вѣрнѣе, ибо, какъ можемъ мы судить о томъ, какъ видитъ Богъ,—если только мы не подразумеваемъ подъ этимъ бога внутри насъ самихъ?

Вы, читающіе эти строки, когда вы перейдете сюда, вы будете многому удивляться. Малыя вещи покажутся для васъ боль-

шими, а большія—малыми, и все размѣстится на своемъ мѣстѣ въ картинѣ безконечнаго плана, въ которомъ и ваши затрудненія и всѣ ваши мученія окажутся подробностями, неизбѣжными и прекрасными. Эта мысль возникла во мнѣ, когда я странствовалъ отъ неба къ землѣ, отъ красоты къ безобразію, съ моимъ лучезарнымъ товарищемъ.

Если бы я только могъ найти слова, чтобы передать вамъ вліяніе Прекраснаго Существа! Оно не похоже ни на что другое во всей вселенной. Оно обманчиво, какъ лунный свѣтъ, и болѣе нѣжно, чѣмъ нѣжность матери. Оно прекраснѣе самаго прекраснаго цвѣтка и въ то же время можетъ смотрѣть съ улыбкой на безобразіе. Оно чище, чѣмъ дыханіе Океана, и въ то же время не испытываетъ никакого ужаса передъ нечистотой. Оно безыскусственно, какъ малое дитя, и въ то же время мудрѣе древнихъ боговъ; настоящее чудо противорѣчій, причудливый странникъ небесъ, любимецъ невидимыхъ міровъ.

Письмо XLII.

Игра въ „вѣришь—не вѣришь“.

Однажды я встрѣтилъ человѣка въ театральномъ костюмѣ, который объявилъ мнѣ, что онъ Шекспиръ. Теперь я уже привыкъ къ такимъ заявленіямъ, и они не удивляютъ меня, какъ удивляли семь-восемь мѣсяцевъ тому назадъ (да, я все еще держу счетъ вашимъ мѣсяцамъ, имѣя для того особую цѣль). Я спросилъ этого человѣка, какого рода доказательства можетъ онъ привести для подтвержденія своей претензіи? На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что претензія его не требуетъ никакого доказательства.

— Этотъ номеръ со мной не пройдетъ, — сказалъ я, — вѣдь я старый законовѣдь! —

На это онъ засмѣялся и спросилъ: — Но почему бы и вамъ не присоединиться къ игрѣ? —

Я рассказываю вамъ эту довольно бессмысленную исторію потому, что она иллюстрируетъ интересную сторону здѣшней жизни.

Нѣсколько раньше, одна вновь перешедшая сюда лэди, увидѣвъ меня одѣтымъ въ римскую тогу, подумала, что я Цезарь; я сказалъ ей тогда, что всѣ мы здѣсь актеры. Я подразу-

мѣвать, что мы, подобно дѣтямъ, „переедѣваемся“, когда хотимъ подѣйствовать на свое собственное воображеніе, или когда хотимъ оживить какую-нибудь сцену изъ прошлаго. Это разыгрываніе роли бываетъ обыкновенно вполнѣ невинно, хотя иногда самая легкость, съ которой это дѣлается, приноситъ съ собой соблазнъ къ обману, въ особенности, когда дѣло касается земныхъ людей. Вы догадываетесь, о чемъ я хочу сказать. Лучшие духи, на которыхъ такъ часто жалуются посѣтители спиритическихъ сеансовъ, принадлежать зачастую къ этимъ астральнымъ актерамъ, которые нерѣдко гордятся тонкостью своей игры.

А потому не будьте слишкомъ увѣрены, что духъ, выдающій себя за вашего покойнаго дѣдушку, есть и въ самомъ дѣлѣ эта уважаемая особа. Онъ можетъ оказаться просто актеромъ, играющимъ свою роль для своего и вашего развлечения.

Какъ же различить такую игру?—спросите вы. —На это трудно отвѣтить. Я бы сказалъ, что самое вѣрное доказательство въ собственномъ глубокомъ и *не-эмоциональномъ* убѣжденіи, что передъ вами находится подлинный духъ. Есть какой-то инстинктъ въ человѣческомъ сердцѣ, который никогда не обманетъ насъ, если мы безъ страха и безъ предубѣжденія будемъ поддаваться его рѣшенію. Какъ часто въ мірскихъ дѣлахъ мы дѣйствовали вопреки этому внутреннему указателю и оказывались на невѣрной дорогѣ!

Если у васъ будетъ инстинктивное чувство, что этотъ невидимый и даже видимый духъ не то, за что онъ себя выдаетъ, лучше прекратить всякое общеніе съ нимъ. Если онъ—подлинный и имѣетъ сказать вамъ нѣчто существенное, онъ неизбежно снова придетъ къ вамъ; ибо такъ называемыя мертвые чувствуютъ нерѣдко потребность войти въ общеніе съ живыми.

Но, какъ общее правило, разыгрываніе роли въ здѣшнемъ мірѣ носить невинный характеръ и не имѣетъ въ виду обмана. Это — потребность большинства людей: быть по временамъ не тѣмъ, что они есть. Бѣдный человѣкъ, который, одѣвшись въ свое лучшее платье, проматываетъ въ одинъ вечеръ свое недѣльное жалованіе, разыгрывая богача, дѣйствуетъ по тому же импульсу, который заставлялъ человѣка моей исторіи увѣрять, что онъ Шекспиръ. И женщина, одѣвающаяся выше своихъ средствъ, разыгрываетъ ту же самую игру съ собой и съ своимъ обществомъ.

Всѣмъ дѣтямъ хорошо знакома эта игра. Они скажутъ

вамъ самымъ убѣжденнымъ тономъ, что они — Наполеонъ Бонапартъ или Георгъ Вашингтонъ, и очень обидятся, если вы поднимете ихъ насмѣхъ.

Очень возможно, что мой пріятель съ шекспировскимъ стремленіемъ былъ любительскимъ актеромъ на землѣ. Если бы онъ былъ профессиональнымъ артистомъ, онъ навѣрное назвалъ бы свое имя, болѣе или менѣе неизвѣстное, поясняя при этомъ, что онъ былъ всемъ извѣстной знаменитостью такой-то.

Здѣсь очень часто гордятся своими земными талантами, особенно тѣ, которые недавно перешли сюда. Со временемъ это все болѣе уменьшается, и интересы становятся болѣе общими.

Люди не перестаютъ быть людьми только потому, что они перешли границу видимаго для васъ міра. Въ дѣйствительности ихъ характерныя черты становятся еще болѣе преувеличенными, потому что здѣсь гораздо меньше запретовъ. Здѣсь не налагается никакихъ наказаній за принятіе на себя чужого имени. Такія вещи не принимаются здѣсь въ серьезъ, ибо для болѣе яснаго зрѣнія этого міра надѣтыя личины слишкомъ прозрачны.

Письмо XLIII.

Наслѣдники Гермеса.

Много вѣрнаго, но точно такъ же много и вздора говорится объ Адептахъ и Учителяхъ, которые живутъ и работаютъ на невидимыхъ планахъ. Въ настоящее время и я живу на такъ называемомъ астральномъ планѣ, и то, что я скажу вамъ о немъ, есть результатъ опыта, а не теоріи.

Я встрѣчалъ здѣсь Адептовъ—да, и Учителей. Одинъ изъ нихъ научилъ меня многому и руководилъ моими первыми шагами въ этомъ мірѣ.

Не бойтесь вѣрить въ Учителей. Учителя, это—люди, поднявшіеся до высочайшей ступени могущества: и они всегда—все равно, воплощены они, или развоплощены—работаютъ на этомъ планѣ жизни. Учитель можетъ вступать на него и снова удаляться, по желанію.

Нѣтъ, я не собираюсь объяснять, какъ это дѣлается. Слишкомъ быстрые люди, недостижшіе степени Учителя, могли бы попробовать и—не вернуться назадъ. Знаніе есть сила; но есть такая сила, которая можетъ быть опасна, если она примѣняется безъ достаточнаго запаса мудрости.

Всѣ человѣческія существа носятъ въ себѣ зародышъ Учителства. Это можетъ послужить ободреніемъ для людей, которые стремятся къ болѣе интенсивной жизни, чѣмъ обыкновенное существованіе. Но достиженіе ступени Учителя есть постепенный и обыкновенно очень медленный ростъ.

Мой здѣшній руководитель принадлежитъ къ ступени Учителя.

Здѣсь есть руководители, которые не достигли этой ступени, точно такъ же какъ есть преподаватели на землѣ, которые не достигли званія профессора; но тотъ, кто имѣетъ желаніе учить тому, что знаетъ самъ, находится на вѣрной дорогѣ.

Я не стану скрывать, что мой Учитель одобряетъ мое стремленіе познакомить міръ съ здѣшной жизнью, которая непосредственно слѣдуетъ за тѣмъ, что вы называете смертью. Если бы онъ не одобрилъ, я преклонился бы передъ его высшей мудростью.

Нѣтъ, дѣло не въ его имени. Я буду продолжать называть его моимъ Учителемъ, когда буду отъ времени до времени приходить къ вамъ. Черезъ нѣкоторое время я, вѣроятно, совсѣмъ перестану приходить. Не потому, что я перестану интересоваться вами; но потому, что я долженъ буду удалиться далеко отъ вашего міра, чтобы узнать вещи, пониманіе которыхъ требуетъ ослабленія земныхъ связей. Позднѣе я, можетъ быть, снова вернусь; но я не даю обѣщанія. Я приду, если смогу, если это окажется мудрымъ, и если вы будете въ настроеніи принять меня.

Не думаю, чтобы я могъ сообщаться черезъ кого-нибудь другого и писать письма, подобныя этимъ. Мнѣ пришлось бы провести другую личность черезъ тотъ же процессъ, черезъ который прошли вы, и я знаю, что немногіе, даже изъ тѣхъ, которые были моими друзьями, способны довѣриться мнѣ въ такой же степени, какъ вы. И потому, послѣ моего удаленія, не закрывайте дверей слишкомъ плотно на случай, если бы я захотѣлъ снова придти, ибо возможно, что я сообщу вамъ нѣчто чрезвычайно важное. Но, съ другой стороны, сами вы, пожалуйста, не зовите меня; такимъ зовомъ вы можете отвлечь меня отъ важной задачи. Я не могу сказать навѣрно, что вы въ силахъ это сдѣлать, но это возможно, и это было бы нежелательно для меня.

Остающійся на землѣ можетъ призывать съ такой сосредоточенной силой друга, перешедшаго далеко за земную атмосферу, что этой душѣ придется вернуться слишкомъ рано въ отвѣтъ на горячій призывъ.

Степень сознанія, которымъ человѣкъ можетъ обладать на извѣстномъ подпланѣ, не слѣдуетъ неизмѣнно тому же закону. Разсмотримъ крайній примѣръ, чтобы уяснить себѣ это. Предположимъ, что человѣкъ принесъ съ собой изъ прежнихъ воплощеній стремленія и наклонности, требующія для своего проявленія большое количество матеріи низшаго подплана, но въ этой жизни имѣлъ счастье съ раннихъ лѣтъ научиться тому, что возможно и необходимо сдерживать такія наклонности. Трудно предположить, чтобы его усилія сдержать ихъ имѣли бы полный и постоянный успѣхъ, но если такія усилія были, то обмѣнъ грубыхъ веществъ на болѣе тонкія происходитъ хотя медленно, но постоянно.

Такой прогрессъ совершается даже въ лучшемъ случаѣ только постепенно, и легко можетъ случиться, что человѣкъ, умирая, сдѣлалъ лишь половину этой работы. Въ такомъ случаѣ въ его астральномъ тѣлѣ останется, конечно, достаточно грубой матеріи, чтобы дать ему довольно продолжительное пребываніе въ соответствующемъ подпланѣ; но, такъ какъ сознаніе его во время послѣдней жизни не работало черезъ эту грубую матерію, и невозможно приобрести внезапно эту способность, результатомъ будетъ то, что онъ не будетъ сознателенъ на этомъ планѣ, пока матерія не разложится. Фактически онъ будетъ какъ во снѣ и не будетъ ощущать ничего непріятнаго, присущаго этому подплану. Послѣ выяснится, что эти факторы посмертной жизни, т.-е. подпланъ, на которомъ онъ поставленъ, и сознаніе его на немъ, зависятъ не отъ того, какъ онъ умеръ, а отъ того, какъ онъ жилъ, такъ что, какъ бы ужасна и внезапна ни была смерть, она едва ли можетъ повліять на эти два фактора. Тѣмъ не менѣе, въ древней христіанской молитвѣ: „отъ внезапной смерти избави мя, Господи“ есть глубокой смыслъ, такъ какъ, хотя такая смерть и не измѣняетъ къ худшему его положенія на астральномъ планѣ, она ничѣмъ не облегчаетъ его; между тѣмъ, постепенное умираніе отъ старости или отъ продолжительной болѣзни сопровождается постепеннымъ распаденіемъ астральныхъ частицъ, такъ что, когда на астральномъ планѣ сознаніе возвращается къ человѣку, оказывается, что важнѣйшая работа для него уже сдѣлана.

Большой ментальный ужасъ и разстройство, которыя иногда сопровождаютъ внезапную смерть, сами по себѣ очень плохая подготовка къ астральной жизни; дѣйствительно, наблюдались случаи, хотя по счастью рѣдкіе, когда такое возбужденіе и ужасъ

продолжались еще и послѣ смерти. Во всякомъ случаѣ, желаніе имѣть время для приготовленія себя къ смерти не есть суевѣріе; напротивъ, оно имѣетъ нѣкоторое разумное основаніе. Естественно, что для того, кто ведетъ жизнь теософа, не составитъ большой разницы, какимъ образомъ совершится его переходъ изъ физическаго въ астральный міръ, ибо онъ постоянно трудится надъ тѣмъ, чтобы достигнуть болѣе скорого восхожденія, и въ любомъ изъ этихъ случаевъ цѣль его будетъ все та же.

Итакъ, кажется, ясно, что внезапная смерть не сопровождается непременно необходимостью болѣе продолжительнаго пребыванія на низшемъ уровнѣ астральнаго плана, развѣ только въ томъ смыслѣ, что оно лишаетъ человѣка возможности постепеннаго сжиганія грубѣйшихъ частицъ астральнаго тѣла во время страданія предсмертной болѣзью. Когда это касается дѣтей, то трудно предположить, чтобы они за свою короткую и, въ большинствѣ случаевъ, безгрѣшную жизнь развили въ себѣ элементы, связывающіе ихъ съ низшимъ подпланомъ астрала. Изъ практическаго опыта извѣстно, что такового совсѣмъ нельзя найти на этомъ подпланѣ. Все равно, умираютъ ли люди внезапно, или вслѣдствіе болѣзни, пребываніе ихъ на астральномъ планѣ сравнительно кратковременно; небесная ихъ жизнь гораздо продолжительнѣе, но, тѣмъ не менѣе, находится въ разумной пропорціи къ астральной, и скорое ихъ воплощеніе наступаетъ, какъ только изжиты тѣ силы, которыя они привели въ дѣйствіе во время своей короткой земной жизни; въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ тотъ же законъ, какъ и для взрослыхъ.

Ничего, что бы вы ни сдѣлали съ физическимъ трупомъ въ *обыденной* жизни, не должно измѣнить что-либо въ астральной жизни (человѣка). Долженъ объ этомъ упомянуть, во-первыхъ, потому, что внѣ обыденной жизни есть ужасные ритуалы магіи, которые могутъ очень сильно подѣйствовать на жизненные условія человѣка на слѣдующемъ планѣ, а, во-вторыхъ, хотя состояніе физическаго тѣла не *должно* было бы измѣнять что-либо для дѣйствительнаго человѣка, все же оно иногда имѣетъ на него вліяніе, благодаря его невѣдѣнію или безумію. Постараюсь объяснить это подробнѣе.

Продолжительность астральной жизни человѣка, окончательно сбросившаго физическое тѣло, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ вещей: качества его послѣдней физической жизни и душевнаго его состоянія мыслей послѣ того, что называютъ

смертью. Во время своей земной жизни онъ постоянно воздѣйствуетъ на построение своего астральнаго тѣла. Дѣйствуютъ онъ на астральную матерію непосредственно своими страстями, эмоціями и желаніями, которымъ онъ позволяетъ властвовать надъ собою. Посредственно онъ на него вліяетъ сверху своими мыслями и снизу всѣми деталями своей физической жизни (воздержаніемъ или безалаберностью, чистотой или грязью, пищей и питьемъ). Если онъ, упрямо держась неправильности, создаетъ себѣ, по своему недомыслию, глупости, грубое, плотное астральное тѣло, привыкшее отвѣчать только низшимъ вибраціямъ этого плана, онъ окажется прикованнымъ къ этому плану на все время долгаго, медленнаго процесса разложенія этого тѣла. Съ другой стороны, если онъ скромной и разумной жизнью создалъ себѣ только организованное тѣло, у него будетъ гораздо меньше посмертнаго безпокойства и чувства неудобства, и эволюція его пройдетъ гораздо пріятнѣе и быстрѣе.

Большинство это понимаетъ, но второе условіе, состояніе ума послѣ смерти—часто забывается. Желательно, чтобы человѣкъ сознавалъ свое положеніе на этой точкѣ его эволюціи, чтобы онъ повялъ необходимость постоянного ухода вънутрь къ плану истиннаго „Эго“, и что, слѣдовательно, его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы освободить свои мысли, насколько возможно, отъ физическихъ интересовъ и сосредоточивать ихъ все опредѣленнѣе на предметахъ духовныхъ, которые займутъ его во время его небесной (деваханической) жизни. Поступая такимъ образомъ, онъ значительно облегчаетъ естественное разложеніе астрала и избѣжитъ обычной ошибки—ненужной поддержки на низшихъ планахъ.

Многие, однако, просто не хотятъ обратить свои мысли вверхъ, а, напротивъ, тратятъ все свое время, борясь всей силой на возможность сохранить соприкосновеніе съ оставленнымъ ими физическимъ планомъ, сильно затрудняя этимъ помощь, которую имъ стараются оказать. При жизни ихъ интересовали только земная дѣла, и они съ настоячивостью отчаянія держатся къ нимъ и послѣ смерти. Естественно, что съ теченіемъ времени имъ имъ дается съ возрастающей трудностью, но вмѣсто того, чтобы радоваться своему постепенному утонченію и одухотворенію, они продолжаютъ бороться ему всѣми силами, какими только располагаютъ. Но каждая сила эволюціи сильнѣе ихъ и постепенно выводитъ ихъ къ своему одухотворяющему теченію, хотя они и продолжаютъ бороться съ нимъ, и поэтому себѣ очень много печали

и страданія и, кромѣ того, сильно задерживая движеніе ввысь своего прогресса.

Въ этомъ невѣжественномъ и злополучномъ протестѣ противъ космической воли человѣку помогаетъ обладаніе физическимъ тѣломъ, которое служитъ ему какъ бы поддержкой на этомъ планѣ. Онъ, конечно, находится въ тѣсной связи съ нимъ и, если онъ цѣпко держится за свое ошибочное желаніе, то онъ можетъ пользоваться тѣломъ, какъ якоремъ, и оно будетъ его держать, погружая въ самую тину, пока его разложеніе не достигнетъ сильной степени. Сжиганіе трупа спасаетъ въ такомъ случаѣ человѣка отъ него самого, такъ какъ, когда физическое тѣло такимъ образомъ исчезаетъ, то корабли его сожжены въ буквальномъ смыслѣ слова, и сила держаться за землю значительно уменьшена.

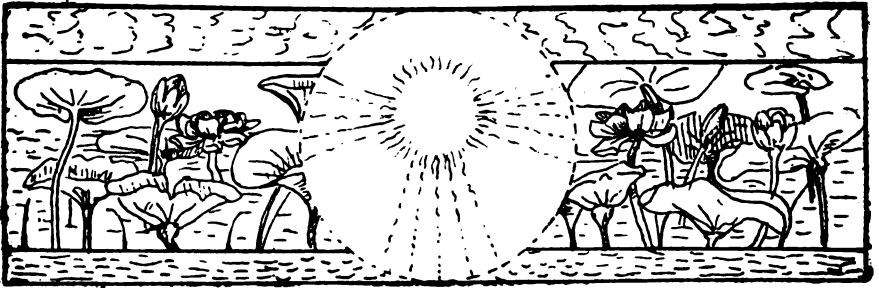
Изъ всего сказаннаго видно, что ни простое преданіе тѣла землѣ, ни бальзамированіе не могутъ быть причиной болѣе продолжительнаго пребыванія его владѣльца на астральномъ планѣ противъ его воли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это представляетъ большое искушеніе, и, если въ немъ есть такое несчастное желаніе, это облегчаетъ ему общеніе съ физическимъ міромъ.

Ни одно болѣе подвинутое Эго не позволило бы удержать себя на астральномъ планѣ даже путемъ такого безумства, какъ бальзамированіе его тѣла. Какъ бы ни поступили съ его физическимъ тѣломъ, астральное шло бы своимъ путемъ быстрого и препятственнаго разложенія.

Среди многихъ преимуществъ сжиганія труповъ, главныя состоятъ въ томъ, что это предотвращаетъ всякую возможность частичнаго и неестественнаго соединенія началъ, или попытки воспользоваться тѣломъ для цѣлей низшей магіи, уже не говоря о многихъ опасностяхъ для живыхъ, которыя такимъ образомъ избѣгаются.

Пер. Е. Р.

Письма живого усопшаго.

Э. Баркеръ.

Продолженіе.

Письмо ХLI.

Любимецъ невидимыхъ міровъ.

Я уже говорилъ вамъ о томъ, кого я называлъ Прекраснымъ Существомъ; его мѣстожительство—вся вселенная, его избранные товарищи—все человѣчество и всѣ чины ангеловъ, игры его—года и столѣтія.

Не знаю, по какой причинѣ, но Прекрасное Существо было очень милостиво ко мнѣ и къ моимъ усиліямъ пріобрѣсти знаніе и показало мнѣ многое, чего бы я иначе не увидѣлъ.

Когда руководителемъ путешествій по планетѣ является ангель, путникъ оказывается въ особенно благоприятныхъ условіяхъ. Рекомендательныя письма къ великимъ міра сего—ничто по сравненію съ такой рекомендаціей, ибо съ его помощью я смотрю въ души всѣхъ существъ, а мои посѣщенія человѣческихъ домовъ не ограничиваются гостиниой. Прекрасное Существо имѣетъ доступъ всюду.

Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову, проснувшись послѣ прекраснаго сновидѣнія, что ангель, можетъ быть, поцѣловалъ васъ во время сна? Я видѣлъ такія вещи.

О, не бойтесь давать свободу вашему воображенію! Самыя необыкновенныя вещи въ то же время и самыя истинныя; ба-

нальные вещи почти всё живы. Когда бо́льшая мысль поднимает васъ на своихъ крыльяхъ, не старайтесь удерживаться на твердой землѣ. Отпускайте себя. Кто отдается высокому вдохновенію и имѣетъ смѣлость вѣрить въ свое видѣніе, тотъ самъ можетъ увидѣть Прекрасное Существо лицомъ къ лицу, какъ видѣлъ его я. Когда несешься въ пространствѣ, зрѣніе становится острымъ. И если сумѣешь подняться достаточно быстро, можно увидеть и непостижимое.

Недавно я размышлялъ надъ сѣменемъ цвѣтка, ибо нѣтъ ничего столь малаго, что бы не вмѣщало въ себѣ цѣлый міръ. Я погрузился въ думы надъ сѣмячкомъ и забавлялся тѣмъ, что слѣдилъ за его исторіей, поколѣніе за поколѣніемъ, до самаго источника, на зарѣ времени. Забавное выраженіе „на зарѣ времени,“ ибо время имѣло столько разсвѣтовъ и столько закатовъ, не выказывая никакого признака утомленія.

Я прослѣдилъ генеалогію сѣмячка до того времени, когда пещерный человѣкъ забывалъ о своихъ вѣчныхъ поединкахъ, чтобы насладиться ароматомъ пра-прародителя цвѣтка; въ это время мнѣ слышался тихій музыкальный смѣхъ съ лѣвой стороны, и нѣчто легкое и воздушное, какъ крыло бабочки, коснулось моей лѣвой щеки.

Я обернулся, чтобы посмотрѣть, но въ это время — быстро какъ порханіе вѣтерка — раздался тотъ же музыкальный смѣхъ съ другой стороны, и другое нѣжное крыло коснулось моей правой щеки. А затѣмъ, что-то въ родѣ покрыва спустилось на мои глаза, и свѣтлый голосъ пропѣлъ: „Отгадай кто!“

Я весь трепеталъ восторгомъ отъ этой божественной игры и отвѣтилъ:

— Можетъ быть, та фея, которая заставляетъ слѣпыхъ дѣтей земли грезить о цвѣтахъ невидимаго пространства?—

— Какъ ты узналъ меня?—смѣялось Прекрасное Существо, снимая покровъ съ моихъ глазъ,—Я и есть та фея. Ты навѣрно подсматривалъ, когда а дотрагивалась до глазъ слѣпыхъ младенцевъ. Хочешь пойти со мной и посмотрѣть, какъ я это дѣлаю?—

И мы понеслись на самый необычайный вечерній обходъ, какой только можно себѣ представить.

Мы начали съ дома одного изъ моихъ друзей; вся семья собралась въ столовой за ужиномъ. Никто не видѣлъ насъ, кромѣ кошки, которая начала громко мурлыкать и выгибаться. Весьма вѣроятно, что будь я одинъ, она бъ испугалась меня; но кто—даже кошка—можетъ бояться Прекраснаго Существа?

Внезапно одна изъ дѣтей подняла голову и спросить: — Отчего вы не ждете молоко такое вкусное? — Другой маленький опустил головку на столъ и закрылъ глаза. Мать хотѣла растолкать его, но Прекрасное Существо набросило покровъ на ея глаза, и она не тронулась съ мѣста.

Я могъ видѣть, какъ въ сознаніи заснувшего ребенка Прекрасное Существо развернуло волшебную сказку. Но вскорѣ ребенокъ вздрогнулъ и широко раскрылъ глаза.

— Я видѣлъ,—сказалъ онъ, —(онъ назвалъ мое имя) стоялъ вонъ тамъ и улыбался, а съ нимъ были ангелы.

— Уйдемъ,—шепнуло Прекрасное Существо,—отъ спящихъ дѣтей никто не можетъ быть скрыто.—

Мы понеслись по берегу рѣки, которая раздѣляетъ большой городъ на двѣ части. Изъ открытаго окна одного изъ домовъ у самой рѣки слышались звуки гитары, и нѣжный женскій голосъ пѣлъ:

«Когда другія уста и другія сердца
Повѣдаютъ тебѣ свою повѣсть любви...

Тогда ты вспомнишь меня—ты вспомнишь меня.»

Прекрасное Существо дотронулось до меня и шепнуло:— Когда жизнь бываетъ такъ нѣжна для этихъ смертныхъ, она становится волшебной книгой для меня.—

И все же ты сама никогда не испытала человѣческой жизни?—

Наоборотъ, я испытываю ее ежедневно; но я только прикасаюсь къ ней, и спѣшу дальше. Если бы я приобщилась къ ней, можетъ быть, я не могла бы оторваться и нестись дальше.—

Слушая эти слова, я невольно воскликнулъ:—Боюсь, что Ты итъ всего дѣлаешь божественную игру!—

— Тише, засмѣялось Прекрасное Существо, тотъ, кто боится чего бы то ни было, потеряетъ меня въ туманѣ своихъ страховъ.—

Оно было при этомъ такъ непреодолимо прекрасно, что я воскликнулъ: Но кто же Ты? *Что* Ты такое?—

— Не сказала ли ты недавно, что я— та фея, которая заставляетъ снѣжныхъ дѣтей земли грезить о покрытыхъ цвѣтами пространствахъ?—

— Я люблю Тебя непонятной любовью,—отвѣтилъ я.

— Каждая любовь непонятна. Но давай, поднимемся на вершины видѣнья. Когда ты очень устанешь, схватись за мой развѣивающійся покровъ, я подожду тебя, пока ты отдохнешь.—

Странныя вещи видѣли мы въ эту ночь. Мы стояли надъ кратеромъ дѣйствующаго вулкана и смотрѣли, какъ танцуютъ духи огня. Вы думаете, что саламандра видима только для невоздержанныхъ поэтовъ? Онѣ такъ же реальны для себя самихъ и для тѣхъ, которые ихъ видятъ—какъ... какъ кучера на омнибусахъ лондонскихъ улицъ.

Реальное и Нереальное! Прекрасное Существо измѣнило всѣ мои идеи относительно всей вселенной. Желалъ бы я знать, буду ли я, вернувшись на землю, помнить всѣ видѣнныя мною чудеса? Возможно, что подобно большинству людей я забуду всѣ подробности этой жизни и принесу съ собой на землю лишь смутную жажду невыразимаго и непоколебимую увѣренность, что есть на землѣ и на небесахъ много такого, что не снилось философамъ вашего міра. Возможно, что если я буду вспоминать яснѣе, но не вполне, я буду поэтомъ въ моей слѣдующей жизни.

Какое это чудное приключеніе—выбрасываніе своей ладьи на вздымающееся море возрожденія!

Но вы можете подумать, если мое настроеніе отражается въ васъ, что я впалъ во второе дѣтство. Такъ оно и есть—мое второе дѣтство въ такъ называемой невидимой области.

Когда во время моего странствія съ Прекраснымъ Существомъ мои глаза утомились отъ всей красоты, которую я видѣлъ, я былъ приведенъ моимъ очаровательнымъ товарищемъ къ такимъ сценамъ земли, которыя—будь я въ одиночествѣ—вызвали бы во мнѣ большую грусть. Но нельзя быть грустнымъ, когда вблизи отъ васъ Прекрасное Существо: Въ этомъ его очарованіе: быть въ его присутствіи—значитъ вкушать радости безсмертной жизни.

Мы смотрѣли вмѣстѣ на ночной разгулъ въ томъ мѣстѣ, которое вы на землѣ называете вертепомъ порока. Былъ ли я возмущенъ? Нисколько. Я наблюдалъ за потѣхами этихъ крошечныхъ человѣческихъ существъ, какъ ученый наблюдаетъ за движеніемъ бактерій въ каплѣ воды. Мнѣ казалось, что я смотрю на все это съ точки зрѣнія звѣздъ. Я не рѣшился сказать: съ точки зрѣнія Бога, для котораго большое и малое—одно и то же; сравненіе съ звѣздами вѣрнѣе, ибо, какъ можемъ мы судить о томъ, какъ видитъ Богъ,—если только мы не подразумеваемъ подъ этимъ бога внутри насъ самихъ?

Вы, читающіе эти строки, когда вы перейдете сюда, вы будете многому удивляться. Маленькія вещи покажутся для васъ боль-

шими, а большія—малыми, и все размѣстится на своемъ мѣстѣ въ картинѣ безконечнаго плана, въ которомъ и ваши затрудненія и все ваши мученія окажутся подробностями, неизбежными и прекрасными. Эта мысль возникла во мнѣ, когда я странствовалъ отъ неба къ землѣ, отъ красоты къ безобразію, съ моимъ лучезарнымъ товарищемъ.

Если бы я только могъ найти слова, чтобы передать вамъ вліяніе Прекраснаго Существа! Оно не похоже ни на что другое во всей вселенной. Оно обманчиво, какъ лунный свѣтъ, и болѣе нѣжно, чѣмъ нѣжность матери. Оно прекраснѣе самаго прекраснаго цвѣтка и въ то же время можетъ смотрѣть съ улыбкой на безобразіе. Оно чище, чѣмъ дыханіе Океана, и въ то же время не испытываетъ никакого ужаса передъ нечистотой. Оно безыскусственно, какъ малое дитя, и въ то же время мудрѣе древнихъ боговъ; настоящее чудо противорѣчій, причудливый странникъ небесъ, любимецъ невидимыхъ міровъ.

Письмо XLII.

Игра въ „вѣришь—не вѣришь“.

Однажды я встрѣтилъ человѣка въ театральномъ костюмѣ, который объявилъ мнѣ, что онъ Шекспиръ. Теперь я уже привыкъ къ такимъ заявленіямъ, и они не удивляютъ меня, какъ удивляли семь-восемь мѣсяцевъ тому назадъ (да, я все еще держу счетъ вашимъ мѣсяцамъ, имѣя для того особую цѣль). Я спросилъ этого человѣка, какого рода доказательства можетъ онъ привести для подтвержденія своей претензіи? На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что претензія его не требуетъ никакого доказательства.

— Этотъ номеръ со мной не пройдетъ, — сказала я, — вѣдь я старый законовѣдъ!—

На это онъ засмѣялся и спросилъ:—Но почему бы и вамъ не присоединиться къ игрѣ?—

Я рассказываю вамъ эту довольно бессмысленную исторію потому, что она иллюстрируетъ интересную сторону здѣшней жизни.

Нѣсколько раньше, одна вновь перешедшая сюда леди, увидѣвъ меня одѣтымъ въ римскую тогу, подумала, что я Цезарь; я сказалъ ей тогда, что все мы здѣсь актеры. Я подразуме-

жѣвать, что мы, подобно дѣтямъ, „переедѣваемся“, когда хотимъ подѣйствовать на свое собственное воображеніе, или когда хотимъ оживить какую-нибудь сцену изъ прошлаго. Это разыгрываніе роли бываетъ обыкновенно вполне невинно, хотя иногда самая легкость, съ которой это дѣлается, приноситъ съ собой соблазнъ къ обману, въ особенности, когда дѣло касается земныхъ людей. Вы догадываетесь, о чемъ я хочу сказать. Другіе духи, на которыхъ такъ часто жалуются посѣтители спиритическихъ сеансовъ, принадлежать зачастую къ этимъ астральнымъ актерамъ, которые нерѣдко гордятся тонкостью своей игры.

А потому не будьте слишкомъ увѣрены, что духъ, выдающій себя за вашего покойнаго дѣдушку, есть и въ самомъ дѣлѣ эта уважаемая особа. Онъ можетъ оказаться просто актеромъ, играющимъ свою роль для своего и вашего развлечения.

Какъ же различить такую игру?—спросите вы. —На это трудно отвѣтить. Я бы сказалъ, что самое вѣрное доказательство въ собственномъ глубокомъ и *не-эмоціональномъ* убѣжденіи, что передъ вами находится подлинный духъ. Есть какой-то инстинктъ въ человѣческомъ сердцѣ, который никогда не обманетъ насъ, если мы безъ страха и безъ предубѣжденія будемъ поддаваться его рѣшенію. Какъ часто въ мірскихъ дѣлахъ мы дѣйствовали вопреки этому внутреннему указателю и оказывались на невѣрной дорогѣ!

Если у васъ будетъ инстинктивное чувство, что этотъ невидимый и даже видимый духъ не то, за что онъ себя выдаетъ, лучше прекратить всякое общеніе съ нимъ. Если онъ—подлинный и имѣетъ сказать вамъ нѣчто существенное, онъ неизбежно снова придетъ къ вамъ; ибо такъ называемые мертвые чувствуютъ нерѣдко потребность войти въ общеніе съ живыми.

Но, какъ общее правило, разыгрываніе роли въ здѣшнемъ мірѣ носитъ невинный характеръ и не имѣетъ въ виду обмана. Это — потребность большинства людей: быть по временамъ не тѣмъ, что они есть. Бѣдный человѣкъ, который, одѣвшись въ свое лучшее платье, проматываетъ въ одинъ вечеръ свое недѣльное жалованіе, разыгрывая богача, дѣйствуетъ по тому же импульсу, который заставлялъ человѣка моей исторіи увѣрять, что онъ Шекспиръ. И женщина, одѣвающаяся выше своихъ средствъ, разыгрываетъ ту же самую игру съ собой и съ своимъ обществомъ.

Всѣмъ дѣтямъ хорошо знакома эта игра. Они скажутъ

Степень сознанія, которымъ человѣкъ можетъ обладать на извѣстномъ подпланѣ, не слѣдуетъ неизмѣнно тому же закону. Разсмотримъ крайній примѣръ, чтобы уяснить себѣ это. Предположимъ, что человѣкъ принесъ съ собой изъ прежнихъ воплощеній стремленія и наклонности, требующія для своего проявленія большое количество матеріи низшаго подплана, но въ этой жизни имѣлъ счастье съ раннихъ лѣтъ научиться тому, что возможно и необходимо сдерживать такія наклонности. Трудно предположить, чтобы его усилія сдержать ихъ имѣли бы полный и постоянный успѣхъ, но если такія усилія были, то обмѣнъ грубыхъ веществъ на болѣе тонкія происходитъ хотя медленно, но постоянно.

Такой прогрессъ совершается даже въ лучшемъ случаѣ только постепенно, и легко можетъ случиться, что человѣкъ, умирая, сдѣлалъ лишь половину этой работы. Въ такомъ случаѣ въ его астральномъ тѣлѣ останется, конечно, достаточно грубой матеріи, чтобы дать ему довольно продолжительное пребываніе въ соответствующемъ подпланѣ; но, такъ какъ сознаніе его во время послѣдней жизни не работало черезъ эту грубую матерію, и невозможно приобрести внезапно эту способность, результатомъ будетъ то, что онъ не будетъ сознательнъ на этомъ планѣ, пока матерія не разложится. Фактически онъ будетъ какъ во снѣ и не будетъ ощущать ничего непріятнаго, присущаго этому подплану. Послѣ выяснится, что эти факторы посмертной жизни, т.-е. подпланъ, на которомъ онъ поставленъ, и сознаніе его на немъ, зависятъ не отъ того, какъ онъ умеръ, а отъ того, какъ онъ жилъ, такъ что, какъ бы ужасна и внезапна ни была смерть, она едва ли можетъ повліять на эти два фактора. Тѣмъ не менѣе, въ древней христіанской молитвѣ: „отъ внезапной смерти избави мя, Господи“ есть глубокій смыслъ, такъ какъ, хотя такая смерть и не измѣняетъ къ худшему его положенія на астральномъ планѣ, она ничѣмъ не облегчаетъ его; между тѣмъ, постепенное умираніе отъ старости или отъ продолжительной болѣзни сопровождается постепеннымъ распаденіемъ астральныхъ частицъ, такъ что, когда на астральномъ планѣ сознаніе возвращается къ человѣку, оказывается, что важнѣйшая работа для него уже сдѣлана.

Большой ментальный ужасъ и разстройство, которыя иногда сопровождаютъ внезапную смерть, сами по себѣ очень плохая подготовка къ астральной жизни; дѣйствительно, наблюдались случаи, хотя по счастью рѣдкіе, когда такое возбужденіе и ужасъ

продолжались еще и послѣ смерти. Во всякомъ случаѣ, желаніе имѣть время для приготовления себя къ смерти не есть суевѣріе; напротивъ, оно имѣетъ нѣкоторое разумное основаніе. Естественно, что для того, кто ведетъ жизнь теософа, не составитъ большой разницы, какимъ образомъ совершится его переходъ изъ физическаго въ астральный міръ, ибо онъ постоянно трудится надъ тѣмъ, чтобы достигнуть болѣе скорого восхожденія, и въ любомъ изъ этихъ случаевъ цѣль его будетъ все та же.

Итакъ, кажется, ясно, что внезапная смерть не сопровождается непременно необходимостью болѣе продолжительнаго пребыванія на низшемъ уровнѣ астральнаго плана, развѣ только въ томъ смыслѣ, что оно лишаетъ человѣка возможности постепеннаго сжиганія грубѣйшихъ частицъ астральнаго тѣла во время страданія предсмертной болѣзвью. Когда это касается дѣтей, то трудно предположить, чтобы они за свою короткую и, въ большинствѣ случаевъ, безгрѣшную жизнь развили въ себѣ элементы, связывающіе ихъ съ низшимъ подпланомъ астрала. Изъ практическаго опыта извѣстно, что такихъ совѣмъ нельзя найти на этомъ подпланѣ. Все равно, умираютъ ли люди внезапно, или вслѣдствіе болѣзни, пребываніе ихъ на астральномъ планѣ сравнительно кратковременно; небесная ихъ жизнь гораздо продолжительнѣе, но, тѣмъ не менѣе, находится въ разумной пропорціи къ астральной, и скорое ихъ воплощеніе наступаетъ, какъ только изжиты тѣ силы, которыя они привели въ дѣйствіе во время своей короткой земной жизни; въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ тотъ же законъ, какъ и для взрослыхъ.

Ничего, что бы вы ни сдѣлали съ физическимъ трупомъ въ *обыденной* жизни, не должно измѣнить что-либо въ астральной жизни (человѣка). Долженъ объ этомъ упомянуть, во-первыхъ, потому, что внѣ обыденной жизни есть ужасные ритуалы магіи, которые могутъ очень сильно подѣйствовать на жизненныя условія человѣка на слѣдующемъ планѣ, а, во-вторыхъ, хотя состояніе физическаго тѣла не *должно* было бы измѣнять что-либо для дѣйствительнаго человѣка, все же оно иногда имѣетъ на него вліяніе, благодаря его невѣдѣнію или безумію. Постараюсь объяснить это подробнѣе.

Продолжительность астральной жизни человѣка, окончательно сбросившаго физическое тѣло, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ вещей: качества его послѣдней физической жизни и душевнаго его состоянія мыслей послѣ того, что называютъ

смертью. Во время своей земной жизни онъ постоянно воздѣйствуетъ на постройку своего астрального тѣла. Дѣйствуетъ онъ на астральную материю непосредственно своими страстями, эмоціями и желаніями, которыми онъ позволяетъ властвовать надъ собою. Посредственно онъ на него вліяетъ сверху своими мыслями и снѣзу всякой детали своей физической жизни (воздержаніемъ или безлаберностию, чистотой или грязью, пищей и питьемъ). Если онъ упрямо держась неправильности, создаетъ себѣ, по своему неумному глупости, грубое, плотное астральное тѣло, привыкшее отвѣчать только низшимъ вибраціямъ этого плана, онъ окажется прикованнымъ къ этому плану на все время южного, медленнаго процесса разложенія этого тѣла. Съ другой стороны, если онъ скромной и разумной жизнью создалъ себѣ только организованный тѣло, у него будетъ гораздо меньше послѣдствій безпокойства и чувства неудобства, и эволюція его пройдетъ гораздо быстрее и быстрее.

Большинство это понимаетъ во второе условіе, состояніе ума послѣ смерти—часто забываетъ. Желательно, чтобы человекъ совмѣщалъ свои помыслы на этой точкѣ его эволюціи, чтобы онъ повелъ себя такъ, чтобы избежать ухода внутрь къ плыву истинному, и что следовательно, его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы развивать свои мысли, насколько возможно, отъ низшихъ интересовъ и сосредоточивать ихъ все определеннѣе на предметахъ духовныхъ, которые займутъ его во время его будущей (духическаго) жизни. Поступая также образомъ, онъ значительно облегчаетъ естественное разложеніе астрала и убавляетъ опасность ошибки—ненужной саде, какъ на физическомъ планѣ.

Многие, однако, хотятъ се хотеть обратить свои мысли въвысшій планъ, и пытаются, тратить все свое время, борясь всей силой и энергіей, стараясь справиться соприкосновеніе съ оставленнымъ имъ физическимъ планомъ, однако, трудно въ этомъ помочь, потому что стараясь сделать. При этомъ ихъ интересовали только физическія вещи и они съ выносливостію стараются держаться на физическомъ планѣ смерти. Естественно, что съ теченіемъ времени ихъ умъ улетитъ съ возраставшей трудностью, но вместо того, чтобы развиться своему постепенному утонченію и одухотворенію, они противодействуютъ ему, возмъ своимъ, какими только могутъ. Но могутъ они эволюціи сделать ихъ и избежать смерти, въ свое блудности, все теченіе, что они борются на физическомъ планѣ, и не могутъ себѣ сделать и отъ смерти.

и страданія и, кромѣ того, сильно задерживая движеніе ввысь своего прогресса.

Въ этомъ невѣжественномъ и злополучномъ протестѣ противъ космической воли человѣку помогаетъ обладаніе физическимъ тѣломъ, которое служитъ ему какъ бы поддержкой на этомъ планѣ. Онъ, конечно, находится въ тѣсной связи съ нимъ и, если онъ цѣпко держится за свое ошибочное желаніе, то онъ можетъ пользоваться тѣломъ, какъ якоремъ, и оно будетъ его держать, погружая въ самую тину, пока его разложеніе не достигнетъ сильной степени. Сжиганіе трупа спасаетъ въ такомъ случаѣ человѣка отъ него самого, такъ какъ, когда физическое тѣло такимъ образомъ исчезаетъ, то корабли его сожжены въ буквальномъ смыслѣ слова, и сила держаться за землю значительно уменьшена.

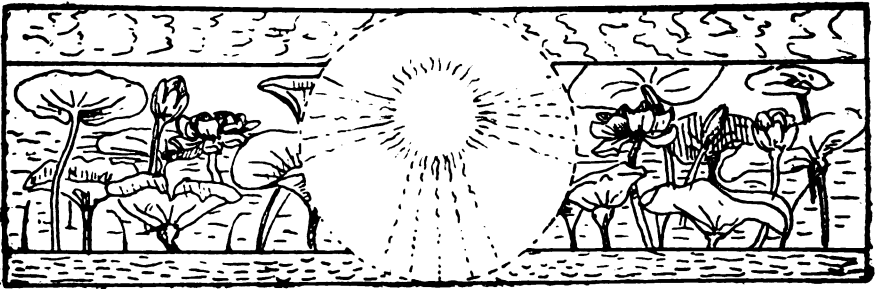
Изъ всего сказаннаго видно, что ни простое преданіе тѣла землѣ, ни бальзамированіе не могутъ быть причиной болѣе продолжительнаго пребыванія его владѣльца на астральномъ планѣ противъ его воли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это представляетъ большое искушеніе, и, если въ немъ есть такое несчастное желаніе, это облегчаетъ ему общеніе съ физическимъ міромъ.

Ни одно болѣе подвинутое Эго не позволило бы удержать себя на астральномъ планѣ даже путемъ такого безумства, какъ бальзамированіе его тѣла. Какъ бы ни поступили съ его физическимъ тѣломъ, астральное шло бы своимъ путемъ быстрого безпрятственнаго разложенія.

Среди многихъ преимуществъ сжиганія труповъ, главныя состоятъ въ томъ, что это предотвращаетъ всякую возможность частичнаго и неестественнаго соединенія началъ, или попытки воспользоваться тѣломъ для цѣлей нижней магіи, уже не говоря о многихъ опасностяхъ для живыхъ, которыя такимъ образомъ избѣгаются.

Пер. Е. Р.

Письма живого усопшаго.

Э. Баржеръ.

Продолженіе.

Письмо ХLI.

Любимецъ невидимыхъ міровъ.

Я уже говорилъ вамъ о томъ, кого я называлъ Прекраснымъ Существомъ; его мѣстожительство—вся вселенная, его избранные товарищи—все человѣчество и всѣ чины ангеловъ, игры его—года и столѣтія.

• Не знаю, по какой причинѣ, но Прекрасное Существо было очень милостиво ко мнѣ и къ моимъ усиліямъ пріобрѣсти знаніе и показало мнѣ многое, чего бы я иначе не увидѣлъ.

Когда руководителемъ путешествій по планетѣ является ангель, путникъ оказывается въ особенно благоприятныхъ условіяхъ. Рекомендательныя письма къ великимъ міра сего—ничто по сравненію съ такой рекомендаціей, ибо съ его помощью я смотрю въ души всѣхъ существъ, а мои посѣщенія человѣческихъ домовъ не ограничиваются гостиной. Прекрасное Существо имѣетъ доступъ всюду.

Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову, проснувшись послѣ прекраснаго сновидѣнія, что ангель, можетъ быть, поцѣловаль васъ во время сна? Я видѣлъ такія вещи.

О, не бойтесь давать свободу вашему воображенію! Самыя необыкновенныя вещи въ то же время и самыя истинныя; ба-

нальные вещи почти всё лживы. Когда большая мысль поднимает васъ на своихъ крыльяхъ, не старайтесь удерживаться на твердой землѣ. Отпускайте себя. Кто отдается высокому вдохновенію и имѣетъ смѣлость вѣрить въ свое видѣніе, тотъ самъ можетъ увидѣть Прекрасное Существо лицомъ къ лицу, какъ видѣлъ его я. Когда несешься въ пространствѣ, зрѣніе становится острымъ. И если сумѣешь подняться достаточно быстро, можно увидать и непостижимое.

Недавно я размышлялъ надъ сѣменемъ цвѣтка, ибо нѣтъ ничего столь малаго, что бы не вмѣщало въ себя цѣлый міръ. Я погрузился въ думы надъ сѣмячкомъ и забавлялся тѣмъ, что слѣдить за его исторіей, поколѣніе за поколѣніемъ, до самаго источника, на зарѣ времени. Забавное выраженіе „на зарѣ времени,“ ибо время имѣло столько разсвѣтовъ и столько закатовъ, не выказывая никакого признака утомленія.

Я прослѣдилъ генеалогію сѣмячка до того времени, когда пещерный человѣкъ забывалъ о своихъ вѣчныхъ поединкахъ, чтобы насладиться ароматомъ пра-прародителя цвѣтка; въ это время мнѣ слышался тихій музыкальный смѣхъ съ лѣвой стороны, и нѣчто легкое и воздушное, какъ крыло бабочки, коснулось моей лѣвой щеки.

Я обернулся, чтобы посмотреть, но въ это время—быстро какъ порханіе вѣтерка—раздался тотъ же музыкальный смѣхъ съ другой стороны, и другое нѣжное крыло коснулось моей правой щеки. А затѣмъ, что-то въ родѣ покровъ спустилось на мои глаза, и свѣтлый голосъ пропѣлъ: „Отгадай кто!“

Я весь трепеталъ восторгомъ отъ этой божественной игры и отвѣтилъ:

— Можетъ быть, та фея, которая заставляетъ слѣпыхъ дѣтей земли грезить о цвѣтахъ невидимаго пространства?—

— Какъ ты узналъ меня?—смѣялось Прекрасное Существо, снимая покровъ съ моихъ глазъ,—Я и есть та фея. Ты навѣрно подсматривалъ, когда а дотрагивалась до глазъ слѣпыхъ младенцевъ. Хочешь пойти со мной и посмотреть, какъ я это дѣлаю?—

И мы понеслись на самый необычайный вечерній обходъ, какой только можно себя представить.

Мы начали съ дома одного изъ моихъ друзей; вся семья собралась въ столовой за ужиномъ. Никто не видѣлъ насъ, кромѣ кошки, которая начала громко мурлыкать и выгибаться. Весьма вѣроятно, что будь я одинъ, она бы испугалась меня; но кто—даже кошка—можетъ бояться Прекраснаго Существа?

Внезапно одинъ изъ дѣтей поднялъ голову и спросилъ: — Отчего нынче молоко такое вкусное? — Другой маленькій опустилъ головку на столъ и закрылъ глаза. Мать хотѣла растолкать его, но Прекрасное Существо набросило покровъ на ея глаза, и она не тронулась съ мѣста.

Я могъ видѣть, какъ въ сознании заснувшего ребенка Прекрасное Существо развернуло волшебную сказку. Но вскорѣ ребенокъ вздрогнулъ и широко раскрылъ глаза.

— Я видѣлъ,—сказалъ онъ,—(онъ назвалъ мое имя) стоялъ вонъ тамъ и улыбался, а съ нимъ былъ ангель.

— Уйдемъ,—шепнуло Прекрасное Существо,—отъ спящихъ дѣтей ничто не можетъ быть скрыто.—

Мы понеслись по берегу рѣки, которая раздѣляетъ большой городъ на двѣ части. Изъ открытаго окна одного изъ домовъ у самой рѣки слышались звуки гитары, и нѣжный женскій голосъ пѣлъ:

„Когда другія уста и другія сердца
Повѣдаютъ тебѣ свою повѣсть любви...
Тогда ты вспомнишь меня—ты вспомнишь меня.“

Прекрасное Существо дотронулось до меня и шепнуло:— Когда жизнь бываетъ такъ нѣжна для этихъ смертныхъ, она становится волшебной книгой для меня.—

— И все же ты сама никогда не испытала человѣческой жизни?—

— Наоборотъ, я испытываю ее ежедневно; но я только прикасаюсь къ ней, и спѣшу дальше. Если бы я приобщилась къ ней, можетъ быть, я не могла бы оторваться и нестись дальше.—

Слушая эти слова, я невольно воскликнулъ:—Боюсь, что Ты изъ всего дѣлаешь божественную игру!—

— Тише, засмѣялось Прекрасное Существо, тотъ, кто боится чего бы то ни было, потеряетъ меня въ туманѣ своихъ страховъ.—

Оно было при этомъ такъ непреодолимо прекрасно, что я воскликнулъ: Но кто же Ты? *Что* Ты такое?—

— Не сказалъ ли ты недавно, что я—та фея, которая заставляетъ слѣпыхъ дѣтей земли грезить о покрытыхъ цвѣтами пространствахъ?—

— Я люблю Тебя непонятной любовью,—отвѣтилъ я.

— Каждая любовь непонятна. Но давай, поднимемся на вершины видѣнья. Когда ты очень устанешь, схватись за мой развѣвающійся покровъ, я подожду тебя, пока ты отдохнешь.—

Странныя вещи видѣли мы въ эту ночь. Мы стояли надъ кратеромъ дѣйствующаго вулкана и смотрѣли, какъ танцуютъ духи огня. Вы думаете, что саламандра видима только для невоздержанныхъ поэтовъ? Онѣ такъ же реальны для себя самихъ и для тѣхъ, которые ихъ видятъ—какъ... какъ кучера на омни-бусахъ лондонскихъ улицъ.

Реальное и Нереальное! Прекрасное Существо измѣнило всѣ мои идеи относительно всей вселенной. Желалъ бы я знать, буду ли я, вернувшись на землю, помнить всѣ видѣнные мною чудеса? Возможно, что подобно большинству людей я забуду всѣ подробности этой жизни и принесу съ собой на землю лишь смутную жажду невыразимаго и непоколебимую увѣренность, что есть на землѣ и на небесахъ много такого, что не снилось философамъ вашего міра. Возможно, что если я буду вспоминать яснѣе, но не вполне, я буду поэтомъ въ моей слѣдующей жизни.

Какое это чудное приключеніе—выбрасываніе своей ладьи на вздымающееся море возрожденія!

Но вы можете подумать, если мое настроеніе отражается въ васъ, что я впалъ во второе дѣтство. Такъ оно и есть—мое второе дѣтство въ такъ называемой невидимой области.

Когда во время моего странствія съ Прекраснымъ Существомъ мои глаза утомились отъ всей красоты, которую я видѣлъ, я былъ приведенъ моимъ очаровательнымъ товарищемъ къ такимъ сценамъ земли, которыя—будь я въ одиночествѣ—вызвали бы во мнѣ большую грусть. Но нельзя быть грустнымъ, когда вблизи отъ васъ Прекрасное Существо: Въ этомъ его очарованіе: быть въ его присутствіи—значитъ вкушать радости безсмертной жизни.

Мы смотрѣли вмѣстѣ на ночной разгулъ въ томъ мѣстѣ, которое вы на землѣ называете вертепомъ порока. Былъ ли я возмущенъ? Нисколько. Я наблюдать за потѣхами этихъ крошечныхъ человѣческихъ существъ, какъ ученый наблюдаетъ за движеніемъ бактерій въ каплѣ воды. Мнѣ казалось, что я смотрю на все это съ точки зрѣнія звѣздъ. Я не рѣшился сказать: съ точки зрѣнія Бога, для котораго большое и малое—одно и то же; сравненіе съ звѣздами вѣрише, ибо, какъ можемъ мы судить о томъ, какъ видитъ Богъ,—если только мы не подразумеваемъ подъ этимъ бога внутри насъ самихъ?

Вы, читающіе эти строки, когда вы перейдете сюда, вы будете многому удивляться. Малыя вещи покажутся для васъ боль-

шими, а большія—малыми, и все размѣстится на своемъ мѣстѣ въ картинѣ безконечнаго плана, въ которомъ и ваши затрудненія и всѣ ваши мученія окажутся подробностями, неизбежными и прекрасными. Эта мысль возникла во мнѣ, когда я странствовалъ отъ неба къ землѣ, отъ красоты къ безобразію, съ моимъ лучезарнымъ товарищемъ.

Если бы я только могъ найти слова, чтобы передать вамъ вліяніе Прекраснаго Существа! Оно не похоже ни на что остальное во всей вселенной. Оно обманчиво, какъ лунный свѣтъ, и болѣе нѣжно, чѣмъ нѣжность матери. Оно прекраснѣе самаго прекраснаго цвѣтка и въ то же время можетъ смотрѣть съ улыбкой на безобразіе. Оно чище, чѣмъ дыханіе Океана, и въ то же время не испытываетъ никакого ужаса передъ нечистотой. Оно безыскусственно, какъ малое дитя, и въ то же время мудрѣе древнихъ боговъ; настоящее чудо противорѣчій, причудливый странникъ небесъ, любимецъ невидимыхъ міровъ.

Письмо XLII.

Игра въ „вѣришь—не вѣришь“.

Однажды я встрѣтилъ человѣка въ театральномъ костюмѣ, который объявилъ мнѣ, что онъ Шекспиръ. Теперь я уже привыкъ къ такимъ заявленіямъ, и они не удивляютъ меня, какъ удивляли семь-восемь мѣсяцевъ тому назадъ (да, я все еще держу счетъ вашимъ мѣсяцамъ, имѣя для того особую цѣль). Я спросилъ этого человѣка, какого рода доказательства можетъ онъ привести для подтвержденія своей претензіи? На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что претензія его не требуетъ никакого доказательства.

— Этотъ номеръ со мной не пройдетъ, — сказала я, — вѣдь я старый законовѣдъ! —

На это онъ засмѣялся и спросилъ: — Но почему бы и вамъ не присоединиться къ игрѣ? —

Я рассказываю вамъ эту довольно бессмысленную исторію потому, что она иллюстрируетъ интересную сторону здѣшней жизни.

Нѣсколько раньше, одна вновь перешедшая сюда лэди, увидѣвъ меня одѣтымъ въ римскую тогу, подумала, что я Цезарь; я сказалъ ей тогда, что всѣ мы здѣсь актеры. Я подразуме-

мѣвать, что мы, подобно дѣтямъ, „переедѣваемся“, когда хотимъ подѣйствовать на свое собственное воображеніе, или когда хотимъ оживить какую-нибудь сцену изъ прошлаго. Это разыгрываніе роли бываетъ обыкновенно вполнѣ невинно, хотя иногда самая легкость, съ которой это дѣлается, приноситъ съ собой соблазнъ къ обману, въ особенности, когда дѣло касается земныхъ людей. Вы догадываетесь, о чемъ я хочу сказать. Лгушіе духи, на которыхъ такъ часто жалуются посѣтители спиритическихъ сеансовъ, принадлежатъ зачастую къ этимъ астральнымъ актерамъ, которые нерѣдко гордятся тонкостью своей игры.

А потому не будьте слишкомъ увѣрены, что духъ, выдающій себя за вашего покойнаго дѣдушку, есть и въ самомъ дѣлѣ эта уважаемая особа. Онъ можетъ оказаться просто актеромъ, играющимъ свою роль для своего и вашего развлечения.

Какъ же различить такую игру?—спросите вы.—На это трудно отвѣтить. Я бы сказалъ, что самое вѣрное доказательство въ собственномъ глубокомъ и *не-эмоціональномъ* убѣжденіи, что передъ вами находится подлинный духъ. Есть какой-то инстинктъ въ человѣческомъ сердцѣ, который никогда не обманетъ насъ, если мы безъ страха и безъ предубѣжденія будемъ поддаваться его рѣшенію. Какъ часто въ мірскихъ дѣлахъ мы дѣйствовали вопреки этому внутреннему указателю и оказывались на невѣрной дорогѣ!

Если у васъ будетъ инстинктивное чувство, что этотъ невидимый и даже видимый духъ не то, за что онъ себя выдаетъ, лучше прекратить всякое общеніе съ нимъ. Если онъ—подлинный и имѣетъ сказать вамъ нѣчто существенное, онъ неизбежно снова придетъ къ вамъ; ибо такъ называемые мертвые чувствуютъ нерѣдко потребность войти въ общеніе съ живыми.

Но, какъ общее правило, разыгрываніе роли въ здѣшнемъ мірѣ носить невинный характеръ и не имѣетъ въ виду обмана. Это — потребность большинства людей: быть по временамъ не тѣмъ, что они есть. Бѣдный человѣкъ, который, одѣвшись въ свое лучшее платье, проматываетъ въ одинъ вечеръ свое недѣльное жалованіе, разыгрывая богача, дѣйствуетъ по тому же импульсу, который заставлялъ человѣка моей исторіи увѣрять, что онъ Шекспиръ. И женщина, одѣвающаяся выше своихъ средствъ, разыгрываетъ ту же самую игру съ собой и съ своимъ обществомъ.

Всѣмъ дѣтямъ хорошо знакома эта игра. Они скажутъ

Степень сознанія, которымъ человѣкъ можетъ обладать на извѣстномъ подпланѣ, не слѣдуетъ неизмѣнно тому же закону. Разсмотримъ крайній примѣръ, чтобы уяснить себѣ это. Предположимъ, что человѣкъ принесъ съ собою изъ прежнихъ воплощеній стремленія и наклонности, требующія для своего проявленія большое количество матеріи низшаго подплана, но въ этой жизни имѣлъ счастье съ раннихъ лѣтъ научиться тому, что возможно и необходимо сдерживать такія наклонности. Трудно предположить, чтобы его усилія сдержать ихъ имѣли бы полный и постоянный успѣхъ, но если такія усилія были, то обмѣнъ грубыхъ веществъ на болѣе тонкія происходитъ хотя медленно, но постоянно.

Такой прогрессъ совершается даже въ лучшемъ случаѣ только постепенно, и легко можетъ случиться, что человѣкъ, умирая, сдѣлалъ лишь половину этой работы. Въ такомъ случаѣ въ его астральномъ тѣлѣ останется, конечно, достаточно грубой матеріи, чтобы дать ему довольно продолжительное пребываніе въ соответствующемъ подпланѣ; но, такъ какъ сознаніе его во время послѣдней жизни не работало черезъ эту грубую матерію, и невозможно пріобрѣсти внезапно эту способность, результатомъ будетъ то, что онъ не будетъ сознателенъ на этомъ планѣ, пока матерія не разложится. Фактически онъ будетъ какъ во снѣ и не будетъ ощущать ничего непріятнаго, присущаго этому подплану. Послѣ выяснится, что эти факторы посмертной жизни, т. е. подпланъ, на которомъ онъ поставленъ, и сознаніе его на немъ, зависятъ не отъ того, какъ онъ умеръ, а отъ того, какъ онъ жилъ, такъ что, какъ бы ужасна и внезапна ни была смерть, она едва ли можетъ повліять на эти два фактора. Тѣмъ не менѣе, въ древней христіанской молитвѣ: „отъ внезапной смерти избави мя, Господи“ есть глубокій смыслъ, такъ какъ, хотя такая смерть и не измѣняетъ къ худшему его положенія на астральномъ планѣ, она ничѣмъ не облегчаетъ его; между тѣмъ, постепенное умираніе отъ старости или отъ продолжительной болѣзни сопровождается постепеннымъ распаденіемъ астральныхъ частицъ, такъ что, когда на астральномъ планѣ сознаніе возвращается къ человѣку, оказывается, что важнѣйшая работа для него уже сдѣлана.

Большой ментальный ужасъ и разстройство, которыя иногда сопровождаютъ внезапную смерть, сами по себѣ очень плохая подготовка къ астральной жизни; дѣйствительно, наблюдались случаи, хотя по счастью рѣдкіе, когда такое возбужденіе и ужасъ

продолжались еще и послѣ смерти. Во всякомъ случаѣ, желаніе имѣть время для приготовленія себя къ смерти не есть суевѣріе; напротивъ, оно имѣетъ нѣкоторое разумное основаніе. Естественно, что для того, кто ведетъ жизнь теософа, не составитъ большой разницы, какимъ образомъ совершится его переходъ изъ физическаго въ астральный міръ, ибо онъ постоянно трудится надъ тѣмъ, чтобы достигнуть болѣе скорого восхожденія, и въ любомъ изъ этихъ случаевъ цѣль его будетъ все та же.

Итакъ, кажется, ясно, что внезапная смерть не сопровождается непременно необходимостью болѣе продолжительнаго пребыванія на низшемъ уровнѣ астральнаго плана, развѣ только въ томъ смыслѣ, что оно лишаетъ человѣка возможности постепеннаго сжиганія грубѣйшихъ частицъ астральнаго тѣла во время страданія предсмертной болѣзنیю. Когда это касается дѣтей, то трудно предположить, чтобы они за свою короткую и, въ большинствѣ случаевъ, безгрѣшную жизнь развили въ себѣ элементы, связывающіе ихъ съ низшимъ подпланомъ астрала. Изъ практическаго опыта извѣстно, что такихъ совѣтъ нельзя найти на этомъ подпланѣ. Все равно, умираютъ ли люди внезапно, или вслѣдствіе болѣзни, пребываніе ихъ на астральномъ планѣ сравнительно кратковременно; небесная ихъ жизнь гораздо продолжительнѣе, но, тѣмъ не менѣе, находится въ разумной пропорціи къ астральной, и скорое ихъ воплощеніе наступаетъ, какъ только изжиты тѣ силы, которыя они привели въ дѣйствіе во время своей короткой земной жизни; въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ тотъ же законъ, какъ и для взрослыхъ.

Ничего, что бы вы ни сдѣлали съ физическимъ трупомъ въ *обыденной* жизни, не должно измѣнить что-либо въ астральной жизни (человѣка). Долженъ объ этомъ упомянуть, во-первыхъ, потому, что внѣ обыденной жизни есть ужасные ритуалы магіи, которые могутъ очень сильно подѣйствовать на жизненные условія человѣка на слѣдующемъ планѣ, а, во-вторыхъ, хотя состояніе физическаго тѣла не *должно* было бы измѣнять что-либо для дѣйствительнаго человѣка, все же оно иногда имѣетъ на него вліяніе, благодаря его невѣдѣнію или безумію. Постараюсь объяснить это подробнѣе.

Продолжительность астральной жизни человѣка, окончательно сбросившаго физическое тѣло, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ вещей: качества его послѣдней физической жизни и душевнаго его состоянія мыслей послѣ того, что называютъ

смертью. Во время своей земной жизни онъ постоянно воздѣйствуетъ на построение своего астрального тѣла. Дѣйствуютъ онъ на астральную матерію непосредственно своими страстями, эмоціями и желаніями, которымъ онъ позволяетъ властвовать надъ собою. Посредственно онъ на него вліяетъ сверху своими мыслями и силой всеми деталями своей физической жизни (воздержаніемъ или безалаберностью, чистотой или грязью, пищей и питьемъ). Если онъ, упрямо держась неправильности, создаетъ себѣ, по своему недомыслию, глупости, грубое, плотное астральное тѣло, пріимавшее отвѣчать только низшимъ вибраціямъ этого плана, онъ окажется прикованнымъ къ этому плану на все время долгаго, медленнаго процесса разложенія этого тѣла. Съ другой стороны, если онъ скромной и разумной жизнью создалъ себѣ только организованное тѣло, у него будетъ гораздо меньше помертнаго беспокойства и чувства неудобства, и эволюція его пройдетъ гораздо пріятнѣе и быстрѣе.

Большинство это понимаетъ, но второе условіе, состояніе ума послѣ смерти часто забывается. Желательно, чтобы человѣкъ сознавалъ свое положеніе на этой точкѣ его эволюціи, чтобы онъ позналъ необходимость постоянного ухода вънутрь къ плану истиннаго „Яго“, и что, слѣдовательно, его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы освобождать свои мысли, насколько возможно, отъ физическихъ интересовъ и сосредоточивать ихъ все опредѣленнѣе на предметахъ духовныхъ, которые займутъ его во время его небесной (дехапанической) жизни. Поступая такимъ образомъ, онъ значительно облегчаетъ естественное разложеніе астрала и избѣгаетъ обычной ошибки—ненужной поддержки на низшихъ вибраціяхъ.

Многіе, однако, прямо не хотятъ обратить свои мысли внѣсь, а, напротивъ, тратятъ все свое время, борясь всей силой на возможность сохманить соприкосновеніе съ оставленнымъ ими физическимъ планомъ, сильно затрудняя этимъ помощь, которую имъ стараются оказать. При жизни ихъ интересовали только земная тѣла, и они съ настойчивостью отчаянія держатся за нихъ и послѣ смерти. Естественно, что съ теченіемъ времени имъ это удается съ возрастающей трудностью, но вмѣсто того, чтобы ридоваться своему постепенному уточненію и одухотворенію, они противодействуютъ ему всеми силами, какими только располагаютъ. Но могущая сила эволюціи сильнее ихъ и захватываетъ ихъ въ свое благотворное теченіе, хотя они борются за каждый шагъ, причиняя себѣ очень много вреда.

и страданія и, кромѣ того, сильно задерживая движеніе ввысь своего прогресса.

Въ этомъ невѣжественномъ и злополучномъ протестѣ противъ космической воли человѣку помогаетъ обладаніе физическимъ тѣломъ, которое служитъ ему какъ бы поддержкой на этомъ планѣ. Онъ, конечно, находится въ тѣсной связи съ нимъ и, если онъ цѣлко держится за свое ошибочное желаніе, то онъ можетъ пользоваться тѣломъ, какъ якоремъ, и оно будетъ его держать, погружая въ самую тину, пока его разложеніе не достигнетъ сильной степени. Сжиганіе трупа спасаетъ въ такомъ случаѣ человѣка отъ него самого, такъ какъ, когда физическое тѣло такимъ образомъ исчезаетъ, то корабли его сожжены въ буквальномъ смыслѣ слова, и сила держаться за землю значительно уменьшена.

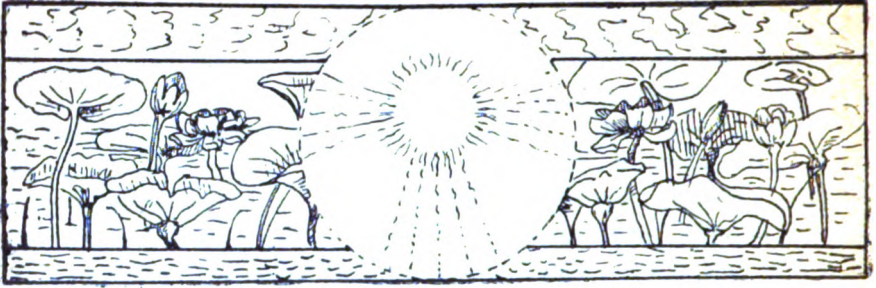
Изъ всего сказаннаго видно, что ни простое преданіе тѣла землѣ, ни бальзамированіе не могутъ быть причиной болѣе продолжительнаго пребыванія его владѣльца на астральномъ планѣ противъ его воли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это представляетъ большое искушеніе, и, если въ немъ есть такое несчастное желаніе, это облегчаетъ ему общеніе съ физическимъ міромъ.

Ни одно болѣе подвинутое Эго не позволило бы удержать себя на астральномъ планѣ даже путемъ такого безумства, какъ бальзамированіе его тѣла. Какъ бы ни поступили съ его физическимъ тѣломъ, астральное шло бы своимъ путемъ быстрого безпрепятственнаго разложенія.

Среди многихъ преимуществъ сжиганія труповъ, главныя состоятъ въ томъ, что это предотвращаетъ всякую возможность частичнаго и неестественнаго соединенія началъ, или попытки воспользоваться тѣломъ для цѣлей низшей магіи, уже не говоря о многихъ опасностяхъ для живыхъ, которыя такимъ образомъ избѣгаются.

Пер. Е. Р.

Письма живого усопшаго.

Э. Баркеръ.

Продолженіе.

Письмо ХLI.

Любимецъ невидимыхъ міровъ.

Я уже говорилъ вамъ о томъ, кого я назвалъ Прекраснымъ Существомъ; его мѣстожителство—вся вселенная, его избранные товарищи—все человѣчество и всѣ чины ангеловъ, игры его года и столѣтія.

• Не знаю, по какой причинѣ, но Прекрасное Существо было очень милостиво ко мнѣ и къ моимъ усиліямъ пріобрѣсти знаніе и показало мнѣ многое, чего бы я иначе не увидѣлъ.

Когда руководителемъ путешествій по планетѣ является ангель, путникъ оказывается въ особенно благоприятныхъ условіяхъ. Рекомендательныя письма къ великимъ міра сего—ничто по сравненію съ такой рекомендаціей, ибо съ его помощью я смотрю въ души всѣхъ существъ, а мои посѣщенія человѣческихъ домовъ не ограничиваются гостиной. Прекрасное Существо имѣетъ доступъ всюду.

Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову, проснувшись послѣ прекраснаго сновидѣнія, что ангель, можетъ быть, поцѣловалъ васъ во время сна? Я видѣлъ такія вещи.

О, не бойтесь давать свободу вашему воображенію! Самыя необыкновенныя вещи въ то же время и самыя истинныя; ба-

нальныя вещи почти всѣ живы. Когда большая мысль поднимаетъ васъ на своихъ крыльяхъ, не старайтесь удерживаться на твердой землѣ. Отпускайте себя. Кто отдается высокому вдохновенію и имѣетъ смѣлость вѣрить въ свое видѣніе, тотъ самъ можетъ увидѣть Прекрасное Существо лицомъ къ лицу, какъ видѣлъ его я. Когда несешься въ пространствѣ, зрѣніе становится острымъ. И если сумѣешь подняться достаточно быстро, можно увидать и непостижимое.

Недавно я размышлялъ надъ сѣменемъ цвѣтка, ибо нѣтъ ничего столь малаго, что бы не вмѣщало въ себѣ цѣлый міръ. Я погрузился въ думы надъ сѣмячкомъ и забавлялся тѣмъ, что слѣдилъ за его исторіей, поколѣніе за поколѣніемъ, до самаго источника, на зарѣ временъ. Забавное выраженіе „на зарѣ временъ,“ ибо время имѣло столько разсвѣтовъ и столько закатовъ. не выказывая никакого признака утомленія.

Я прослѣдилъ генеалогію сѣмячка до того времени, когда пещерный человѣкъ забывалъ о своихъ вѣчныхъ поединкахъ, чтобы насладиться ароматомъ пра-прародителя цвѣтка; въ это время мнѣ слышался тихій музыкальный смѣхъ съ лѣвой стороны, и нѣчто легкое и воздушное, какъ крыло бабочки, коснулось моей лѣвой щеки.

Я обернулся, чтобы посмотрѣть, но въ это время—быстро какъ порханіе вѣтерка—раздался тотъ же музыкальный смѣхъ съ другой стороны, и другое нѣжное крыло коснулось моей правой щеки. А затѣмъ, что-то въ родѣ покрыва спустилось на мои глаза, и свѣтлый голосъ пропѣлъ: „Отгадай кто!“

Я весь трепеталъ восторгомъ отъ этой божественной игры и отвѣтилъ:

— Можетъ быть, та фея, которая заставляетъ слѣпыхъ дѣтей земли грезить о цвѣтахъ невидимаго пространства?—

— Какъ ты узналъ меня?—смѣялось Прекрасное Существо, снимая покровъ съ моихъ глазъ,—Я и есть та фея. Ты навѣрно подсматривалъ, когда а дотрагивалась до глазъ слѣпыхъ младенцевъ. Хочешь пойти со мной и посмотрѣть, какъ я это дѣлаю?—

И мы понеслись на самый необычайный вечерній обходъ, какой только можно себѣ представить.

Мы начали съ дома одного изъ моихъ друзей; вся семья собралась въ столовой за ужиномъ. Никто не видѣлъ насъ, кромѣ кошки, которая начала громко мурлыкать и выгибаться. Весьма вѣроятно, что будь я одинъ, она бы испугалась меня; но кто—даже кошка—можетъ бояться Прекраснаго Существа?

Внезапно одинъ изъ дѣтей поднялъ голову и спросилъ: — Отчего нынче молоко такое вкусное? — Другой маленькій опустилъ головку на столъ и закрылъ глаза. Мать хотѣла растолкать его, но Прекрасное Существо набросило покровъ на ея глаза, и она не тронулась съ мѣста.

Я могъ видѣть, какъ въ сознаніи заснувшего ребенка Прекрасное Существо развернуло волшебную сказку. Но вскорѣ ребенокъ вздрогнулъ и широко раскрылъ глаза.

— Я видѣлъ,—сказалъ онъ, —(онъ назвалъ мое имя) стоялъ вонъ тамъ и улыбался, а съ нимъ былъ ангелъ.

— Уйдемъ,—шепнуло Прекрасное Существо,—отъ спящихъ дѣтей ничто не можетъ быть скрыто.—

Мы понеслись по берегу рѣки, которая раздѣляетъ большой городъ на двѣ части. Изъ открытаго окна одного изъ домовъ у самой рѣки слышались звуки гитары, и нѣжный женскій голосъ пѣлъ:

„Когда другія уста и другія сердца

Повѣдаютъ тебѣ свою повѣсть любви...

Тогда ты вспомнишь меня—ты вспомнишь меня.“

Прекрасное Существо дотронулось до меня и шепнуло:— Когда жизнь бываетъ такъ нѣжна для этихъ смертныхъ, она становится волшебной книгой для меня.—

— И все же ты сама никогда не испытала человѣческой жизни?—

— Наоборотъ, я испытываю ее ежедневно; но я только прикасаюсь къ ней, и спѣшу дальше. Если бы я приобщилась къ ней, можетъ быть, я не могла бы оторваться и нестись дальше.—

Слушая эти слова, я невольно воскликнулъ:—Боюсь, что Ты изъ всего дѣлаешь божественную игру!—

— Тише, засмѣялось Прекрасное Существо, тотъ, кто боится чего бы то ни было, потеряетъ меня въ туманѣ своихъ страховъ.—

Оно было при этомъ такъ непреодолимо прекрасно, что я воскликнулъ: Но кто же Ты? *Что* Ты такое?—

— Не сказалъ ли ты недавно, что я— та фея, которая заставляетъ слѣпыхъ дѣтей земли грезить о покрытыхъ цвѣтами странствахъ?—

— Я люблю Тебя непонятной любовью,—отвѣтилъ я.

— Каждая любовь непонятна. Но давай, поднимемся на вершины видѣнья. Когда ты очень устанешь, схватись за мой развѣвающийся покровъ, я подожду тебя, пока ты отдохнешь.—

Странныя вещи видѣли мы въ эту ночь. Мы стояли надъ кратеромъ дѣйствующаго вулкана и смотрѣли, какъ танцуютъ духи огня. Вы думаете, что саламандра видима только для невдержанныхъ поэтовъ? Онѣ такъ же реальны для себя самихъ и для тѣхъ, которые ихъ видятъ—какъ... какъ кучера на омнибусахъ лондонскихъ улицъ.

Реальное и Нереальное! Прекрасное Существо измѣнило всѣ мои идеи относительно всей вселенной. Желалъ бы я знать, буду ли я, вернувшись на землю, помнить всѣ видѣнные мною чудеса? Возможно, что подобно большинству людей я забуду всѣ подробности этой жизни и принесу съ собой на землю лишь смутную жажду невыразимаго и непоколебимую увѣренность, что есть на землѣ и на небесахъ много такого, что не снилось философамъ вашего міра. Возможно, что если я буду вспоминать яснѣе, но не вполне, я буду поэтомъ въ моей слѣдующей жизни.

Какое это чудное приключеніе—выбрасываніе своей ладьи на вздымающееся море возрожденія!

Но вы можете подумать, если мое настроеніе отражается въ васъ, что я впалъ во второе дѣтство. Такъ оно и есть—мое второе дѣтство въ такъ называемой невидимой области.

Когда во время моего странствія съ Прекраснымъ Существомъ мои глаза утомились отъ всей красоты, которую я видѣлъ, я былъ приведенъ моимъ очаровательнымъ товарищемъ къ такимъ сценамъ земли, которыя—будь я въ одиночествѣ—вызвали бы во мнѣ большую грусть. Но нельзя быть грустнымъ, когда вблизи отъ васъ Прекрасное Существо: Въ этомъ его очарованіе: быть въ его присутствіи—значитъ вкушать радости безсмертной жизни.

Мы смотрѣли вмѣстѣ на ночной разгулъ въ томъ мѣстѣ, которое вы на землѣ называете вертепомъ порока. Былъ ли я возмущенъ? Нисколько. Я наблюдалъ за потѣхами этихъ крошечныхъ человѣческихъ существъ, какъ ученый наблюдаетъ за движеніемъ бактерій въ каплѣ воды. Мнѣ казалось, что я смотрю на все это съ точки зрѣнія звѣздъ. Я не рѣшился сказать: съ точки зрѣнія Бога, для котораго большое и малое—одно и то же; сравненіе съ звѣздами вѣрнѣе, ибо, какъ можемъ мы судить о томъ, какъ видитъ Богъ,—если только мы не подразумеваемъ подъ этимъ бога внутри насъ самихъ?

Вы, читающіе эти строки, когда вы перейдете сюда, вы будете многому удивляться. Малыя вещи покажутся для васъ боль-

шими, а большія—малыми, и все размѣстится на своемъ мѣстѣ въ картинѣ безконечнаго плана, въ которомъ и ваши затрудненія и всѣ ваши мученія окажутся подробностями, неизбежными и прекрасными. Эта мысль возникла во мнѣ, когда я странствовалъ отъ неба къ землѣ, отъ красоты къ безобразію, съ моимъ лучезарнымъ товарищемъ.

Если бы я только могъ найти слова, чтобы передать вамъ вліяніе Прекраснаго Существа! Оно не похоже ни на что остальное во всей вселенной. Оно обманчиво, какъ лунный свѣтъ, и болѣе нѣжно, чѣмъ нѣжность матери. Оно прекраснѣе самаго прекраснаго цвѣтка и въ то же время можетъ смотрѣть съ улыбкой на безобразіе. Оно чище, чѣмъ дыханіе Океана, и въ то же время не испытываетъ никакого ужаса передъ нечистотой. Оно безыскусственно, какъ малое дитя, и въ то же время мудрѣе древнихъ боговъ; настоящее чудо противорѣчій, причудливый странникъ небесъ, любимецъ невидимыхъ міровъ.

Письмо XLII.

Игра въ „вѣришь—не вѣришь“.

Однажды я встрѣтилъ человѣка въ театральномъ костюмѣ, который объявилъ мнѣ, что онъ Шекспиръ. Теперь я уже привыкъ къ такимъ заявленіямъ, и они не удивляютъ меня, какъ удивляли семь-восемь мѣсяцевъ тому назадъ (да, я все еще держу счетъ вашимъ мѣсяцамъ, имѣя для того особую цѣль). Я спросилъ этого человѣка, какого рода доказательства можетъ онъ привести для подтвержденія своей претензіи? На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что претензія его не требуетъ никакого доказательства.

— Этотъ номеръ со мной не пройдетъ, сказалъ я, —вѣдь я старый законовѣдъ!—

На это онъ засмѣялся и спросилъ:—Но почему бы и вамъ не присоединиться къ игрѣ?—

Я рассказываю вамъ эту довольно бессмысленную исторію потому, что она иллюстрируетъ интересную сторону здѣшней жизни.

Нѣсколько раньше, одна вновь перешедшая сюда лэди, увидѣвъ меня одѣтымъ въ римскую тогу, подумала, что я Цезарь; я сказалъ ей тогда, что всѣ мы здѣсь актеры. Я подразуме-

мѣвалъ, что мы, подобно дѣтямъ, „переодѣваемся“, когда хотимъ подѣйствовать на свое собственное воображеніе, или когда хотимъ оживить какую-нибудь сцену изъ прошлаго. Это разыгрываніе роли бываетъ обыкновенно исполнѣ невинно, хотя иногда самая легкость, съ которой это дѣлается, приноситъ съ собой соблазнъ къ обману, въ особенности, когда дѣло касается земныхъ людей. Вы догадываетесь, о чемъ я хочу сказать. Лгушіе духи, на которыхъ такъ часто жалуются посѣтители спиритическихъ сеансовъ, принадлежатъ зачастую къ этимъ астральнымъ актерамъ, которые нерѣдко гордятся тонкостью своей игры.

А потому не будьте слишкомъ увѣрены, что духъ, выдающій себя за вашего покойнаго дѣдушку, есть и въ самомъ дѣлѣ эта уважаемая особа. Онъ можетъ оказаться просто актеромъ, играющимъ свою роль для своего и вашего развлечения.

Какъ же различить такую игру?—спросите вы.—На это трудно отвѣтить. Я бы сказалъ, что самое вѣрное доказательство въ собственномъ глубокомъ и *интеллектуальномъ* убѣжденіи, что передъ вами находится подлинный духъ. Есть какой-то инстинктъ въ человѣческомъ сердцѣ, который никогда не обманетъ насъ, если мы безъ страха и безъ предубѣжденія будемъ поддаваться его рѣшенію. Какъ часто въ мірскихъ дѣлахъ мы дѣйствовали вопреки этому внутреннему указателю и оказывались на невѣрной дорогѣ!

Если у васъ будетъ инстинктивное чувство, что этотъ невидимый и даже видимый духъ не то, за что онъ себя выдаетъ, лучше прекратить всякое общеніе съ нимъ. Если онъ—подлинный и имѣетъ сказать вамъ нѣчто существенное, онъ неизбежно снова придетъ къ вамъ; ибо такъ называемые мертвые чувствуютъ нерѣдко потребность войти въ общеніе съ живыми.

Но, какъ общее правило, разыгрываніе роли въ здѣшнемъ мірѣ носить невинный характеръ и не имѣетъ въ виду обмана. Это — потребность большинства людей: быть по временамъ не тѣмъ, что они есть. Бѣдный человѣкъ, который, одѣвшись въ свое лучшее платье, проматываетъ въ одинъ вечеръ свое недѣльное жалованіе, разыгрывая богача, дѣйствуетъ по тому же импульсу, который заставлялъ человѣка моей исторіи увѣрять, что онъ Шекспиръ. И женщина, одѣвающаяся выше своихъ средствъ, разыгрываетъ ту же самую игру съ собой и съ своимъ обществомъ.

Всѣмъ дѣтямъ хорошо знакома эта игра. Они скажутъ

вамъ самымъ убѣжденнымъ тономъ, что они — Наполеонъ Бонапартъ или Георгъ Вашингтонъ, и очень обидятся, если вы поднимете ихъ насмѣхъ.

Очень возможно, что мой пріятель съ шекспировскимъ стремленіемъ былъ любительскимъ актеромъ на землѣ. Если бы онъ былъ профессиональнымъ артистомъ, онъ навѣрное назвалъ бы свое имя, болѣе или менѣе неизвѣстное, поясняя при этомъ, что онъ былъ всѣмъ извѣстной знаменитостью такой-то.

Здѣсь очень часто гордятся своими земными талантами, особенно тѣ, которые недавно перешли сюда. Со временемъ это все болѣе уменьшается, и интересы становятся болѣе общими.

Люди не перестаютъ быть людьми только потому, что они перешли границу видимаго для васъ міра. Въ дѣйствительности ихъ характерныя черты становятся еще болѣе преувеличенными, потому что здѣсь гораздо меньше запретовъ. Здѣсь не налагается никакихъ наказаній за принятіе на себя чужого имени. Такія вещи не принимаются здѣсь въ серъезъ, ибо для болѣе яснаго зрѣнія этого міра надѣтыя личины слишкомъ прозрачны.

Письмо XLIII.

Наслѣдники Гермеса.

Много вѣрнаго, но точно такъ же много и вздора говорится объ Адептахъ и Учителяхъ, которые живутъ и работаютъ на невидимыхъ планахъ. Въ настоящее время и я живу на такъ называемомъ астральномъ планѣ, и то, что я скажу вамъ о немъ, есть результатъ опыта, а не теории.

Я встрѣчалъ здѣсь Адептовъ—да, и Учителей. Одинъ изъ нихъ научилъ меня многому и руководилъ моими первыми шагами въ этомъ мірѣ.

Не бойтесь вѣрить въ Учителей. Учителя, это—люди, поднявшіеся до высочайшей ступени могущества: и они всегда—все равно, воплощены они, или развоплощены—работаютъ на этомъ планѣ жизни. Учитель можетъ вступать на него и снова удаляться, по желанію.

Нѣтъ, я не собираюсь объяснять, какъ это дѣлается. Слишкомъ быстрые люди, недостигшіе степени Учителя, могли бы попробовать и—не вернуться назадъ. Знаніе есть сила; но есть такая сила, которая можетъ быть опасна, если она примѣняется безъ достаточнаго запаса мудрости.

Всѣ человѣческія существа носятъ въ себѣ зародышъ Учительства. Это можетъ послужить ободреніемъ для людей, которые стремятся къ болѣе интенсивной жизни, чѣмъ обыкновенное существованіе. Но достиженіе ступени Учителя есть постепенный и обыкновенно очень медленный ростъ.

Мой здѣшній руководитель принадлежитъ къ ступени Учителя.

Здѣсь есть руководители, которые не достигли этой ступени, точно такъ же какъ есть преподаватели на землѣ, которые не достигли званія профессора; но тотъ, кто имѣетъ желаніе учить тому, что знаетъ самъ, находится на вѣрной дорогѣ.

Я не стану скрывать, что мой Учитель одобряетъ мое стремленіе познакомить міръ съ здѣшной жизнью, которая непосредственно слѣдуетъ за тѣмъ, что вы называете смертью. Если бы онъ не одобрилъ, я преклонился бы передъ его высшей мудростью.

Нѣтъ, дѣло не въ его имени. Я буду продолжать называть его моимъ Учителемъ, когда буду отъ времени до времени приходить къ вамъ. Черезъ нѣкоторое время я, вѣроятно, совсѣмъ перестану приходить. Не потому, что я перестану интересоваться вами; но потому, что я долженъ буду удалиться далеко отъ вашего міра, чтобы узнать вещи, пониманіе которыхъ требуетъ ослабленія земныхъ связей. Позднѣе я, можетъ быть, снова вернусь; но я не даю обѣщанія. Я приду, если смогу, если это окажется мудрымъ, и если вы будете въ настроеніи принять меня.

Не думаю, чтобы я могъ сообщаться черезъ кого-нибудь другого и писать письма, подобныя этимъ. Мнѣ пришлось бы провести другую личность черезъ тотъ же процессъ, черезъ который прошли вы, и я знаю, что немногіе, даже изъ тѣхъ, которые были моими друзьями, способны довѣриться мнѣ въ такой же степени, какъ вы. И потому, послѣ моего удаленія, не закрывайте дверей слишкомъ плотно на случай, если бы я захотѣлъ снова придти, ибо возможно, что я сообщу вамъ нѣчто чрезвычайно важное. Но, съ другой стороны, сами вы, пожалуйста, не зовите меня: такимъ зовомъ вы можете отвлечь меня отъ важной задачи. Я не могу сказать навѣрно, что вы въ силахъ это сдѣлать, но это возможно, и это было бы нежелательно для меня.

Остающийся на землѣ можетъ призывать съ такой сосредоточенной силой друга, перешедшаго далеко за земную атмосферу, что этой душѣ придется вернуться слишкомъ рано въ отвѣтъ на горячій призывъ.

Не забывайте мертвыхъ, пока они не приобретутъ достаточно силы, чтобы быть счастливыми безъ вашей памяти о нихъ; но не насѣдайте слишкомъ сильно на нихъ.

Учителя, о которыхъ я только-что говорилъ, могутъ оставаться и близко и далеко, какъ имъ захочется; и они могутъ отвѣчать и не отвѣчать, но обыкновенная душа очень чувствительна къ призыву тѣхъ, которыхъ она любила на землѣ.

Мнѣ пришлось видѣть мать, усиленно отвѣчающую на слезы и мольбу своего ребенка, но ей не удалось дать ему почувствовать свое присутствіе. Такія неудачи бываютъ причиной большой грусти для нѣкоторыхъ матерей.

Однажды мнѣ удалось видѣть моего Учителя, какъ онъ помогъ одной матери войти въ сношеніе съ осиротѣлой дочерью, бывшей въ большомъ горѣ. Сердце моего Учителя отзывалось съ необыкновенной нѣжностью на страданія міра; и въ то же время онъ поясняетъ съ необыкновенной силой величайшія проблемы мысли. Онъ являетъ собой олицетвореніе трижды великаго Гермеса Трисмегиста— великаго тѣломъ, великаго умомъ, великаго сердцемъ.

Онъ очень любитъ дѣтей, и однажды, когда я былъ невидимо въ домѣ одного изъ моихъ земныхъ друзей, и его маленькой сынъ, упавъ, расшибся и началъ горько плакать, мой великій Учитель, котораго я видѣлъ буквально повелѣвающимъ „легіономъ ангеловъ“, наклонился въ своей астральной формѣ надъ ребенкомъ и началъ утѣшать и ласкать его.

Меня это очень поразило, и я сказалъ ему о своемъ удивленіи; онъ отвѣтилъ на это, что помнить свое собственное дѣтство въ различныхъ странахъ, и что въ памяти его сохранилось до сихъ поръ ощущеніе отъ физической боли и потрясеніе отъ физического паденія.

Онъ прибавилъ, что дѣти страдаютъ гораздо болѣе, чѣмъ старшіе думаютъ, и что смятеніе, которое вызывается приспособленіемъ къ новому, нѣжному и растущему тѣлу, вызываетъ часто сильное страданіе.

Такъ, постоянный крикъ нѣкоторыхъ младенцевъ вызывается ихъ безсиліемъ передъ Геркулесовой задачей сформировать то тѣло, черезъ которое будетъ проявляться ихъ духъ.

Онъ рассказалъ мнѣ исторію одного изъ своихъ прежнихъ воплощеній, когда онъ еще не былъ Учителемъ, и какого тяжелаго труда ему стоило построить для себя тѣло. Онъ могъ припомнить малѣйшія подробности той далекой, далекой жизни.

Однажды мать наказала его за что-то, чего онъ не сдѣлалъ, и когда онъ сталъ отрицать свою вину, она бранила его за ложь, не понимая—несмотря на всю свою доброту—что правда была въ самой основѣ той души, которой она дала внѣшнюю форму. Онъ прибавилъ, что именно послѣ *этого* дѣтскаго страданія, столѣтій назадъ, началась его сознательная борьба противъ несправедливости, которая сдѣлала изъ него друга и наставника человѣчества.

Онъ придаетъ большое значеніе возстановленію памяти прошлаго, потому что эти воспоминанія раскрываютъ передъ нами всѣ пути, по которымъ шло развитіе нашей души.

Какъ общее правило, Учителя не говорятъ о своемъ прошломъ и ссылаются на него только тогда, когда ихъ личный опытъ помогаетъ понять тотъ или другой законъ, который они хотятъ разъяснить. Идущаго ощупью чрезвычайно ободряетъ мысль о томъ, что достигнувшій большихъ высотъ долженъ былъ проходить черезъ тѣ же испытанія, которыя такъ мучатъ его самого.

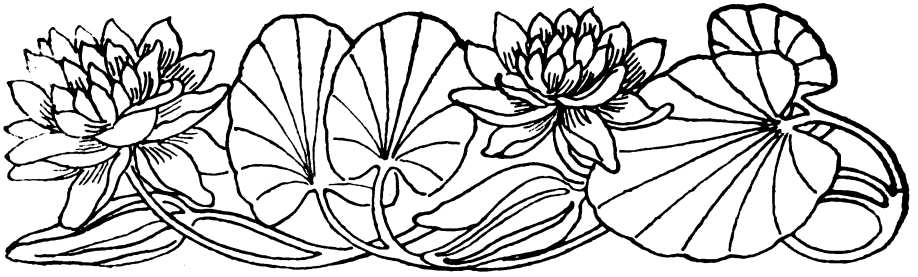
Пер. Е. П.

Когда Спаситель призывалъ своихъ учениковъ, Онъ всегда говорилъ имъ: «Слѣдуй за мной!» Отсюда явствуетъ, что тѣ, кто призываются къ духовной жизни и къ евангельскому совершенству, призываются подражать Спасителю въ Его человѣчности, и осуществлять праведность по Его примѣру.

Героическимъ трудомъ и великими добродѣтелями ты завоеуешь сердце Возлюбленнаго Учителя; ты завоеуешь его и осуществленіемъ самыхъ малыхъ и ничтожныхъ добрыхъ качествъ.

Св. Фр. де-Саль.

Обозрѣніе теософической литературы.

„Въ наше время почти всеобщей скорби, пишетъ авторъ статьи: „Что такое смерть“, въ *Theosophist's*, одна изъ темъ, наиболѣе близкихъ намъ и болѣе всего вліяющихъ на нашу жизнь, есть вопросъ о смерти“. Наши воззрѣнія на смерть могутъ принести намъ сильныя страданія или вовсе избавить насъ отъ нихъ. Въ нашихъ разсужденіяхъ о смерти мы забываемъ одинъ фактъ, который, будучи самымъ реальнымъ и очевиднымъ въ той жизни, за завѣсой, могъ бы болѣе всего утѣшить насъ. Это тотъ фактъ, что „умирая“ мы не отрываемся внезапно отъ земли и отъ всего того, что мы на ней любимъ. Природа живетъ на основаніи незыблемыхъ законовъ, не допускающихъ никакихъ скачковъ, потому не можетъ быть скачка и при переходѣ изъ одного міра въ другой. Болѣе углубленное изученіе Законовъ жизни выясняетъ намъ, что мы можемъ судить о невидимомъ по видимому, въ силу другого незыблемаго закона бытія: какъ наверху, такъ и внизу.

Въ эволюціи формъ не выпадаетъ ни малѣйшее звено; такъ и въ жизни Духа не можетъ быть быстрой перемѣны; каждое состояніе походитъ на предыдущее и подготавливаетъ послѣдующее. Промежуточной міръ, или такъ называемый рай, не отдѣленъ отъ насъ непроходимой бездной; онъ окружаетъ насъ, касается насъ; если бы могли этому повѣрить, мы бы знали, что, сбрасывая съ себя физическую форму, Духъ общается съ нами гораздо тѣснѣе и непосредственнѣе, чѣмъ когда его отдѣляла отъ насъ эта самая физическая форма. Наши „умершіе“ счастливы, чѣмъ здѣсь на землѣ, и они не пожелали бы вернуться на нее даже если бы могли; но одно для нихъ тягостно—это наша скорбь о нихъ.

Узы любви, привязывавшіе насъ къ нимъ, не расторгнутся, и они не могутъ быть счастливы, если мы тоскуемъ. Любовь, самая мощная и вѣчная сила, удерживаетъ ихъ около насъ, и они тщетно стараются насъ утѣшить. Если бы мы перестали скорбѣть, они свободны были бы изслѣдовать прекрасный міръ, въ которомъ они находятся, содержащій въ себѣ красоты и чудеса, превосходящія то, что есть на землѣ.

Не забудемъ еще, что опредѣленныя причины порождаютъ и опредѣленныя послѣдствія. Смерть въ борьбѣ за прекрасное дѣло даетъ и очень высокіе результаты, и чѣмъ больше самопожертвованіе, тѣмъ больше и награда. Но эти прекрасные результаты воздѣйствуютъ и на тѣхъ, кто участвовали въ самопожертвованіи и разстались съ любимыми людьми для спасенія отечества. Ихъ взаимное самопожертвованіе выковало узы между ними, которые будутъ вѣчно соединять ихъ въ ихъ восхожденіи на протяженіи вѣковъ. Нынѣшняя наша короткая жизнь составляетъ лишь кратчайшій день въ свѣтлой эволюціи, ожидающей насъ, красота и сила которой создана изъ любви и самопожертвованія.

Г-жа Найтингель, въ томъ же журналѣ, говоритъ въ статьѣ: „По пути къ возсозданію“ объ единствѣ человѣческой расы. „Божественная необходимость Единства, основного принципа гармоніи, выявляется въ наше время передъ глазами людей“. Царству Камы-Манаса съ его ненавистью, эгоизмомъ, разъединеніемъ настаетъ конецъ. Исчезновеніе его владычества составляетъ эпоху само по себѣ, полную крови и слезъ и потрясающую собой всѣ народы. Собственно говоря, въ настоящее время борются лишь два царства: соревнованіе и сотрудничество. Первое имѣетъ за собой преимущество прецедента, вѣса, обычая, всю силу „царства міра сего“. Второе — лишь неопытный юноша, незрѣлый и неувѣренный; но кличъ его звенитъ всей удалю и смѣлостью молодости. Змѣи сбрасываютъ старыя кожи, и появляются новыя оболочки: сила и настойчивость, претворившіяся изъ насилія и алчности по минованіи надобности въ этихъ послѣднихъ. Нарождается новый законъ, являющійся, какъ и всѣ законы, внѣшнимъ знакомъ внутренней и невидимой необходимости. Весь процессъ эволюціи есть непрерывная алхимія; спираль все возвращается на себя, дѣлая новый оборотъ и тѣмъ приобретаая большее раскрытіе жизни, болѣе гибкое приспособленіе формы къ жизни духа. Все дѣло въ наше время въ глухомъ сознаніи центральной истины жизни людей—единства

человѣческой расы. Всѣ мыслители, философы, художники, поэты, идущіе на гребнѣ современности, какъ одинъ человѣкъ поняли это; поверхъ грома сраженій, поверхъ грохота борющихся силъ ясно слышна эта эпиталама—сочетаніе Бога съ человѣкомъ, голосъ Бога въ человѣкѣ и обращеніе къ Богу внѣ человѣка. Это мотивъ Сверхъ-Человѣка, пѣсня высшей силы въ сочетаніи съ вѣчной Любовью.

Лишь такое единеніе можетъ дать истиннаго сверхчеловѣка. Всѣ народы проснулись, встряхнулись, и тѣ, кто долгіе годы ждали въ ночи, отказываясь поклониться идолу матеріализма, съ радостью видятъ теперь зарожденіе новаго дня. Настаегъ пора освобожденія. Искусствомъ будущаго будетъ искусство жить, и въ этой творческой работѣ будутъ участвовать всѣ: піонеры, священники, поэты, строители, ученые и слуги. Радость каждаго художника будетъ такъ велика, что въ этомъ мірѣ творцовъ не будетъ ни времени, ни мѣста для разрушенія.

Статья д-ра Хэдэнъ Геста, „Молотъ и наковальня“, посвящена разсмотрѣнію вопроса о способахъ, которыми производятся перевороты въ міровоззрѣніи человѣчества. Авторъ приходитъ къ тому выводу, что „мощныя силы, которыя управляютъ народами, выковываютъ судьбы націй, укрѣпляютъ или расшатываютъ имперіи, порождаются умами и сердцами людей, думающихъ о мірѣ, видящихъ видѣнія будущаго и отдающихъ себя служенію міру. Эти могучія силы исходятъ изъ умовъ ученаго, поэта, мечтателя, теоретика. Въ силу того, что они созвучны съ болѣе тонкими и сильными аспектами жизни, они и созерцаютъ видѣніе, заслоненное отъ толпы сутолокой мыслей, чувствъ и обстоятельствъ ближайшаго времени. И фрагментъ видѣнія, которое они созерцаютъ, двигаетъ могучую міровую машину.

Дарвинъ поднялъ уголокъ тайнъ Природы на одной небольшой планетѣ и увидѣлъ ослѣпительную панораму эволюирующихъ формъ. Гете, Ламаркъ, Спенсеръ видѣли еще дальше. И эти проблески видѣнія измѣнили міръ. Лассаль и Маркъ смотрѣли за предѣлы очевиднаго въ нашей общественной жизни и увидѣли будущее, полное прекрасныхъ возможностей. Ученые, философы, поэты, проповѣдники, государственные дѣятели—всѣ они смотрятъ поверхъ фактовъ на значеніе фактовъ, поверхъ извѣстныхъ намъ вещей—на идеи, скрывающіяся за ними. Изъ міра идей исходитъ великая, непобѣдимая сила, чрезъ которую народы вырастаютъ до полноты бытія. Въ этомъ мірѣ люди видятъ

видѣніе, и каждый по-своему переводить это видѣніе на языкъ отчасти доступный намъ. Тѣ, которые сами не созерцали видѣнія, читають слова ученаго или государственнаго дѣятеля или поэта и воспламеняются отраженіемъ его. Мы ходимъ среди людей и говоримъ, что думаемъ и чувствуемъ, а божественный огонь Идеи зажигаетъ міръ и освобождаетъ божественную силу въ сердцѣ каждаго человѣка.

Люди, видящіе идеи поверхъ фактовъ ежедневной жизни, и являются орудіями прогресса. Отраженіе этого видѣнія было двигательной силой въ борьбѣ за политическую свободу. Отраженіе этой идеи было двигательной силой въ социальномъ движеніи. Тамъ, въ мірѣ идей, вѣчно пребываетъ совершенное видѣніе человѣка, для котораго жизнь ужъ не загадка, а полнота достиженія. Одинъ вѣкъ видитъ проблескъ этого видѣнія и думаетъ, что дорога къ нему ведетъ черезъ политику; другой вѣкъ видитъ проблескъ его и думаетъ, что къ нему можно прійти черезъ совершенство экономическаго устройства. Оба вѣка до нѣкоторой степени успѣваютъ, но въ значительной мѣрѣ разочаровываются, и разочарованіе это возвращаетъ людей къ фактамъ. Факты представляютъ завѣсу, черезъ которую надо проникнуть до идеи, скрывающейся за ними, и снова мыслители и поэты и государственные дѣятели созерцають вѣчное Видѣніе и стараются изобразить его на языкѣ понятномъ толпѣ, и толпа снова старается осуществить ихъ въ жизни. Такъ идетъ процессъ эволюціи.

Алиса Адеръ, въ статьѣ: „Теософія, красота и искусство“, отиравается изъ той мысли: что искусство есть вселенская необходимость, и что оно является столь же жизненнымъ факторомъ въ развитіи и ростѣ человѣчества, какъ и религія. Теософія говоритъ, что человѣкъ эволюируетъ путемъ раскрытія эмоцій и интеллекта; она утверждаетъ также, что красота есть атрибутъ Божества, проявленнаго въ матеріи. Она вездѣсуща, присутствуя въ каплѣ росы, въ песчинкѣ, въ движеніи свѣтила, въ полетѣ орла и въ жемчужинѣ на днѣ океана.

Красота есть совершенное равновѣсіе между интеллектомъ и эмоціей, совершенная гармонія между формой и животворящей ее жизнью.

Наука, математика и философія усиливають мощь интеллекта; религія и искусство—мощь эмоцій. Изъ этого видно, насколько значительно мѣсто, занимаемое искусствомъ въ жизни. Интересно отношеніе между религіей и искусствомъ. Оба дѣй-

ствують на эмоціи, но разница между ними ей та, что религія ставитъ, какъ идеаль, торжество Духа надъ матеріей, а искусство — торжество Духа въ матеріи. Религія подчеркиваетъ трансцендентальность Бога, искусство—имманентность Его. Святой сознаетъ свою божественность путемъ освобожденія отъ формы по повелѣнію Духа. Художникъ сознаетъ свою божественность путемъ изліянія своего Духа въ ограниченія формы.

У художника поклоненіе красотѣ является преобладающей страстью въ жизни. Онъ не проповѣдуетъ и не учитъ, а лишь провозглашаетъ свою радость о красотѣ въ музыкѣ, въ живописи, въ скульптурѣ. Она поднимаетъ его на высоты, недоступныя обыкновеннымъ смертнымъ, въ силу чего красота, выраженная въ художественномъ произведеніи,—особаго рода и можетъ быть понята въ полномъ ея объемѣ лишь людьми, получившими художественное воспитаніе, утончающее воспріятіе красоты.

Для воспитанія художественнаго вкуса необходимы три фактора: честность передъ самимъ собой, т. е. отсутствіе стремленія поддѣлываться подъ вкусы другихъ; простота, т. е. отсутствіе ненужныхъ и вычурныхъ деталей; и гибкость, т. е. сознаніе, что красота есть живая сила, и что художникъ не можетъ быть связанъ традиціями и формами прошлаго, какъ бы прекрасны онѣ ни были. Великіе художники всегда смотрятъ впередъ; они видятъ все новыя, небывалыя красоты, и для выраженія ихъ въ матеріи имъ нужна полная свобода. Художникъ не жрецъ, и не учитель; онъ свидѣтель и толковникъ вѣчно сущей божественной реальности.

„Theosophy in Scotland“ помѣстила на своихъ страницахъ интересное толкованіе оперы Моцарта: „Волшебная флейта“, взятое изъ книги г-жи Куперъ-Оклей: „Мистическія преданія“. Авторъ ея указываетъ на разнообразіе художественныхъ формъ, облекающихъ собою сокровенныя ученія. Примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить „Волшебная флейта“. Какъ извѣстно теперь, эта опера содержитъ несомнѣнныя указанія на масонство и египетскія мистеріи, столь тѣсно связанныя съ нимъ. Моцартъ былъ ревностнымъ и преданнымъ членомъ братства свободныхъ каменщиковъ, и „Волшебная флейта“ послужила ему средствомъ передачи ихъ ученій и вмѣстѣ съ тѣмъ протеста противъ гоненій, которымъ подвергалось въ то время масонство въ Австріи.

Главная аллегорія сюжета рисуетъ борьбу между ортодоксальностью и свободомысліемъ. Онѣ представлены королевой

Ночи или, иначе, императрицей Маріей Терезіей и Сарастромъ, жрецомъ храма Изиды, изображающимъ нѣкоего Борна, извѣстнаго металлурга, основавшаго масонскую ложу въ Вѣнѣ. Сарастръ похищаетъ Памину, дочь королевы, и поселяетъ ее въ храмъ, съ намѣреніемъ воспитать ее согласно своимъ идеаламъ и вдали отъ вліянія матери. Памина представляетъ австрійскій народъ въ лучшемъ его аспектѣ.

Основой всего сюжета служить сказка, но нетрудно разгадать истинный смыслъ и распознать въ героѣ его кандидата въ поискахъ за истиной. Мистическая нота выявляется въ первомъ же актѣ. Тамино появляется, преслѣдуемый змѣемъ суевѣрія и фанатизма, который долженъ быть уничтоженъ, безъ чего искаатель истины не можетъ идти впередъ. Папагено, слуга Тамино, изображаетъ веселый элементъ въ австрійскомъ народѣ. Онъ также прототипъ примитивнаго человѣка, думающаго, главнымъ образомъ, о физическомъ comfortѣ. Онъ кое-что знаетъ, но не умѣетъ молчать, за что его лишаютъ обычной порціи винныхъ ягодъ и замыкаютъ ротъ золотымъ замкомъ. Въ египетскихъ мистеріяхъ винныя ягоды являлись символами истины. Костюмъ Папагено, состоящій изъ бѣлыхъ перьевъ, указываетъ на масонскій передникъ изъ бѣлой шкуры ягненка, служащій символомъ чистоты--первой и необходимой добродѣтели неофита.

Тамино старается спасти Памину, въ изображеніе которой онъ влюбляется. Такимъ образомъ, передъ нами старая исторія поисковъ высшаго Я, и Тамино получаетъ свою принцессу лишь послѣ испытанія и посвященія.

Интересна постепенная перемѣна, происходящая въ міровоззрѣніи героя. Онъ сначала думаетъ, что Сарастръ дурной человѣкъ, потому что онъ удерживаетъ Памину помимо ея воли. Но у воротъ храма заблужденія и предубѣжденіе оставляютъ его. Тоскуя въ невѣдѣніи, онъ проситъ свѣта; ему дается свѣтъ, и съ той минуты онъ направляется навстрѣчу высшему знанію. Символизмъ его семиконечнаго щита ясенъ, и его свита изъ львовъ напоминаетъ намъ, что въ Египтѣ царь звѣрей былъ священнымъ животнымъ. Его тирада о братствѣ, ставшая бессмертной благодаря Моцартовской музыкѣ, составляетъ также одинъ изъ многихъ признаковъ, указывающихъ на идеалы истиннаго масонства.

Въ увертюрѣ Моцартъ вставляетъ три группы тяжелыхъ, многозначительныхъ аккордовъ, составляющихъ музыкальную передачу стуконъ, связанныхъ съ масонскимъ церемоніаломъ.

вамъ самымъ убѣжденнымъ тономъ, что они — Наполеонъ Бонапартъ или Георгъ Вашингтонъ, и очень обидятся, если вы поднимете ихъ насмѣхъ.

Очень возможно, что мой пріятель съ шекспировскимъ стремленіемъ былъ любительскимъ актеромъ на землѣ. Если бы онъ былъ профессиональнымъ артистомъ, онъ навѣрное назвалъ бы свое имя, болѣе или менѣе неизвѣстное, поясняя при этомъ, что онъ былъ всѣмъ извѣстной знаменитостью такой-то.

Здѣсь очень часто гордятся своими земными талантами, особенно тѣ, которые недавно перешли сюда. Со временемъ это все болѣе уменьшается, и интересы становятся болѣе общими.

Люди не перестаютъ быть людьми только потому, что они перешли границу видимаго для васъ міра. Въ дѣйствительности ихъ характерныя черты становятся еще болѣе преувеличенными, потому что здѣсь гораздо меньше запретовъ. Здѣсь не налагается никакихъ наказаній за принятіе на себя чужого имени. Такія вещи не принимаются здѣсь въ серъезъ, ибо для болѣе яснаго зрѣнія этого міра надѣтыя личины слишкомъ прозрачны.

Письмо XLIII.

Наслѣдники Гермеса.

Много вѣрнаго, но точно такъ же много и вздора говорится объ Адептахъ и Учителяхъ, которые живутъ и работаютъ на невидимыхъ планахъ. Въ настоящее время и я живу на такъ называемомъ астральномъ планѣ, и то, что я скажу вамъ о немъ, есть результатъ опыта, а не теоріи.

Я встрѣчалъ здѣсь Адептовъ—да, и Учителей. Одинъ изъ нихъ научилъ меня многому и руководилъ моими первыми шагами въ этомъ мірѣ.

Не бойтесь вѣрить въ Учителей. Учителя, это—люди, поднявшіеся до высочайшей ступени могущества: и они всегда—все равно, воплощены они, или развоплощены—работаютъ на этомъ планѣ жизни. Учитель можетъ вступать на него и снова удаляться, по желанію.

Нѣтъ, я не собираюсь объяснять, какъ это дѣлается. Слишкомъ быстрые люди, недостижшіе степени Учителя, могли бы попробовать и—не вернуться назадъ. Знаніе есть сила; но есть такая сила, которая можетъ быть опасна, если она примѣняется безъ достаточнаго запаса мудрости.

Всѣ человѣческія существа носятъ въ себѣ зародышъ Учителства. Это можетъ послужить ободреніемъ для людей, которые стремятся къ болѣе интенсивной жизни, чѣмъ обыкновенное существованіе. Но достиженіе ступени Учителя есть постепенный и обыкновенно очень медленный ростъ.

Мой здѣшній руководитель принадлежитъ къ ступени Учителя.

Здѣсь есть руководители, которые не достигли этой ступени, точно такъ же какъ есть преподаватели на землѣ, которые не достигли званія профессора; но тотъ, кто имѣетъ желаніе учить тому, что знаетъ самъ, находится на вѣрной дорогѣ.

Я не стану скрывать, что мой Учитель одобряетъ мое стремленіе познакомить міръ съ здѣшной жизнью, которая непосредственно слѣдуетъ за тѣмъ, что вы называете смертью. Если бы онъ не одобрилъ, я преклонился бы передъ его высшей мудростью.

Нѣтъ, дѣло не въ его имени. Я буду продолжать называть его моимъ Учителемъ, когда буду отъ времени до времени приходить къ вамъ. Черезъ нѣкоторое время я, вѣроятно, совѣмъ перестану приходить. Не потому, что я перестану интересоваться вами; но потому, что я долженъ буду удалиться далеко отъ вашего міра, чтобы узнать вещи, пониманіе которыхъ требуетъ ослабленія земныхъ связей. Позднѣе я, можетъ быть, снова вернусь; но я не даю обѣщанія. Я приду, если смогу, если это окажется мудрымъ, и если вы будете въ настроеніи принять меня.

Не думаю, чтобы я могъ сообщаться черезъ кого-нибудь другого и писать письма, подобныя этимъ. Мнѣ пришлось бы провести другую личность черезъ тотъ же процессъ, черезъ который прошли вы, и я знаю, что немногіе, даже изъ тѣхъ, которые были моими друзьями, способны довѣриться мнѣ въ такой же степени, какъ вы. И потому, послѣ моего удаленія, не закрывайте дверей слишкомъ плотно на случай, если бы я захотѣлъ снова придти, ибо возможно, что я сообщу вамъ нѣчто чрезвычайно важное. Но, съ другой стороны, сами вы, пожалуйста, не зовите меня; такимъ зовомъ вы можете отвлечь меня отъ важной задачи. Я не могу сказать навѣрно, что вы въ силахъ это сдѣлать, но это возможно, и это было бы нежелательно для меня.

Остающийся на землѣ можетъ призывать съ такой сосредоточенной силой друга, перешедшаго далеко за земную атмосферу, что этой душѣ придется вернуться слишкомъ рано въ отвѣтъ на горячій призывъ.

Не забывайте мертвыхъ, пока они не приобрѣтутъ достаточно силы, чтобы быть счастливыми безъ вашей памяти о нихъ; но не насѣдайте слишкомъ сильно на нихъ.

Учителя, о которыхъ я только-что говорилъ, могутъ оставаться и близко и далеко, какъ имъ захочется; и они могутъ отвѣчать и не отвѣчать, но обыкновенная душа очень чувствительна къ призыву тѣхъ, которыхъ она любила на землѣ.

Мнѣ пришлось видѣть мать, усиленно отвѣчающую на слезы и мольбу своего ребенка, но ей не удалось дать ему почувствовать свое присутствіе. Такія неудачи бывають причиной большой грусти для нѣкоторыхъ матерей.

Однажды мнѣ удалось видѣть моего Учителя, какъ онъ помогъ одной матери войти въ сношеніе съ осиротѣлой дочерью, бывшей въ большомъ горѣ. Сердце моего Учителя отзывается съ необыкновенной нѣжностью на страданія міра; и въ то же время онъ поясняетъ съ необыкновенной силой величайшія проблемы мысли. Онъ являетъ собой олицетвореніе трижды великаго Гермеса Трисмегиста—великаго тѣломъ, великаго умомъ, великаго сердцемъ.

Онъ очень любитъ дѣтей, и однажды, когда я былъ невидимо въ домѣ одного изъ моихъ земныхъ друзей, и его маленький сынъ, упавъ, расшибся и началъ горько плакать, мой великій Учитель, котораго я видѣлъ буквально повелѣвающимъ „легіономъ ангеловъ“, наклонился въ своей астральной формѣ надъ ребенкомъ и началъ утѣшать и ласкать его.

Меня это очень поразило, и я сказалъ ему о своемъ удивленіи; онъ отвѣтилъ на это, что помнитъ свое собственное дѣтство въ различныхъ странахъ, и что въ памяти его сохранилось до сихъ поръ ощущеніе отъ физической боли и потрясеніе отъ физическаго паденія.

Онъ прибавилъ, что дѣти страдаютъ гораздо болѣе, чѣмъ старшіе думаютъ, и что смятеніе, которое вызывается приспособленіемъ къ новому, нѣжному и растущему тѣлу, вызываетъ часто сильное страданіе.

Такъ, постоянный крикъ нѣкоторыхъ младенцевъ вызывается ихъ безсиліемъ передъ Геркулесовой задачей сформировать то тѣло, черезъ которое будетъ проявляться ихъ духъ.

Онъ рассказалъ мнѣ исторію одного изъ своихъ прежнихъ воплощеній, когда онъ еще не былъ Учителемъ, и какого тяжелаго труда ему стоило построить для себя тѣло. Онъ могъ припомнить малѣйшія подробности той далекой, далекой жизни.

Однажды мать наказала его за что-то, чего онъ не сдѣлалъ, и когда онъ сталъ отрицать свою вину, она бранила его за ложь, не понимая—несмотря на всю свою доброту—что правда была въ самой основѣ той души, которой она дала внѣшнюю форму. Онъ прибавилъ, что именно послѣ *этого* дѣтскаго страданія, столѣтія назадъ, началась его сознательная борьба противъ несправедливости, которая сдѣлала изъ него друга и наставника человѣчества.

Онъ придаетъ большое значеніе возстановленію памяти прошлаго, потому что эти воспоминанія раскрываютъ передъ нами всѣ пути, по которымъ шло развитіе нашей души.

Какъ общее правило, Учителя не говорятъ о своемъ прошломъ и ссылаются на него только тогда, когда ихъ личный опытъ помогаетъ понять тотъ или другой законъ, который они хотятъ разъяснить. Идущаго ощупью чрезвычайно ободряетъ мысль о томъ, что достигнувшій большихъ высотъ долженъ былъ проходить черезъ тѣ же испытанія, которыя такъ мучаютъ его самого.

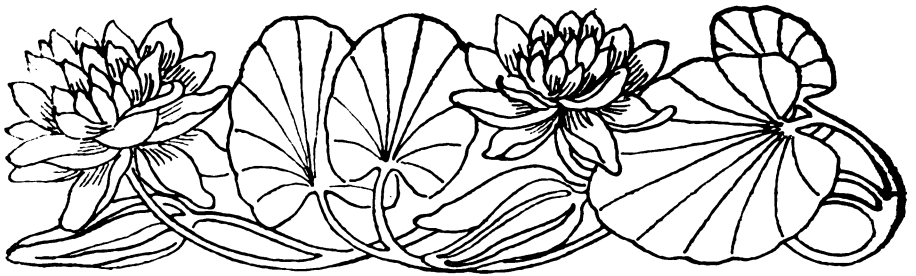
Пер. Е. П.

Когда Спаситель призывалъ своихъ учениковъ, Онъ всегда говорилъ имъ: «Слѣдуй за мной!» Отсюда явствуетъ, что тѣ, кто призываются къ духовной жизни и къ евангельскому совершенству, призываются подражать Спасителю въ Его человѣчности, и осуществлять праведность по Его примѣру.

Героическимъ трудомъ и великими добродѣтелями ты завоеуешь сердце Возлюбленнаго Учителя; ты завоеуешь его и осуществленіемъ самыхъ малыхъ и ничтожныхъ добрыхъ качествъ.

Св. Фр. де-Саль.

Обозрѣніе теософической литературы.

„Въ наше время почти всеобщей скорби, пишетъ авторъ статьи: „Что такое смерть“, въ *Theosophist*'ѣ, одна изъ темъ, наиболѣе близкихъ намъ и болѣе всего влияющихъ на нашу жизнь, есть вопросъ о смерти“. Наши воззрѣнія на смерть могутъ принести намъ сильныя страданія или вовсе избавить насъ отъ нихъ. Въ нашихъ разсужденіяхъ о смерти мы забываемъ одинъ фактъ, который, будучи самымъ реальнымъ и очевиднымъ въ той жизни, за завѣсой, могъ бы болѣе всего утѣшить насъ. Это тотъ фактъ, что „умирая“ мы не отрываемся внезапно отъ земли и отъ всего того, что мы на ней любимъ. Природа живетъ на основаніи незыблемыхъ законовъ, не допускающихъ никакихъ скачковъ, потому не можетъ быть скачка и при переходѣ изъ одного міра въ другой. Болѣе углубленное изученіе Законовъ жизни выясняетъ намъ, что мы можемъ судить о невидимомъ по видимому, въ силу другого незыблемаго закона бытія: какъ наверху, такъ и внизу.

Въ эволюціи формъ не выпадаетъ ни малѣйшее звено; такъ и въ жизни Духа не можетъ быть быстрой перемѣны; каждое состояніе походитъ на предыдущее и подготавливаетъ послѣдующее. Промежуточной міръ, или такъ называемый рай, не отдѣленъ отъ насъ непроходимой бездной; онъ окружаетъ насъ, касается насъ; если бы могли этому повѣрить, мы бы знали, что, сбрасывая съ себя физическую форму, Духъ общается съ нами гораздо тѣснѣе и непосредственнѣе, чѣмъ когда его отдѣляла отъ насъ эта самая физическая форма. Наши „умершіе“ счастливы, чѣмъ здѣсь на землѣ, и они не пожелали бы вернуться на нее даже если бы могли; но одно для нихъ тягостно—это наша скорбь о нихъ.

потому, что они занимались истолкованіемъ всѣхъ священныхъ легендъ и разсказовъ, міѳовъ и мистерій по принципу аналогіи и соотношенія, такъ что происшествіе, передаваемое какъ совершившееся во внѣшнемъ мірѣ, разсматривалось, какъ выраженіе переживаній и дѣйствія человѣческой души.

Они были также называемы неоплатониками. Хотя Теософія или эклектическая теософская система приписывается обыкновенно третьему столѣтію, но если довѣрять Диогену Лаэртію (жилъ въ началѣ III вѣка по Р. Х., написалъ нѣчто въ родѣ исторіи философіи, очень важный источникъ, т. к. многія сочиненія греч. фил., вошедшія въ нее, утеряны), происхожденіе ея значительно древнѣе, такъ какъ онъ приписываетъ эту систему египетскому жрецу Тотъ-Амунъ, который жилъ въ ранніе дни династіи Птоломеевъ. Тотъ же самый авторъ говоритъ намъ, что имя это коптское и означаетъ посвященнаго Амуну, Богу Мудрости.

Теософія равнозначуща съ санскритскимъ Brahma Vidya, Божественное знаніе.

Вопр. Какая цѣль была у этой системы?

Отв. Прежде всего запечатлѣть извѣстныя нравственныя истины въ сознаніи учениковъ и всѣхъ любителей истины. Отсюда девизъ, принятый Теософическимъ О-вомъ: „Нѣтъ религіи выше истины.“

Святые придавали большое значеніе малымъ добродѣтелямъ. Они помнили, что пренебрегающій малыми отступленіями, легко впадаетъ въ большіе грѣхи.

Св. Фр. де-Саль.

Сборникъ памяти Анны Павловны Философовой, подъ редакціей Д. В. Философова, въ 2-хъ томахъ, Петроградъ, 1915 г. Цѣна 10 р.

Вскорѣ послѣ кончины А. П. Философовой среди ея друзей возникла мысль объ изданіи сборника ея памяти. Сообща былъ намѣченъ планъ сборника. Составленіе біографическаго очерка было поручено А. В. Тырковой.

«Заслуга Анны Павловны передъ русскими женщинами огромна, пишетъ А. В. Тыркова. — Благодаря желѣзной энергіи, дѣятельному душевному горѣнію этой свѣтской красавицы, слѣдующія поколѣнія русскихъ женщинъ могли уже жить новой, расширенной жизнью»...

«Простая, свободная отъ догматики, по жизни непосредственная, она не боялась отдаваться чувству. Но за быстрой, подвижной впечатлительностью таилась въ этомъ умномъ сердцѣ цѣльная преданность разъ навсегда воспринятымъ нравственнымъ и религіознымъ идеямъ. Способность къ энтузіазму, служеніе отвлеченному началу, напряженность соціальныхъ эмоцій высшаго порядка, умѣніе во имя нихъ сплочивать и воодушевлять людей, вотъ что несла Анна Павловна въ русскую жизнь. «Прежде жены, матери и семьянинки—я человекъ и гражданка, писала она, я люблю свое отечество и болѣю его болями».

Сборникъ составленъ умѣло и съ большой любовью. Первый томъ весь посвященъ біографіи Анны Павловны. Въ II вошли: Статьи-воспоминанія А. Ф. Кони, П. С. Стасовой, Е. Жуковской-Цѣнной, Е. Лѣтковой, А. Милюковой, А. Каменской, Е. Полуэктовой, Н. И. Манасеиной, и рѣчи А. И. Шабановой, Ф. И. Родичева, М. М. Ковалевскаго, Н. Котляревскаго, А. Каменской, Г. А. Фальборка и А. Калмыковой.

(Эти рѣчи были произнесены на торжественномъ засѣданіи памяти А. П. Философовой).

Къ сборнику приложены описаніе 40-лѣтняго юбилея А. П. Философовой, текстъ адресовъ, замѣтка о 50-лѣтнемъ юбилеѣ; описаніе похоронъ, погребенія, письма и телеграммы, полученныя по этому случаю, нѣсколько рѣчей памяти ея, письма И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевскаго, написанныя А. П. Философовой, и отвѣтъ ея И. С. Тургеневу.

Книга издана превосходно и содержитъ помимо цѣнныхъ статей чудесныя иллюстраціи. Мы видимъ Анну Павловну молодой женщиной— и зрѣлой общественной дѣятельницей, ея семью, ея сотрудниковъ, ея обстановку, паркъ и часовню въ ея любимомъ имѣніи, Богдановскомъ, сцены изъ ея жизни, и все это проходитъ передъ нами въ видѣ очаровательныхъ картинъ, воскрешающихъ ярко память о свѣтлой душѣ, носившей на землѣ имя Анны Павловны Философовой.

Въ біографіи А. Тырковой упоминается и Теософія. Много интересныхъ и вѣрныхъ замѣчаній дѣлаетъ біографъ, анализируя душевныя стремленія приведшія Анну Павловну къ Теософіи, но есть и мѣста, въ которыхъ сквозитъ непониманіе. Такъ, она пишетъ: «Она не могла принять созерцательное бездѣйствіе, которое составляетъ одну изъ ступеней ученичества»... Этимъ обстоятельствомъ объясняетъ біографъ критическое отношеніе, сквозившее въ сдѣланныхъ ею на поляхъ теософическихъ книгъ замѣчаніяхъ. Анна Павловна полемизируетъ съ др. Штейнеромъ; она подчеркиваетъ въ автобіографіи А. Безантъ всѣ мѣста, которыя находятъ особый откликъ въ ея душѣ. Она горячо говоритъ о засѣданіяхъ Теософическаго Общества, объ открывшемся ей новомъ мірѣ. Но въ ея дневникѣ есть замѣтка по поводу самодисциплины, о которой такъ много говорится въ теософической литературѣ, и это было непонято біографомъ. По складу своей души Анна Павловна была противницей дисциплины, хотя сама неустанно работала надъ самосовершенствованіемъ.

Это отрицательное отношеніе къ какимъ бы то ни было рамкамъ ярко сказалось въ тѣхъ записяхъ, которыя приводитъ ея біографъ. Здѣсь, конечно, было недоразумѣніе. Никто не можетъ ни на кого наложить какихъ-нибудь внѣшнихъ ограниченій въ сферѣ нравственной работы. Только сама душа, признавшая значеніе Благаго Закона, можетъ возжаждать дисциплины, какъ лучшей помощи для своей работы, и наложить на себя опредѣленные обязательства.

Такое же недоразумѣніе звучитъ въ словахъ біографа о «созерцательномъ бездѣйствіи, одной изъ ступеней ученичества». Чѣмъ человѣкъ больше развивается духовно, тѣмъ больше растетъ и его долгъ къ міру. Бездѣятельный человѣкъ не можетъ стать «ученикомъ», такъ какъ ученичество есть въ высшей степени интенсивная дѣятельность на всѣхъ планахъ. Методы работы теософа разнятся отъ обычныхъ методовъ, такъ какъ онъ не можетъ принять путей страсти и насилія. Его миссія— строить, а не разрушать; любить, а не разъединять. Но онъ принимаетъ борьбу со зломъ и въ ней участвуетъ. Только его борьба никогда не соединяется съ враждой и ненавистью.

Это разъединеніе злой эмоціи и рѣшительнаго поступка, дѣятель-

ствуютъ на эмоціи, но разница между ними ей та, что религія ставитъ, какъ идеаль, торжество Духа надъ матеріей, а искусство — торжество Духа въ матеріи. Религія подчеркиваетъ трансцендентальность Бога, искусство—имманентность Его. Святой сознаетъ свою божественность путемъ освобожденія отъ формы по повелѣнію Духа. Художникъ сознаетъ свою божественность путемъ изліянія своего Духа въ ограниченія формы.

У художника поклоненіе красотѣ является преобладающей страстью въ жизни. Онъ не проповѣдуетъ и не учитъ, а лишь провозглашаетъ свою радость о красотѣ въ музыкѣ, въ живописи, въ скульптурѣ. Она поднимаетъ его на высоты, недоступныя обыкновеннымъ смертнымъ, въ силу чего красота, выраженная въ художественномъ произведеніи,—особаго рода и можетъ быть понята въ полномъ ея объемѣ лишь людьми, получившими художественное воспитаніе, утончающее воспріятіе красоты.

Для воспитанія художественнаго вкуса необходимы три фактора: честность передъ самимъ собой, т.-е. отсутствіе стремленія поддѣлываться подъ вкусы другихъ; простота, т.-е. отсутствіе ненужныхъ и вычурныхъ деталей; и гибкость, т.-е. сознаніе, что красота есть живая сила, и что художникъ не можетъ быть связанъ традиціями и формами прошлаго, какъ бы прекрасны онѣ ни были. Великіе художники всегда смотрятъ впередъ; они видятъ все новыя, небывалыя красоты, и для выраженія ихъ въ матеріи имъ нужна полная свобода. Художникъ не жрецъ, и не учитель; онъ свидѣтель и толковникъ вѣчно сущей божественной реальности.

„Theosophy in Scotland“ помѣстила на своихъ страницахъ интересное толкованіе оперы Моцарта: „Волшебная флейта“, взятое изъ книги г-жи Куперъ-Оклей: „Мистическія преданія“. Авторъ ея указываетъ на разнообразіе художественныхъ формъ, облакающихъ собою сокровенныя ученія. Примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить „Волшебная флейта“. Какъ извѣстно теперь, эта опера содержитъ несомнѣнныя указанія на масонство и египетскія мистеріи, столь тѣсно связанныя съ нимъ. Моцартъ былъ ревностнымъ и преданнымъ членомъ братства свободныхъ каменщиковъ, и „Волшебная флейта“ послужила ему средствомъ передачи ихъ ученій и вмѣстѣ съ тѣмъ протеста противъ гоненій, которымъ подвергалось въ то время масонство въ Австріи.

Главная аллегорія сюжета рисуетъ борьбу между ортодоксальностью и свободомысліемъ. Онѣ представлены королевой

Ночи или, иначе, императрицей Маріей-Терезіей и Сарастромъ, жрецомъ храма Изиды, изображающимъ нѣкоего Борна, извѣстнаго металлурга, основавшаго масонскую ложу въ Вѣнѣ. Сарастръ похищаетъ Памину, дочь королевы, и поселяетъ ее въ храмъ, съ намѣреніемъ воспитать ее согласно своимъ идеаламъ и вдали отъ вліянія матери. Памина представляетъ австрійскій народъ въ лучшемъ его аспектѣ.

Основой всего сюжета служить сказка, но нетрудно разгадать истинный смыслъ и распознать въ героѣ его кандидата въ поискахъ за истиной. Мистическая нота выявляется въ первомъ же актѣ. Тамино появляется, преслѣдуемый змѣемъ суевѣрія и фанатизма, который долженъ быть уничтоженъ, безъ чего искаатель истины не можетъ идти впередъ. Папагено, слуга Тамино, изображаетъ веселый элементъ въ австрійскомъ народѣ. Онъ также прототипъ примитивнаго человѣка, думающаго, главнымъ образомъ, о физическомъ комфортѣ. Онъ кое-что знаетъ, но не умѣетъ молчать, за что его лишаютъ обычной порціи винныхъ ягодъ и замыкаютъ ротъ золотымъ замкомъ. Въ египетскихъ мистеріяхъ винныя ягоды являлись символами истины. Костюмъ Папагено, состоящій изъ бѣлыхъ перьевъ, указываетъ на масонскій передникъ изъ бѣлой шкуры ягненка, служащій символомъ чистоты—первой и необходимой добродѣтели неопита.

Тамино старается спасти Памину, въ изображеніе которой онъ влюбляется. Такимъ образомъ, передъ нами старая исторія поисковъ высшаго Я, и Тамино получаетъ свою принцессу лишь послѣ испытанія и посвященія.

Интересна постепенная перемѣна, происходящая въ міровоззрѣніи героя. Онъ сначала думаетъ, что Сарастръ дурной человѣкъ, потому что онъ удерживаетъ Памину помимо ея воли. Но у воротъ храма заблужденія и предубѣжденіе оставляютъ его. Тоскуя въ невѣдѣніи, онъ проситъ свѣта; ему дается свѣтъ, и съ той минуты онъ направляется навстрѣчу высшему знанію. Символизмъ его семиконечнаго щита ясенъ, и его свита изъ львовъ напоминаетъ намъ, что въ Египтѣ царь звѣрей былъ священнымъ животнымъ. Его тирада о братствѣ, ставшая бессмертной благодаря Моцартовской музыкѣ, составляетъ также одинъ изъ многихъ признаковъ, указывающихъ на идеалы истиннаго масонства.

Въ увертюрѣ Моцартъ вставляетъ три группы тяжелыхъ, многозначительныхъ аккордовъ, составляющихъ музыкальную передачу стуконъ, связанныхъ съ масонскимъ церемоніаломъ.

Они появляются и во второмъ актѣ, когда жрецы принимаютъ Тамино въ кандидаты. Вся процедура посвященія довольно ясно обрисована и очень напоминаетъ описаніе церемоній древняго Египта. Тамино подвергается искусамъ молчанія и отреченія. Великолѣпна сцена, когда священники идутъ процессіей въ пальмовую рощу и окружаютъ алтарь, посвященный Истинѣ, воспѣвая гимнъ Изидѣ и Озирису. Актъ послѣдней жертвы соединяетъ влюбленныхъ; они преодолеваютъ страхъ смерти и проходятъ черезъ испытанія огнемъ и водой, послѣ чего они появляются торжествующіе въ сіяніи великаго Свѣта. Опера заканчивается большимъ финаломъ, воспѣвающимъ Силу, Мудрость и Красоту.

В. Пушкина.

Помни, что передъ самой смертью своей Спаситель обратился къ своимъ ученикамъ, желая запечатлѣть въ ихъ сердцахъ свою послѣднюю волю и завѣтъ. Онъ имъ сказалъ: «Моя воля, чтобы вы любили другъ друга. По вашей любви другъ къ другу узнаютъ, что вы—мои ученики».

О Мать скорби и источникъ любви, никогда не давай мнѣ отходить отъ подножія пресвятого Креста!

Небо и земля полны величія Бога, Который во всѣхъ вещахъ и всюду, посредствомъ Своей сути, Своего присутствія и Своего Моущества.

Св. Фр. де-Саль.

Хроника теософическаго движенія.

= Представитель Т. О-ва въ Англии, д-ръ Гаденъ-Гестъ, подаль въ отставку въ виду того, что онъ въ настоящее время совершенно захваченъ своею врачебною дѣятельностью на фронтѣ. Въмѣсто него единогласно былъ избранъ извѣстный англійскій дѣятель и писатель Джорджъ Арундель.

Въ статьѣ по поводу своего избранія Д. Арундель выражаетъ полное сочувствіе всѣмъ движеніямъ духовно-близкимъ Т. О-ву, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подчеркиваетъ нейтральность Т. О-ва, которое даетъ импульсъ и вдохновеніе многимъ прекраснымъ теченіямъ, оставаясь незыблемымъ и неприкосновеннымъ, какъ широчайшая платформа человѣчества.

Въ органѣ теософическаго движенія въ Англии, въ *Vahan*ъ, перечисляется все, что удалось сдѣлать д-ру Гаденъ-Гесту во время его служенія въ качествѣ врача на войнѣ:

1. Онъ избралъ большой персоналъ врачей, хирурговъ, санитаровъ и сестеръ и устроилъ въ Парижѣ, подъ флагомъ французскаго Краснаго Креста, образцовый госпиталь.
2. Скоро послѣ этого, вернувшись въ Англию, онъ быстро создалъ новый врачебный составъ и открылъ второй образцовый госпиталь въ Лиможѣ.
3. Третій госпиталь былъ имъ устроенъ въ Неверѣ, гдѣ былъ устроенъ также лазаретъ для выздоравливающихъ.
4. Съ помощью члена Т. О-ва, капитана Поцель, ему удалось основать госпиталь въ Калэ.
5. Благодаря его работѣ, англо-французскій комитетъ британскаго Краснаго Креста развилъ большую дѣятельность во Франціи и Англии.
6. Д-ръ Гаденъ-Гестъ объѣздилъ нѣсколько городовъ въ Англии, и его публичныя рѣчи привели къ открытію новыхъ лазаретовъ. Такъ, купечество Ливерпуля собрало большой фондъ для этой цѣли.
7. Онъ посѣтилъ много учреждений въ Бельгии и всюду приносить по-

мость, собирая новыхъ работниковъ и новыя средства. Въ нѣсколькихъ случаяхъ д-ръ Гаденъ-Гестъ устраивалъ летучіе отряды, которые работали на фронтѣ.

Въ настоящее время д-ръ Гестъ основалъ при Т. О-вѣ комитетъ для сбора пожертвованій и подарковъ раненымъ въ связи съ наступающими праздниками.

По послѣднимъ извѣстіямъ, г. Гаденъ-Гестъ основалъ новый базаретъ, при которомъ работаютъ, въ качествѣ ближайшихъ его помощниковъ, г.г. Д. Арундель и Кришнамурти.

Въ Брайтонѣ члены были очень заняты работой помощи бѣженнымъ и раненымъ. Въ настоящее время правильная работа возобновилась, и теософическій кружокъ собирается въ Брайтонѣ еженедѣльно. На первомъ собраніи п-ца г-жа Херъ сказала рѣчь о задачахъ теософическаго кружка. Кружокъ имѣетъ три задачи: 1. Стать почвой воспитанія для членовъ, 2. Каналомъ для Высшихъ Силъ, 3. Центромъ служенія.

Осенью собираются федераціи теософическихъ кружковъ въ Лондонѣ, въ Харогейтѣ и въ Брайтонѣ.

Орденъ служенія при Теософическомъ О-вѣ въ Англіи усилилъ дѣятельность Лиги помощи слѣпымъ и создалъ журналъ, который печатается способомъ Брайля и выходитъ ежемѣсячно. Онъ разсылается бесплатно во многія учрежденія, заботящіяся о слѣпыхъ. Для этой цѣли открытъ специальный сборъ пожертвованій.

Г-нъ Синеттъ читаетъ цикль лекцій въ Лондонѣ на тему: „Теософія и проблемы жизни“.

Кружокъ Е. П. Блаватской въ Лондонѣ выпустилъ брошюру: „Война и духовное пробужденіе“. Это было темой публичной лекціи г-на А. Ли.

Братство Искусствъ приступило къ изданію журнала, который будетъ появляться 4 раза въ годъ.

Недавно г-жа А. Безантъ посѣтила Бомбей. Въ императорскомъ театрѣ она дала серію лекцій: „О возрожденіи Индіи“. Театръ былъ совершенно переполненъ. Лекціи имѣли блестящій успѣхъ. Въ рядахъ публики сидѣло много индусскихъ женщинъ, что является смѣлымъ новаторствомъ (въ Индіи женщины не посѣщаютъ публичныхъ собраній).

Ученый изслѣдователь-египтологъ, А. Боевель-Госсъ, лишенный въ этомъ году возможности совершить свое обычное лѣтнее путешествіе въ Египетъ, описываетъ въ „Ваханѣ“ различныя древне-египетскія рѣдкости, драгоцѣнные амулеты и ожерелья,

подтверждающія оккультныя ученія о глубокихъ научно-философскихъ знаніяхъ, хранившихся въ пирамидахъ.

Г. Ч. Ледбитеръ закончилъ свою серію публичныхъ лекцій въ Австраліи: „О расѣ грядущей“. Въ настоящее время лекторъ отправился въ Новую Зеландію, чтобы предсѣдательствовать на годовомъ Рождественскомъ съѣздѣ въ Окландѣ.

12 Ноября, членъ Калужскаго Отдѣла Р. Т. О-ва, А. Погосская, прочитала въ помѣщеніи Р. Т. О-ва (въ Петроградѣ) докладъ „О значеніи кустарнаго дѣла и о помощи горожанъ деревнѣ“.

15 Ноября, въ 2 ч. дня, состоялось VII годовое собраніе Россійскаго Теософическаго Общества. Послѣ чтенія отчетовъ, выборовъ и утвержденія отчета и смѣты на будущій годъ, собраніе перешло къ текущимъ дѣламъ*). О работѣ на мѣстахъ докладывали предсѣдатели Московскаго, Кіевскаго, Ростовскаго отдѣловъ и А. Погосская отъ Калужскаго отдѣла. Съѣхалось много членовъ изъ другихъ городовъ.

Собраніе продлилось вечеромъ на слѣдующій день и закончилось концертомъ и серіей картинъ волшебнаго фонаря, изъ жизни Христа. Картины сопровождались соответствующей музыкой.

17 Ноября состоялось учредительное Собраніе Товарищества „Бѣла“, которое поставило себѣ цѣлью устроить санаторію новаго типа на Кавказѣ, и которое съ этой цѣлью пріобрѣтаетъ на паяхъ землю по Черноморскому побережью.

18 Ноября была устроена загородная экскурсія на ст. Поповку, и многіе члены, въ особенности пріѣхавшіе издалека, получили возможность пріятно отдохнуть на лонѣ природы, въ тишинѣ Васанты.

11 Декабря I половина рабочаго сезона Т. О-ва закончилась общимъ собраніемъ, на которомъ былъ прочтенъ докладъ В. Н. Пушкиной: „Человѣкъ—творецъ“.

А і в а.

*Прим. Ред. Подробный отчетъ годового Собранія печатается въ ближайшемъ № Извѣстій Р. Т. О-ва.

Не забывайте мертвыхъ, пока они не приобретутъ достаточно силы, чтобы быть счастливыми безъ вашей памяти о нихъ; но не насѣдайте слишкомъ сильно на нихъ.

Учителя, о которыхъ я только-что говорилъ, могутъ оставаться и близко и далеко, какъ имъ захочется; и они могутъ отвѣчать и не отвѣчать, но обыкновенная душа очень чувствительна къ призыву тѣхъ, которыхъ она любила на землѣ.

Мнѣ пришлось видѣть мать, усиленно отвѣчающую на слезы и мольбу своего ребенка, но ей не удалось дать ему почувствовать свое присутствіе. Такія неудачи бываютъ причиной большой грусти для нѣкоторыхъ матерей.

Однажды мнѣ удалось видѣть моего Учителя, какъ онъ помогъ одной матери войти въ сношеніе съ осиротѣлой дочерью, бывшей въ большемъ горѣ. Сердце моего Учителя отзывается съ необыкновенной нѣжностью на страданія міра; и въ то же время онъ поясняетъ съ необыкновенной силой величайшія проблемы мысли. Онъ являетъ собой олицетвореніе трижды великаго Гермеса Трисмегиста-- великаго тѣломъ, великаго умомъ, великаго сердцемъ.

Онъ очень любитъ дѣтей, и однажды, когда я былъ невидимо въ домѣ одного изъ моихъ земныхъ друзей, и его маленький сынъ, упавъ, расшибся и началъ горько плакать, мой великій Учитель, котораго я видѣлъ буквально повелѣвающимъ „легіономъ ангеловъ“, наклонился въ своей астральной формѣ надъ ребенкомъ и началъ утѣшать и ласкать его.

Меня это очень поразило, и я сказалъ ему о своемъ удивленіи; онъ отвѣтилъ на это, что помнитъ свое собственное дѣтство въ различныхъ странахъ, и что въ памяти его сохранилось до сихъ поръ ощущеніе отъ физической боли и потрясеніе отъ физическаго паденія.

Онъ прибавилъ, что дѣти страдаютъ гораздо болѣе, чѣмъ старшіе думаютъ, и что смятеніе, которое вызывается приспособленіемъ къ новому, нѣжному и растущему тѣлу, вызываетъ часто сильное страданіе.

Такъ, постоянный крикъ нѣкоторыхъ младенцевъ вызывается ихъ безсиліемъ передъ Геркулесовой задачей сформировать то тѣло, черезъ которое будетъ проявляться ихъ духъ.

Онъ разсказалъ мнѣ исторію одного изъ своихъ прежнихъ воплощеній, когда онъ еще не былъ Учителемъ, и какого тяжелаго труда ему стоило построить для себя тѣло. Онъ могъ припомнить малѣйшія подробности той далекой, далекой жизни.

Однажды мать наказала его за что-то, чего онъ не сдѣлалъ, и когда онъ сталъ отрицать свою вину, она бранила его за ложь, не понимая—несмотря на всю свою доброту—что правда была въ самой основѣ той души, которой она дала внѣшнюю форму. Онъ прибавилъ, что именно послѣ *этого* дѣтскаго страданія, столѣтія назадъ, началась его сознательная борьба противъ несправедливости, которая сдѣлала изъ него друга и наставника человѣчества.

Онъ придаетъ большое значеніе возстановленію памяти прошлаго, потому что эти воспоминанія раскрываютъ передъ нами всѣ пути, по которымъ шло развитіе нашей души.

Какъ общее правило, Учителя не говорятъ о своемъ прошломъ и ссылаются на него только тогда, когда ихъ личный опытъ помогаетъ понять тотъ или другой законъ, который они хотятъ разъяснить. Идущаго ощупью чрезвычайно ободряетъ мысль о томъ, что достигнувшій большихъ высотъ долженъ былъ проходить черезъ тѣ же испытанія, которыя такъ мучаютъ его самого.

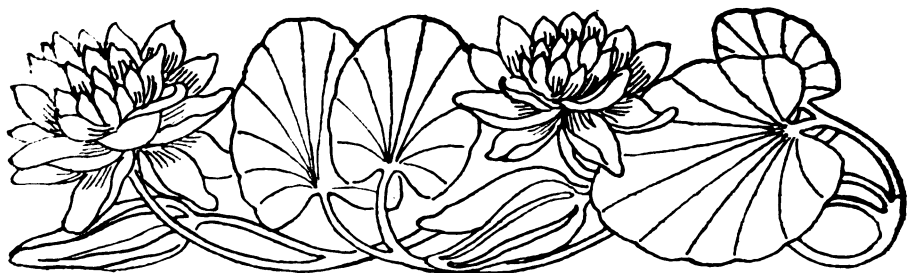
Пер. Е. П.

Когда Спаситель призывалъ своихъ учениковъ, Онъ всегда говорилъ имъ: «Слѣдуй за мной!» Отсюда явствуетъ, что тѣ, кто призываются къ духовной жизни и къ евангельскому совершенству, призываются подражать Спасителю въ Его человѣчности, и осуществлять праведность по Его примѣру.

Героическимъ трудомъ и великими добродѣтелями ты завоеуешь сердце Возлюбленнаго Учителя; ты завоеуешь его и осуществленіемъ самыхъ малыхъ и ничтожныхъ добрыхъ качествъ.

Св. Фр. де-Саль.

Обозрѣніе теософической литературы.

„Въ наше время почти всеобщей скорби, пишетъ авторъ статьи: „Что такое смерть“, въ *Theosophist*’ѣ, одна изъ темъ, наиболѣе близкихъ намъ и болѣе всего вліяющихъ на нашу жизнь, есть вопросъ о смерти“. Наши воззрѣнія на смерть могутъ принести намъ сильныя страданія или вовсе избавить насъ отъ нихъ. Въ нашихъ разсужденіяхъ о смерти мы забываемъ одинъ фактъ, который, будучи самымъ реальнымъ и очевиднымъ въ той жизни, за завѣсой, могъ бы болѣе всего утѣшить насъ. Это тотъ фактъ, что „умирая“ мы не отрываемся внезапно отъ земли и отъ всего того, что мы на ней любимъ. Природа живетъ на основаніи неизблемыхъ законовъ, не допускающихъ никакихъ скачковъ, потому не можетъ быть скачка и при переходѣ изъ одного міра въ другой. Болѣе углубленное изученіе Законовъ жизни выясняетъ намъ, что мы можемъ судить о невидимомъ по видимому, въ силу другого неизблемаго закона бытія: какъ наверху, такъ и внизу.

Въ эволюціи формъ не выпадаетъ ни малѣйшее звено; такъ и въ жизни Духа не можетъ быть быстрой перемѣны; каждое состояніе походитъ на предыдущее и подготавливаетъ послѣдующее. Промежуточной міръ, или такъ называемый рай, не отдѣленъ отъ насъ непроходимой бездною; онъ окружаетъ насъ, касается насъ; если бы могли этому повѣрить, мы бы знали, что, сбрасывая съ себя физическую форму, Духъ общается съ нами гораздо тѣснѣе и непосредственнѣе, чѣмъ когда его отдѣляла отъ насъ эта самая физическая форма. Наши „умершіе“ счастливы, чѣмъ здѣсь на землѣ, и они не пожелали бы вернуться на нее даже если бы могли; но одно для нихъ тягостно—это наша скорбь о нихъ.

Узы любви, привязывавшіе насъ къ нимъ, не расторгаются, и они не могутъ быть счастливы, если мы тоскуемъ. Любовь, самая мощная и вѣчная сила, удерживаетъ ихъ около насъ, и они тщетно стараются насъ утѣшить. Если бы мы перестали скорбѣть, они свободны были бы изслѣдовать прекрасный міръ, въ которомъ они находятся, содержащей въ себѣ красоты и чудеса, превосходящія то, что есть на землѣ.

Не забудемъ еще, что опредѣленныя причины порождаютъ и опредѣленныя послѣдствія. Смерть въ борьбѣ за прекрасное дѣло даетъ и очень высокіе результаты, и чѣмъ больше самопожертвованіе, тѣмъ больше и награда. Но эти прекрасные результаты воздѣйствуютъ и на тѣхъ, кто участвовали въ самопожертвованіи и разстались съ любимыми людьми для спасенія отечества. Ихъ взаимное самопожертвованіе выковало узы между ними, которые будутъ вѣчно соединять ихъ въ ихъ восхожденіи иа протяженіи вѣковъ. Нынѣшняя наша короткая жизнь составляетъ лишь кратчайшій день въ свѣтлой эволюціи, ожидающей насъ, красота и сила которой создана изъ любви и самопожертвованія.

Г-жа Найтингель, въ томъ же журналѣ, говоритъ въ статьѣ: „По пути къ возсозданію“ объ единствѣ человѣческой расы. „Божественная необходимость Единства, основного принципа гармоніи, выявляется въ наше время передъ глазами людей“. Царству Камы-Манаса съ его ненавистью, эгоизмомъ, разъединеніемъ настаетъ конецъ. Исчезновеніе его владычества составляетъ эпоху само по себѣ, полную крови и слезъ и потрясающую собой всѣ народы. Собственно говоря, въ настоящее время борются лишь два царства: соревнованіе и сотрудничество. Первое имѣетъ за собой преимущество прецедента, вѣса, обычая, всю силу „царства міра сего“. Второе — лишь неопытный юноша, незрѣлый и неувѣренный; но кличъ его звенитъ всей удалю и смѣлостью молодости. Зѣфи сбрасываютъ старыя кожи, и появляются новыя оболочки: сила и настойчивость, претворившіяся изъ насилія и алчности по минованіи надобности въ этихъ послѣднихъ. Нарождается новый законъ, являющійся, какъ и всѣ законы, внѣшнимъ знакомъ внутренней и невидимой необходимости. Весь процессъ эволюціи есть непрерывная алхимія; спираль все возвращается на себя, дѣлая новый оборотъ и тѣмъ пріобрѣтая большее раскрытіе жизни, болѣе гибкое приспособленіе формы къ жизни духа. Все дѣло въ наше время въ глухомъ сознаніи центральной истины жизни людей—единства

Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О., Волховской пер., 4.

видѣніе, и каждый по-своему переводитъ это видѣніе на языкъ отчасти доступный намъ. Тѣ, которые сами не созерцали видѣнія, читаютъ слова ученаго или государственнаго дѣятеля или поэта и воспламеняются отраженіемъ его. Мы ходимъ среди людей и говоримъ, что думаемъ и чувствуемъ, а божественный огонь Иден зажигаетъ міръ и освобождаетъ божественную силу въ сердцахъ каждаго человѣка.

Люди, видящіе идеи поверхъ фактовъ ежедневной жизни, и являются орудіями прогресса. Отраженіе этого видѣнія было двигательной силой въ борьбѣ за политическую свободу. Отраженіе этой идеи было двигательной силой въ социальномъ движеніи. Тамъ, въ мірѣ идей, вѣчно пребываетъ совершенное видѣніе человѣка, для котораго жизнь ужъ не загадка, а полнота достиженія. Одинъ вѣкъ видитъ проблескъ этого видѣнія и думаетъ, что дорога къ нему ведетъ черезъ политику; другой вѣкъ видитъ проблескъ его и думаетъ, что къ нему можно прийти черезъ совершенство экономического устройства. Оба вѣка до нѣкоторой степени успѣваютъ, но въ значительной мѣрѣ разочаровываются, и разочарованіе это возвращаетъ людей къ фактамъ. Факты представляютъ завѣсу, черезъ которую надо проникнуть до идеи, скрывающейся за ними, и снова мыслители и поэты и государственные дѣятели созерцаютъ вѣчное Видѣніе и стараются изобразить его на языкѣ понятномъ толпѣ, и толпа снова старается осуществить ихъ въ жизни. Такъ идетъ процессъ эволюціи.

Алиса Адеръ, въ статьѣ: „Теософія, красота и искусство“, отиравается изъ той мысли: что искусство есть вселенская необходимость, и что оно является столь же жизненнымъ факторомъ въ развитіи и ростѣ человѣчества, какъ и религія. Теософія говоритъ, что человѣкъ эволюируетъ путемъ раскрытія эмоцій и интеллекта; она утверждаетъ также, что красота есть атрибутъ Божества, проявленнаго въ матеріи. Она вездѣсуща, присутствуя въ каплѣ росы, въ песчинкѣ, въ движеніи свѣтила, въ полетѣ орла и въ жемчужинѣ на днѣ океана.

Красота есть совершенное равновѣсіе между интеллектомъ и эмоціей, совершенная гармонія между формой и животворящей ее жизнью.

Наука, математика и философія усиливаютъ мощь интеллекта; религія и искусство—мощь эмоцій. Изъ этого видно, насколько значительно мѣсто, занимаемое искусствомъ въ жизни. Интересно отношеніе между религіей и искусствомъ. Оба дѣй-

ствуютъ на эмоціи, но разница между ними ей та, что религія ставитъ, какъ идеаль, торжество Духа надъ матеріей, а искусство — торжество Духа въ матеріи. Религія подчеркиваетъ трансцендентальность Бога, искусство — имманентность Его. Святой сознаетъ свою божественность путемъ освобожденія отъ формы по повелѣнію Духа. Художникъ сознаетъ свою божественность путемъ изліянія своего Духа въ ограниченія формы.

У художника поклоненіе красотѣ является преобладающей страстью въ жизни. Онъ не проповѣдуетъ и не учитъ, а лишь провозглашаетъ свою радость о красотѣ въ музыкѣ, въ живописи, въ скульптурѣ. Она поднимаетъ его на высоты, недоступныя обыкновеннымъ смертнымъ, въ силу чего красота, выраженная въ художественномъ произведеніи, — особаго рода и можетъ быть понята въ полномъ ея объемѣ лишь людьми, получившими художественное воспитаніе, утончающее воспріятіе красоты.

Для воспитанія художественнаго вкуса необходимы три фактора: честность передъ самимъ собой, т. е. отсутствіе стремленія поддѣлываться подъ вкусы другихъ; простота, т. е. отсутствіе ненужныхъ и вычурныхъ деталей; и гибкость, т. е. сознаніе, что красота есть живая сила, и что художникъ не можетъ быть связанъ традиціями и формами прошлаго, какъ бы прекрасны онѣ ни были. Великіе художники всегда смотрятъ впередъ; они видятъ все новыя, небывалыя красоты, и для выраженія ихъ въ матеріи имъ нужна полная свобода. Художникъ не жрецъ, и не учитель; онъ свидѣтель и толковникъ вѣчно сущей божественной реальности.

„Theosophy in Scotland“ помѣстила на своихъ страницахъ интересное толкованіе оперы Моцарта: „Волшебная флейта“, взятое изъ книги г-жи Куперъ-Оклей: „Мистическія преданія“. Авторъ ея указываетъ на разнообразіе художественныхъ формъ, облекающихъ собою сокровенныя ученія. Примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить „Волшебная флейта“. Какъ извѣстно теперь, эта опера содержитъ несомнѣнныя указанія на масонство и египетскія мистеріи, столь тѣсно связанная съ нимъ. Моцартъ былъ ревностнымъ и преданнымъ членомъ братства свободныхъ каменщиковъ, и „Волшебная флейта“ послужила ему средствомъ передачи ихъ ученій и вмѣстѣ съ тѣмъ протеста противъ гоненій, которымъ подвергалось въ то время масонство въ Австріи.

Главная аллегорія сюжета рисуетъ борьбу между ортодоксальностью и свободомысліемъ. Онѣ представлены королевой

Ночи или, иначе, императрицей Маріей-Терезіей и Сарастромъ, жрецомъ храма Изиды, изображающимъ нѣкоего Борна, извѣстнаго металлурга, основавшаго масонскую ложу въ Вѣнѣ. Сарастръ похищаетъ Памину, дочь королевы, и поселяетъ ее въ храмъ, съ намѣреніемъ воспитать ее согласно своимъ идеаламъ и вдали отъ вліянія матери. Памина представляетъ австрійскій народъ въ лучшемъ его аспектѣ.

Основой всего сюжета служить сказка, но нетрудно разгадать истинный смыслъ и распознать въ героѣ его кандидата въ поискахъ за истиной. Мистическая нота выявляется въ первомъ же актѣ. Тамино появляется, преслѣдуемый змѣемъ суевѣрія и фанатизма, который долженъ быть уничтоженъ, безъ чего искаатель истины не можетъ идти впередъ. Папагено, слуга Тамино, изображаетъ веселый элементъ въ австрійскомъ народѣ. Онъ также прототипъ примитивнаго человѣка, думающаго, главнымъ образомъ, о физическомъ комфортѣ. Онъ кое-что знаетъ, но не умѣетъ молчать, за что его лишаютъ обычной порціи винныхъ ягодъ и замыкаютъ ротъ золотымъ замкомъ. Въ египетскихъ мистеріяхъ винныя ягоды являлись символами истины. Костюмъ Папагено, состоящій изъ бѣлыхъ перьевъ, указываетъ на масонскій передникъ изъ бѣлой кожи ягненка, служащій символомъ чистоты -- первой и необходимой добродѣтели неопита.

Тамино старается спасти Памину, въ изображеніе которой онъ влюбляется. Такимъ образомъ, передъ нами старая исторія поисковъ высшаго Я, и Тамино получаетъ свою принцессу лишь послѣ испытанія и посвященія.

Интересна постепенная переменѣна, происходящая въ міровоззрѣніи героя. Онъ сначала думаетъ, что Сарастръ дурной человѣкъ, потому что онъ удерживаетъ Памину помимо ея воли. Но у воротъ храма заблужденія и предубѣжденіе оставляютъ его. Тоскуя въ невѣдѣніи, онъ проситъ свѣта; ему дается свѣтъ, и съ той минуты онъ направляется навстрѣчу высшему знанію. Символизмъ его семиконечнаго щита ясенъ, и его свита изъ львовъ напоминаетъ намъ, что въ Египтѣ царь звѣрей былъ священнымъ животнымъ. Его тирада о братствѣ, ставшая бессмертной благодаря Моцартовской музыкѣ, составляетъ также одинъ изъ многихъ признаковъ, указывающихъ на идеалы истиннаго масонства.

Въ увертюрѣ Моцартъ вставляетъ три группы тяжелыхъ, многозначительныхъ аккордовъ, составляющихъ музыкальную передачу стуконъ, связанныхъ съ масонскимъ церемоніаломъ.

Они появляются и во второмъ актѣ, когда жрецы принимаютъ Тамино въ кандидаты. Вся процедура посвященія довольно ясно обрисована и очень напоминаетъ описаніе церемоній древняго Египта. Тамино подвергается искусамъ молчанія и отреченія. Великолѣпна сцена, когда священники идутъ процессіей въ пальмовую рощу и окружаютъ алтарь, посвященный Истинѣ, воспѣвая гимнъ Изидѣ и Озирису. Актъ послѣдней жертвы соединяетъ влюбленныхъ; они преодолеваютъ страхъ смерти и проходятъ черезъ испытанія огнемъ и водой, послѣ чего они появляются торжествующіе въ сіяніи великаго Свѣта. Опера заканчивается большимъ финаломъ, воспѣвающимъ Силу, Мудрость и Красоту.

В. Пушкина.

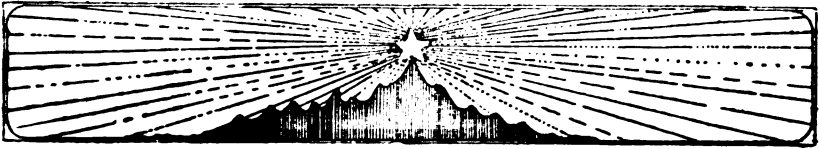

Помни, что передъ самой смертью своей Спаситель обратился къ своимъ ученикамъ, желая запечатлѣть въ ихъ сердцахъ свою послѣднюю волю и завѣтъ. Онъ имъ сказалъ: «Моя воля, чтобы вы любили другъ друга. По вашей любви другъ къ другу узнаютъ, что вы—мои ученики».

О Мать скорби и источникъ любви, никогда не давай мнѣ отходить отъ подножія пресвятого Креста!

Небо и земля полны величія Бога, Который во всѣхъ вещахъ и всюду, посредствомъ Своей сути, Своего присутствія и Своего Могушества.

Св. Фр. де-Саль.

Хроника теософическаго движенія.

= Представитель Т. О-ва въ Англии, д-ръ Гаденъ-Гестъ, подаль въ отставку въ виду того, что онъ въ настоящее время совершенно захваченъ своею врачебною дѣятельностью на фронтѣ. Въмѣсто него единогласно былъ избранъ извѣстный англійскій дѣятель и писатель Джорджъ Арундель.

Въ статьѣ по поводу своего избранія Д. Арундель выражаетъ полное сочувствіе всѣмъ движеніямъ духовно-близкимъ Т. О-ву, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подчеркиваетъ нейтральность Т. О-ва, которое даетъ импульсъ и вдохновеніе многимъ прекраснымъ теченіямъ, оставаясь незыблемымъ и неприкосновеннымъ, какъ широчайшая платформа человечества.

Въ органѣ теософическаго движенія въ Англии, въ *Vahan's*, перечисляется все, что удалось сдѣлать д-ру Гаденъ-Гесту во время его служенія въ качествѣ врача на войнѣ:

1. Онъ избралъ большой персоналъ врачей, хирурговъ, санитаровъ и сестеръ и устроилъ въ Парижѣ, подъ флагомъ французскаго Краснаго Креста, образцовый госпиталь.
2. Скоро послѣ этого, вернувшись въ Англию, онъ быстро создалъ новый врачебный составъ и открылъ второй образцовый госпиталь въ Лиможѣ.
3. Третій госпиталь былъ имъ устроенъ въ Неверѣ, гдѣ былъ устроенъ также лазаретъ для выздоравливающихъ.
4. Съ помощью члена Т. О-ва, капитана Поцель, ему удалось основать госпиталь въ Калѣ.
5. Благодаря его работѣ, англо-французскій комитетъ британскаго Краснаго Креста развилъ большую дѣятельность во Франціи и Англии.
6. Д-ръ Гаденъ-Гестъ объѣздилъ нѣсколько городовъ въ Англии, и его публичныя рѣчи привели къ открытію новыхъ лазаретовъ. Такъ, купечество Ливерпуля собрало большой фондъ для этой цѣли.
7. Онъ посѣтилъ много учреждений въ Бельгii и всюду приносилъ по-

мощь, собирая новыхъ работниковъ и новыя средства. Въ нѣсколькихъ случаяхъ д-ръ Гаденъ-Гестъ устраивалъ летучіе отряды, которые работали на фронтѣ.

Въ настоящее время д-ръ Гестъ основалъ при Т. О-вѣ комитетъ для сбора пожертвованій и подарковъ раненымъ въ связи съ наступающими праздниками.

По послѣднимъ извѣстіямъ, г. Гаденъ-Гестъ основалъ новый лазаретъ, при которомъ работаютъ, въ качествѣ ближайшихъ его помощниковъ, г.г. Д. Арундель и Кришнамурти.

Въ Брайтонѣ члены были очень заняты работой помощи бѣженцамъ и раненымъ. Въ настоящее время правильная работа возобновилась, и теософическій кружокъ собирается въ Брайтонѣ еженедѣльно. На первомъ собраніи п-ца г-жа Херъ сказала рѣчь о задачахъ теософическаго кружка. Кружокъ имѣетъ три задачи: 1. Стать почвой воспитанія для членовъ, 2. Каналомъ для Высшихъ Силъ, 3. Центромъ служенія.

Осенью собираются федераціи теософическихъ кружковъ въ Лондонѣ, въ Харогейтѣ и въ Брайтонѣ.

Орденъ служенія при Теософическомъ О-вѣ въ Англии усилилъ дѣятельность Лиги помощи слѣпымъ и создалъ журналъ, который печатается способомъ Брайля и выходитъ ежемѣсячно. Онъ разсылается бесплатно во многія учрежденія, заботящіяся о слѣпыхъ. Для этой цѣли открытъ специальный сборъ пожертвованій.

Г-нъ Синеттъ читаетъ циклъ лекцій въ Лондонѣ на тему: „Теософія и проблемы жизни“.

Кружокъ Е. П. Блаватской въ Лондонѣ выпустилъ брошюру: „Война и духовное пробужденіе“. Это было темой публичной лекціи г-на А. Ли.

Братство Искусствъ приступило къ изданію журнала, который будетъ появляться 4 раза въ годъ.

Недавно г-жа А. Безантъ посѣтила Бомбей. Въ императорскомъ театрѣ она дала серію лекцій: „О возрожденіи Индіи“. Театръ былъ совершенно переполненъ. Лекціи имѣли блестящій успѣхъ. Въ рядахъ публики сидѣло много индусскихъ женщинъ, что является смѣлымъ новаторствомъ (въ Индіи женщины не посѣщаютъ публичныхъ собраній).

Ученый изслѣдователь-египтологъ, А. Боевель-Госсъ, лишенный въ этомъ году возможности совершить свое обычное лѣтнее путешествіе въ Египетъ, описываетъ въ „Ваханѣ“ различныя древне-египетскія рѣдкости, драгоцѣнные амулеты и ожерелья,

подтверждающія оккультныя ученія о глубокихъ научно-философскихъ знаніяхъ, хранившихся въ пирамидахъ.

— Г. Ч. Ледбитеръ закончилъ свою серію публичныхъ лекцій въ Австраліи: „О расѣ грядущей“. Въ настоящее время лекторъ отправился въ Новую Зеландію, чтобы предсѣдательствовать на годовомъ Рождественскомъ съѣздѣ въ Окландѣ.

12 Ноября, членъ Калужскаго Отдѣла Р. Т. О-ва, А. Погосская, прочитала въ помѣщеніи Р. Т. О-ва (въ Петроградѣ) докладъ „О значеніи кустарнаго дѣла и о помощи горожанъ деревнѣ“.

15 Ноября, въ 2 ч. дня, состоялось VII годовое собраніе Россійскаго Теософическаго Общества. Послѣ чтенія отчетовъ, выборовъ и утвержденія отчета и смѣты на будущій годъ, собраніе перешло къ текущимъ дѣламъ*). О работѣ на мѣстахъ докладывали предсѣдатели Московскаго, Кіевскаго, Ростовскаго отдѣловъ и А. Погосская отъ Калужскаго отдѣла. Съѣхалось много членовъ изъ другихъ городовъ.

Собраніе продлилось вечеромъ на слѣдующій день и закончилось концертомъ и серіей картинъ волшебнаго фонаря, изъ жизни Христа. Картины сопровождалась соотвѣтствующей музыкой.

17 Ноября состоялось учредительное Собраніе Товарищества „Бѣла“, которое поставило себѣ цѣлью устроить санаторію новаго типа на Кавказѣ, и которое съ этой цѣлью пріобрѣтаетъ на паяхъ землю по Черноморскому побережью.

18 Ноября была устроена загородная экскурсія на ст. Поповку, и многіе члены, въ особенности пріѣхавшіе издалека, получили возможность пріятно отдохнуть на лонѣ природы, въ тишинѣ Васанты.

11 Декабря I половина рабочаго сезона Т. О-ва закончилась общимъ собраніемъ, на которомъ былъ прочтенъ докладъ В. Н. Пушкиной: „Человѣкъ—творецъ“.

А і в а.

*) Прим. Ред. Подробный отчетъ годового Собранія печатается въ ближайшемъ № Извѣстій Р. Т. О-ва.

Ключъ къ Теософіи.

Е. П. Блаватской

Теософія и Теософическое О-во.

Вопр. О Теософіи и ея ученіи часто отзываются какъ о новой религіи. Есть ли она религія?

Отв. Нѣтъ, Теософія есть Божественное Знаніе или Наука.

Вопр. Какое истинное значеніе этого термина?

Отв. Божественная Мудрость, Теософія, *Theosophia* или Мудрость Боговъ, какъ Теогонія, *Theogonia*, есть Генеалогія Боговъ. Слово *θεός* означаетъ Богъ по-гречески, это одна изъ божественныхъ Сущностей, но конечно не личный Богъ въ современномъ смыслѣ. Поэтому Теософія не „Мудрость Боговъ“, какъ переводятъ нѣкоторые, а Божественная Мудрость, каковой владѣютъ Боги. Древность этого термина исчисляется многими тысячами лѣтъ.

Вопр. Какое происхожденіе этого имени?

Отв. Оно перешло къ намъ отъ александрійскихъ философовъ, которыхъ называли любителями истины, филалетеинами отъ *phil* „любящій“ и *aletheia* „истина“. Имя Теософія идетъ изъ третьяго вѣка нашей эры, и началось это съ Аммонія Саккоса и его учениковъ, которые основали эклектическую теософическую систему и были также именуемы аналогетиками. Какъ объяснилъ профессоръ А. Вильдеръ въ своей книгѣ *New Platonism and Alchemy* (Очеркъ ученій и главныхъ учителей эклектической или александрійской школы, также очеркъ внутреннихъ доктринъ алхимиковъ среднихъ вѣковъ)—они назывались такъ

потому, что они занимались истолкованіемъ всѣхъ священныхъ легендъ и разсказовъ, мифовъ и мистерій по принципу аналогіи и соотношенія, такъ что происшествіе, передаваемое какъ совершившееся во внѣшнемъ мірѣ, разсматривалось, какъ выраженіе переживаній и дѣйствія человѣческой души.

Они были также называемы неоплатониками. Хотя Теософія или эклектическая теософская система приписывается обыкновенно третьему столѣтію, но если довѣрять Діогену Лаэртію (жилъ въ началѣ III вѣка по Р. Х., написалъ нѣчто въ родѣ исторіи философіи, очень важный источникъ, т. к. многія сочиненія греч. фил., вошедшія въ нее, утеряны), происхожденіе ея значительно древнѣе, такъ какъ онъ приписываетъ эту систему египетскому жрецу Тотъ-Амунъ, который жилъ въ ранніе дни династіи Птолемеевъ. Тотъ же самый авторъ говоритъ намъ, что имя это коптское и означаетъ посвященнаго Амуну, Богу Мудрости.

Теософія равнозначаща съ санскритскимъ Brahma Vidya, Божественное знаніе.

Во пр. Какая цѣль была у этой системы?

Отв. Прежде всего запечатлѣть извѣстныя нравственныя истины въ сознаніи учениковъ и всѣхъ любителей истины. Отсюда девизъ, принятый Теософическимъ О-вомъ: „Нѣтъ религіи выше истины.“

Святые придавали большое значеніе малымъ добродѣтелямъ. Они помнили, что пренебрегающій малыми отступленіями, легко впадаетъ въ большіе грѣхи.

Св. Фр. де-Саль.

Сборникъ памяти Анны Павловны Философовой, подъ редакціей Д. В. Философова, въ 2-хъ томахъ, Петроградъ, 1915 г. Цѣна Ю р.

Вскорѣ послѣ кончины А. П. Философовой среди ея друзей возникла мысль объ изданіи сборника ея памяти. Сообща былъ намѣченъ планъ сборника. Составленіе біографическаго очерка было поручено А. В. Тырковой.

«Заслуга Анны Павловны передъ русскими женщинами огромна, пишетъ А. В. Тыркова. — Благодаря желѣзной энергіи, дѣятельному душевному горѣнію этой свѣтской красавицы, слѣдующія поколѣнія русскихъ женщинъ могли уже жить новой, расширенной жизнью»...

«Простая, свободная отъ догматики, по жизни непосредственная, она не боялась отдаваться чувству. Но за быстрой, подвижной впечатлительностью таилась въ этомъ умномъ сердцѣ цѣльная преданность разъ навсегда воспринятымъ нравственнымъ и религіознымъ идеямъ. Способность къ энтузіазму, служеніе отвлеченному началу, напряженность соціальныхъ эмоцій высшаго порядка, умѣніе во имя нихъ сплочивать и воодушевлять людей, вотъ что несла Анна Павловна въ русскую жизнь. «Прежде жены, матери и семьянинки—я человекъ и гражданка, писала она, я люблю свое отечество и болѣю его болями».

Сборникъ составленъ умѣло и съ большой любовью. Первый томъ весь посвященъ біографіи Анны Павловны. Въ II вошли: Статьи-воспоминанія А. Ф. Кони, П. С. Стасовой, Е. Жуковской-Цѣнной, Е. Лѣтковой, А. Милюковой, А. Каменской, Е. Полуэктовой, Н. И. Манасеиной, и рѣчи А. И. Шабановой, Ф. И. Родичева, М. М. Ковалевскаго, Н. Котляревскаго, А. Каменской, Г. А. Фальборка и А. Калмыковой.

(Эти рѣчи были произнесены на торжественномъ засѣданіи памяти А. П. Философовой).

Къ сборнику приложены описаніе 40-лѣтняго юбилея А. П. Философовой, текстъ адресовъ, замѣтка о 50-лѣтнемъ юбилеѣ; описаніе похоронъ, погребенія, письма и телеграммы, полученныя по этому случаю, нѣсколько рѣчей памяти ея, письма И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевскаго, написанныя А. П. Философовой, и отвѣтъ ея И. С. Тургеневу.

Книга издана превосходно и содержитъ помимо цѣнныхъ статей чудесныя иллюстраціи. Мы видимъ Анну Павловну молодой женщиной— и зрѣлой общественной дѣятельницей, ея семью, ея сотрудниковъ, ея обстановку, паркъ и часовню въ ея любимомъ имѣніи, Богдановскомъ, сцены изъ ея жизни, и все это проходитъ передъ нами въ видѣ очаровательныхъ картинъ, воскрешающихъ ярко память о свѣтлой душѣ, носившей на землѣ имя Анны Павловны Философовой.

Въ біографіи А. Тырковой упоминается и Теософія. Много интересныхъ и вѣрныхъ замѣчаній дѣлаетъ біографъ, анализируя душевныя стремленія приведшія Анну Павловну къ Теософіи, но есть и мѣста, въ которыхъ сквозитъ непониманіе. Такъ, она пишетъ: «Она не могла принять созерцательное бездѣйствіе, которое составляетъ одну изъ ступеней ученичества»... Этимъ обстоятельствомъ объясняетъ біографъ критическое отношеніе, сквозившее въ сдѣланныхъ ею на поляхъ теософическихъ книгъ замѣчаніяхъ. Анна Павловна полемизируетъ съ др. Штейнеромъ; она подчеркиваетъ въ автобіографіи А. Безантъ всѣ мѣста, которыя находятъ особый откликъ въ ея душѣ. Она горячо говоритъ о засѣданіяхъ Теософическаго Общества, объ открывшемся ей новомъ мірѣ. Но въ ея дневникѣ есть замѣтка по поводу самодисциплины, о которой такъ много говорится въ теософической литературѣ, и это было непонято біографомъ. По складу своей души Анна Павловна была противницей дисциплины, хотя сама неустанно работала надъ самосовершенствованіемъ.

Это отрицательное отношеніе къ какимъ бы то ни было рамкамъ ярко сказалось въ тѣхъ записяхъ, которыя приводитъ ея біографъ. Здѣсь, конечно, было недоразумѣніе. Никто не можетъ ни на кого наложить какихъ-нибудь внѣшнихъ ограниченій въ сферѣ нравственной работы. Только сама душа, признавая значеніе Благого Закона, можетъ возжаждать дисциплины, какъ лучшей помощи для своей работы, и наложить на себя опредѣленные обязательства.

Такое же недоразумѣніе звучитъ въ словахъ біографа о «созерцательномъ бездѣйствіи, одной изъ ступеней ученичества». Чѣмъ человѣкъ больше развивается духовно, тѣмъ больше растетъ и его долгъ къ міру. Бездѣятельный человѣкъ не можетъ стать «ученикомъ», такъ какъ ученичество есть въ высшей степени интенсивная дѣятельность на всѣхъ планахъ. Методы работы теософа разнятся отъ обычныхъ методовъ, такъ какъ онъ не можетъ принять путей страсти и насилія. Его миссія— строить, а не разрушать; любить, а не разъединять. Но онъ принимаетъ борьбу со зломъ и въ ней участвуетъ. Только его борьба никогда не соединяется съ враждой и ненавистью.

Это разъединеніе злой эмоціи и рѣшительнаго поступка, дѣятель-

ности отъ мысли о плодахъ ея, полнѣйшее безкорыстіе дѣйствія, являются непонятнымъ явленіемъ еще для многихъ русскихъ идеалистовъ, которые иными путями идутъ къ тому же единому Свѣту, которому служитъ Теософія.

Въ настольной книгѣ теософа, «Голосъ Безмолвія», говорится:

«Оба начала, и дѣятельное и бездѣятельное, могутъ совмѣщаться въ тебѣ: да будетъ тѣло твое въ движеніи, умъ—въ покоѣ, а душа—прозрачна и свѣтла, какъ горное озеро.

Захочешь ли стать Іогомъ въ круговращеніи временъ? Если захочешь:

Не вѣрь, что пребываніе въ темныхъ лѣсахъ въ гордомъ уединеніи и вдали отъ людей; не вѣрь, что питаніе листьями и кореньями и утоленіе жажды снѣгами съ горныхъ вершинъ, не вѣрь, о Благоговѣйный, что это приведетъ тебя къ цѣли конечнаго освобожденія.

Не думай, что сокрушая кости свои и терзая плоть свою, ты достигнешь сліянія съ твоимъ «безмолвнымъ Я». Не думай, о жертва своей собственной тѣни, что исполненъ будетъ твой долгъ относительно природы и человѣка, если побѣждены будутъ грѣхи грубой оболочки твоей.

Благословенные не придавали цѣны такому достиженію... Сѣй добрыя дѣла, и ты пожнешь ихъ плоды. *Бездѣйствіе въ дѣлѣ милосердія преобразуется въ дѣйствіе смертоноснаго грѣха.*

Такъ говоритъ Мудрый»...

И дальше опять:

«Станешь ли ты воздерживаться отъ дѣятельности? Нѣтъ, не такъ достигнетъ душа твоя освобожденія... Отступи отъ солнечнаго свѣта въ тѣнь, чтобы дать мѣсто другимъ».

Еще важнѣе мѣсто книги, гдѣ Учитель вопрошаетъ ученика о томъ, насколько онъ готовъ для того, чтобы вступить на путь ученичества. Послѣдній вопросъ таковъ:

«Привелъ ли ты въ созвучіе свою душу съ великой Душой человѣчества? Ибо, какъ въ гремящемъ голосѣ священной рѣки всей природы звуки находятъ свой откликъ, такъ и сердце «вступившаго въ потокъ» должно дрожать въ отвѣтъ на каждый вздохъ и помыселъ всего, что живетъ и дышитъ».

Горячо привѣтствуемъ сборникъ памяти незабвенной Анны Павловны. Онъ является вторымъ историческимъ памятникомъ ея.

Первымъ есть біографія, «Памяти А. П. Философовой», Е. Ф. Писаревой, изданная въ 1912 г. Россійскимъ Теософическимъ Обществомъ.

А. Каменская.

Алфавитный указатель статей,

помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Теософіи“ за 1915 годъ.

- Алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Теософіи“ за семь лѣтъ. I.
- Ближайшія задачи Теософическаго Общества, *П. Бажушкова*. II, 10.
- Богомилскія легенды, пер. съ болгарскаго, *С. Красавина*. IX, 58.
- Братство и война, *А. Безантъ*, пер. Е. П. X, 8.
- Братство религій, *А. Каменской*. XI, 68.
- Братство, *С. Татариковой*. I, 17.
- Вопросы и отвѣты. VII—VIII, 104.
- Воспоминанія, *А. Уиковской*. I, 61; II, 32; III, 41; IV, 37; V—VI, 48; VII—VIII, 58; IX, 32; X, 51; XI, 51; XII, 39.
- Вѣнцы сіянныя, *А. Веселовской*. II, 7; III, 7; IV, 9; V—VI, 9; VII—VIII, 7; XI, 7.
- Въ пылающемъ горнѣ, *М. Коллигъ*, пер. Е. П. XII, 13.
- Гимнъ, *А. Веселовской*. I, 9.
- Духовныя основы Славян, *Н. Гернетъ*. VII—VIII, 46.
- Загадки жизни и какъ Теософія отвѣчаетъ на нихъ, *А. Безантъ*, пер. Е. П. III, 16; IV, 17; V—VI, 16; VII—VIII, 15; IX, 12; X, 25; XI—12.
- Знаки Господни, *С. Герве*. V—VI, 25.
- Идиллія Бѣлаго Лотоса, *Мабель Коллигъ*, пер. Е. П. I, 36; II, 20; III, 32; IV, 22; V—VI, 39; VII—VIII, 36; IX, 22; X, 41; XI, 36; XII, 27.
- Израиль Бешты, его жизнь и ученіе, *З. Миллеръ*. IX, 48.
- Изреченія: Климента Александрійскаго—I; логи-Сутры, Патанджали—II; изъ св. Евангелія—III; Г. Дрюмонда—IV; Новалиса—V—VI; изъ книги „Законы Ману“—VII—VIII и IX; изъ разныхъ источниковъ—X; изъ Евангелія—XI и XII.
- Изъ общественной жизни, *Н. Т.* IV, 98.
- Искусство, *В. Пушкиной*. XI, 110.
- Иша-Упанишадъ, пер. съ санскр. *И. Манціарли*. X, 65.
- Книга псалмовъ, какъ путь ученичества, *М. Гардежиной* V—VI, 60.
- Комментаріи къ Бхагавадъ-Гитѣ, *А. Безантъ*, пер. Е. Писаревой. I, 22; II, 65; III, 63; IV, 50.
- Къ друзьямъ просвѣщенія. I, 29.
- Литературное обозрѣніе, *Таосъ*. IX, 92.
- Мистеріи Адониса, *Н. Павлиновой*. IV, 60.
- Мистеріи Аттиса, *Н. Павлиновой* VII—VIII, 71.
- Моивстрѣчи съ неграми, *Дана*. I, 49; II, 51.
- Нарождающийся мѣсяць, *Рабиндранатъ Тагора*, пер. С. Татариковой. I, 70; II, 43; III, 53; IV, 31.
- На сторожевомъ посту, *А. Каменской*. I, 10; III, 9; IV, 12; V—VI, 11; VII—VIII, 9; IX, 8; X, 21; XI, 8, XII, 9.
- Обозрѣніе журналовъ, *М. Станюковичъ*. III, 109.
- Обозрѣніе теософической литературы, *В. Пушкиной*. I, 83; II, 101; III, 105; IV, 91; V—VI, 115; IX, 87; XI, 101; XII, 94.
- Орфическіе гимны, пер. съ греч. *Н. Павликовой*. I, 67; II, 83; III, 86; IV, 67; V—VI, 76, VII—VIII, 77; IX, 64; X, 69; XI, 75; XII, 68.
- Острахъ и его роли въ жизни человѣка, *С. Татариковой*. X, 30.

- Отзывы о книгахъ: *L'Evoluisme*, par les docteurs A. Auvarde et M. Schultz. Л. Т. I, 89; Волны вѣчности въ русской художественной литературѣ. *Д. Маркова*. Искусство О-ва Пасхи. *С. Дурьлинъ*. Церковь невидимаго града. *М. Гардениной*. Св. П. Флоренскій. Столпъ и утверждение истины. W. II, 108; Герметизмъ. *Д. Страденъ*, *Alba* IV, 101; *Л. Андреевъ*. Король, законъ и свобода; Женскій сборникъ; Нова-лишь. Фрагменты; *С. П. Лавринтьева*. Пережитое; *Делива*. Переоцѣнка цѣнностей. *М. Гардениной*. VII—VIII, 99; *Ника Рудникова*. *Гавриилъ Елагичъ*. Люциферъ и Антихристъ. *М. Гардениной*; *Савченко*, Русскія народныя сказки; *Игорь Грабарь*. Исторія русскаго искусства, т. I. *А. Веселовской*. IX, 96; *Анна Зусманъ*. Эссеи; *М. Булаковскій*. Беганты; пр. *М. Мюллеръ*. Шри-Рамакришна. *М. Гардениной*. X, 95; *А. Ю. Филиппенко*. Измѣнчивость и эволюція; *Н. Б. Петрова*. Изъ дневника народной учительницы; *А. С. Дагеновичъ*. Творчество Боттичелли и вѣчные вопросы. *М. Гардениной*. XI, 121; *Б. Демчинскій*. Сокровенный смыслъ войны. *А. Веселовской*. XII, 100.
- Памяти А. Н. Скрябина, *Е. Лубны Герцыкъ*. X, 38.
- Письма живого усопшаго, *Е. Баркеръ*, пер. съ англ. Е. П. II, 90; III, 93; IV, 75; V—VI, 93; VII—VIII, 86; IX, 72; X, 82; XI, 91; XII, 82.
- Письма къ читателямъ, *Друга читателя*. I, 78; IV, 85; V—VI, 107; IX, 81.
- Письма о трудѣ, *Дана*. V—VI, 35.
- Побѣда истины приходитъ незамѣтно, *Таосъ*. I, 86.
- Пути и праведности уставъ, книга Лао-Тзе, *Н. Дмитриевой*. II, 72; III, 76.
- Религіозная философія древней Индіи, *А. Каменской*. XII, 58.
- Ритмъ высшей жизни, *Alba*. VII—VIII, 25.
- Ритмъ въ космосъ и эволюція жизни, *Alba*. II, 13.
- Ритмъ въ человѣкѣ и эволюція характера, *Alba*. III, 23.
- Сосредоточеніе, Практическій курсъ, *Э. Вуда*, пер. Е. Дандре. IV, 69; V—VI, 78; VII—VIII, 79; IX, 66; X, 71; XI, 77; XII, 70.
- Стихотворенія: Изъ Рабиндраната Тагора. Сестрамъ. *В. Рудичъ*, I, 76; На грани. *Н. Гернетъ*. II, 31; * * * *В. Рудичъ*. III, 40; Богоскатель. * * * *Ю. Веселовскаго*. IV, 48; Дома, гдѣ являются духи, *Лонгфелло*, пер. М. Станюковичъ. V—VI, 58; Посвящается Е. П. Блаватской, *Н. Аманьвой*. VII—VIII, 45; Привѣтъ, *Н. Аманьвой*. X, 7; Стражъ порога. На скальѣ. *В. Далетина*. IX, 30; *Н. Аманьвой*. X, 7; Въ незримомъ храмѣ, *А. Веселовской*. XII, 7; Теософія, *де-Беръ*, пер. Ю. Веселовскаго, XII, 38.
- Сумерки или заря? *С. Герье*. XI, 20.
- Сферы, *Ч. Лебвитера*, пер. съ англ. В. Лалетина. II, 85; III, 88.
- Тайная Доктрина, *Е. П. Блаватской*. I, 1; II, 8; III, 16; IV, 25; V—VI, 33; VII—VIII, 41; IX, 49; X, 57; XI, 65; XII, 73.
- Теософія и женское движеніе, по книгѣ Дэспаръ, *Н. Т.* XII, 22.
- У моего алтаря, *Анатолія*. XI, 49.
- Хроника теософическаго движенія, *Alba*. II, 105; III, 107; IV, 95; V—VI, 119; X, 91; XI, 106; XII, 98.
- Цвѣты и сады, *Джинараджлоаза* пер. съ англ. Ю. Львовой. IX, 44; X, 61; XI, 62; XII, 52.

12

КНИГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

(4-й годъ изданія)

7 руб.

въ годъ.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“

издаваемый въ Петроградѣ.

Въ 1916 году журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ въ отдѣлахъ художественной литературы (беллетристика, стихи), литературной критики, искусства, театра, науки, философіи, религіи, политики, народного хозяйства.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ:

И. Д. Авксентьевъ, Анна Ахматова, Н. М. Ахумовъ, Ю. Балтрушайтисъ, К. Вальмонтъ, П. И. Бирюковъ, Г. М. Вигерманъ, Н. Бромлей, Н. Врицова-Шаскольская, Г. М. Брюсова, А. С. Влдоруссовъ, С. П. Бондаревъ, Н. Я. Выховскій, М. А. Вратинскій, Л. М. Врамсовъ, И. К. Брусиловскій, Ив. Вунинъ, В. В. Водозовъ, Ив. Вольный, Зин. Венгерова, Б. Вороновъ, А. А. Гвоздевъ, А. Герцакъ, С. Г. Гессенъ, А. Г. Горюховъ, Любовь Гуревичъ, Н. Л. Геккеръ, Н. С. Гумилевъ, П. К. Гурбергъ, А. Я. Гуревичъ, В. Я. Гуревичъ, Ю. Делевскій, чл. Гос. Думы В. И. Дзюбинскій, Сер. Есенинъ, В. М. Жаргунскій, Борисъ Зайцевъ, Д. О. Заславскій, А. Заблудовскій, С. Ф. Знаменскій, С. А. Золотаревъ, И. П. Игнатовичъ, Дм. Пилнскій, В. Г. Каратыгинъ, Ф. Ф. Караяндисъ, Ив. Касаткинъ, К. Корженцевъ, А. А. Кипецъ, Н. Н. Киселевъ, Д. М. Койтговъ, Леон. Каннегисеръ, членъ Гос. Думы А. О. Керенскій, Е. Колосовъ, Н. Крюковъ, Н. И. Ка-

рповъ, Григорій Ландау, проф. П. П. Лапинъ, О. Я. Ларинъ, Андр. Левинсонъ, Н. О. Лернеръ, К. А. Липскеровъ, М. Лурье, Н. Г. Машковцевъ, Н. А. Морозовъ, Н. С. Недоброво, П. А. Нидуэтъ, А. С. Новиковъ, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, Н. П. Огановскій, С. Я. Парнокъ, Н. Н. Пунинъ, Мих. Павловичъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, О. В. Румеръ, А. И. Рубинъ, Я. Л. Сакеръ, С. Н. Сергѣевъ-Понскій, В. Б. Сташкевичъ, Янъ Огрудзинъ, Е. Сташкевичъ, Ф. А. Степунъ, проф. Е. В. Тарле, М. Л. Толмачева, К. А. Треневъ, проф. М. И. Тугайъ-Барановскій, Я. А. Тугендховъ, П. Юшкеничъ, Л. Б. Халкина, Мар. Цѣткова, М. С. Шагилянъ, Д. Л. Шапиръ, Ив. Шмелевъ, В. К. Шмидтъ, П. Ю. Шмидтъ, В. М. Эйхенбаумъ, В. М. Энгельгардтъ, А. П. Чапыгинъ, Н. В. Чапковский, С. И. Чацкина, В. П. Черненко, Викторъ Черновъ, проф. Е. Н. Щенкинъ, Б. Яковенко и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ

съ пересылкой на годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к.
за границу на годъ 10 р.

ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ журнала: Петроградъ, Загородный въ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.
Книжные магазины за комбію удѣрживають 5%.

Мелкіе номера для ознакомленія высылаются по 60 коп., вложеннымъ платежомъ 75 к.

Издательница С. И. Чацкина.

1916 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЬ

годъ XXVII.

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

Изданіе МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при содѣйствіи Петроградскаго Философскаго Общества.

НА 1916 Г.

Условія подписки: на годъ съ 1-го января 1916 г. по 1-е января 1917 г.) безъ доставки — 7 руб., съ доставкой въ Москвѣ — 7 руб. 50 коп., съ пересылкой въ другіе города — 8 руб., за границу — 9 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ: „Новое Времени“ (Петроградъ, Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (Петроградъ, Москва, Варшава) Вольфа (Петроградъ и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ

ПРИНИМАЕТСЯ.

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА:

Москва, Пречистенка, Полузиковъ пер., д. 8, кв. 29.

Полные годовые экземпляры журнала за **третій** (№№ 10—14), **четвертый** (№№ 16—20), **пятый** (№№ 21—25), **шестой** (№№ 26—30), **седьмой** (№№ 31—35), **восьмой** (№№ 36—40), **десятый** (№№ 46—50), **одиннадцатый** (№№ 51—55), **двѣнадцатый** (№№ 56—60), **тринадцатый** (№№ 61—65), **четырнадцатый** (№№ 66—70) по 2 р. за годъ, **шестнадцатый** (№№ 76—80), **семнадцатый** (№№ 81—85), **осмнадцатый** (№№ 86—90), **девятнадцатый** (№№ 91—95), **двадцатый** (№№ 96—100), **двадцать второй** (№№ 106—110), **двадцать третій** (№№ 111—115) и **двадцать четвертый** годы по 3 руб. за каждый годъ. Экземпляры за 1898, 1904 и 1910 гг. все распроданы; 1914 г. — 5 руб.; 1915 г. — 7 руб.; пересылка по разстоянію. Подписчики на 1916 г. получаютъ журналъ, при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 2 руб. за годъ до 1914 г. включительно. Всѣ книги можно выписывать наложен. платежѣмъ, при чемъ взимается съ каждаго руб. по 2 к.

Юбилейный номеръ (1885—1910) продается отдѣльно. Ц. 1 р.

За перемѣну адреса уплачивается 20 коп.; въ случаѣ неполученія либо номера журнала просить уведомлять объ этомъ контору не позже слѣдующаго за неполученнымъ номера.

Въ журналѣ помѣщаются платныя объявленія — исключительно научныхъ и художественныхъ изданій — по 10 руб. за страницу.

Редакторъ Л. М. Лопатъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННОКЪ

издающийся въ Петроградѣ подъ редакціей А. Н. Римскаго-Корсакова, приближайшемъ участіи Ю. Вейсберга, В. Г. Каратыгина, проф. Н. П. Лащина, А. В. Оссовскаго, П. П. Сувчинскаго и Ю. Д. Энгеля и при слѣдующемъ составѣ сотрудниковъ:

Арс. Аврамовъ, И. С. Айбергъ, Э. Т. Ашкенази, М. А. Бихтеръ, С. Богатыревъ, Е. В. Богословскій, Е. М. Браудо, С. Бутославскій, проф. С. К. Булчъ, В. Блазень, В. П. Владскій, Ю. Л. Вейсбергъ, И. И. Витоль, Я. Я. Гандшинъ, Р. Глери, М. Ф. Губинъ, М. Гольдшнейдеръ, А. Гречаниновъ, В. Гуторъ, А. Дродовъ, Г. Эманъ (Лондонъ), Н. С. Жилковъ, Н. Д. Зильберштейнъ, А. П. Ивановъ, М. Карлыгорески (Паризь), С. П. Кабуловъ, В. Г. Каратыгинъ, А. Д. Кастальскій, Н. Д. Кашикинъ, М. С. Керзина, П. П. Ковалевъ, Н. И. Крыжандовскій, проф. И. П. Лащина, А. И. Левинсонъ, М. С. Луцкъ, проф. С. М. Ляпуновъ, С. Майнгартъ, Н. А. Малько, Я. С. Медлинъ, Н. Металловъ, Ф. В. Митрановичъ, проф. Л. В. Николаевъ, Роза-Ньюмарчъ (Лондонъ), А. В. Оссовскій, А. В. Преображенскій, Г. Я. Рабиновичъ (О. Ларинъ), Н. Н. Римскаго-Корсакова, А. Н. Римскій-Корсаковъ, Н. П. Рихтеръ, С. Е. Розовскій, прив.-доц. А. Рудневъ, Л. Л. Сабаньевъ, Б. Л. Сабаньевъ, проф. Л. А. Сакогга, Л. О. Саминскій, проф. Н. А. Соколовъ, Н. Р. Струве, П. П. Сувчинскій, В. С. Сырова, Абабъ Тибо, Г. Н. Тимофеевъ, Б. Шлецеръ, А. Шмуцеръ, Амстердамъ, М. О. Штейнбергъ, Лео Функекъ (Гельсингфорсъ), М. И. Чайковскій, Б. Яковлевъ, В. В. Ястребовъ, Ю. Д. Энгель, проф. А. А. Энкхвалдъ и др.

„Музыкальный Современникъ“ не органъ партійный въ какомъ бы то ни было смыслѣ этого слова, а органъ музыкальной культуры въ Россіи.

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННОКЪ“ выходитъ въ видѣ: а) книжекъ „МУЗЫКАЛЬНАГО СОВРЕМЕННОКА“ (размѣромъ отъ 5 до 6 листовъ), выпускаемыхъ 8 разъ въ году (съ сентября по апрѣль) и иллюстрируемыхъ нотными примѣрами и художественными репродукціями (эскизы декораций, костюмовъ, портреты музыкальных дѣятелей, художественныя карикатуры и т. д.), в б) Хроники „Музыкальнаго Современника“ (отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ мѣсяцъ), состоящей изъ 1) рецензій, 2) корреспонденцій, 3) обзора печати, 4) обзора дѣятельности муз. общ-въ, 5) хроники, 6) полемики, 7) библиографическихъ и фотографическихъ перечней, 8) писемъ въ редакцію, 9) почтового ящика.

Журналъ будетъ печататься на бумагѣ верже

изъ СОДЕРЖАНИЯ БЛИЖАЙШИХЪ КНИЖЕКЪ: Е. М. Браудо, В. Ф. Бухъ, его жизнь и творчество; проф. С. К. Булчъ, — Исторія формальной литературы въ Россіи; проф. И. И. Витоль, — Ученіе о гармоніи; Шелбергъ, Я. Я. Гандшинъ, — Что такое органъ; М. Ф. Губинъ, — О природѣ музыкальнаго искусства; А. Т. Гречаниновъ, — О моихъ духовно-музыкальныхъ сочиненіяхъ; В. Г. Каратыгинъ, — Задачи музыкальной критики; О „Сорочинской ярмаркѣ“ Мусоргскаго. Къ 25-лѣтнію оп. „Кн. Игорьъ Бородинъ“ А. Кастальскій; А. В. Оссовскій, — Эволюція звукосоверданія. Забытый гений К. Монтеверди. Антибюрократическія Виргиналетты; А. В. Преображенскій, — Изъ первыхъ дней парижскаго жизни; А. Н. Римскаго-Корсаковъ, — Очерки по исторіи музыкально-критической мысли въ Россіи; Л. А. Н. Сыровъ, 2) В. В. Стасовъ, 3) Г. Парашъ, О „Соловьи“ Игоря Стравинскаго; Л. Л. Сабаньевъ, — А. Н. Скрябинъ, принципы и формы его творчества; Л. О. Саминскій, — Метаморфоза Валлеровскаго оркестра въ новой европейской музыкѣ; П. Сувчинскій, О музикализации въ старомъ Петербургѣ; В. С. Сырова, — Чета Вларамберговъ; Тибо, — Визитъ музыкальной печати и слуханъ; М. И. Чайковскій, — Переписка Чайковскаго и Римскаго-Корсакова; Ю. Д. Энгель, — Римскій-Корсаковъ и Вагнеръ. О музыкальномъ просвѣщеніи въ Россіи; В. В. Ястребовъ, — Анализъ музыкальной картины „Бадно“

Съ первой книжки журнала начнется печатаніемъ, неизданная еще, обширная, обнимающая нѣсколько десятилѣтій, переписка М. А. Балакирева и А. Н. Римскаго-Корсакова, съ предисловіемъ и примѣчаніями профессора С. М. Ляпунова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ — 8 РУБЛЕЙ.

Подписной годъ считается съ сентября. Подписка принимается въ отдѣленіи конторы журнала — Петроградъ, Рыночная, 10, конт. „Сирисъ“, тел. 583—07. При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается разорочка, при подпискѣ 4 руб., 2 руб. — 1 декабря, 2 руб. — 1 февраля. Подробный проектъ съ программой журнала, спискомъ сотрудниковъ и намѣченныхъ статей высылается по первому требованію бесплатно.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Петроградъ, Свѣчной пер. 2, кв. 12
Тел. 643—07

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ
на журналъ для матерей и воспитательницъ

ДОШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ

VI-й годъ изданія.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) Пропаганда идей дошкольнаго воспитанія, особенно народныхъ дѣтскихъ садовъ, и сближеніе послѣднихъ со школой.
- 2) Психологія дѣтства и экспериментальная педагогика.
- 3) Теорія и практика дѣтскаго сада: образцы уроковъ, бесѣды, игры, работы, пѣсенъ и т. п.
- 4) Гигіена дѣтскаго возраста и физическое воспитаніе дѣтей.
- 5) Критика и библіографія, Обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ.
- 6) Педагогическая хроника.
- 7) Письма въ редакцію.
- 8) Объявленія.

Въ журналъ принимаютъ участіе:

академ. В. М. Бехтеревъ, М. В. Безобразова, К. Н. Вентцель, Н. А. Вукотичъ, докторъ А. В. Владимірскій, З. С. Веселкина, А. А. Дернова-Ермоленко, А. С. Дараганъ, П. Егуновъ, Е. П. Залѣсская, И. Зарниціна, Е. И. Иорданская, П. Ф. Каптеревъ, Н. Каринцевъ, Е. Н. Кашкадамова, Н. С. Карцевъ, Е. П. Ковалевскій, В. С. Костромина, Н. Д. Лубенець, Т. Г. Лубенець, К. В. Маевская, Н. Мордвинова, А. Ф. Музыченко, В. Мурзаевъ, М. О. Петерсенъ, А. Н. Пѣшкова-Толивірова, В. П. Родниковъ, Е. Е. Соловьева, Е. Н. Сахновская, М. Х. Свентицкая, А. С. Симоновичъ, М. И. Страхова, Е. И. Тихѣва, Л. С. Тезавровская, Л. П. Товстоногъ, Г. А. Фальборкъ, А. Е. Цвѣткова, Е. М. Чарнолуская, М. Черняева, М. А. Чехова, Н. В. Чеховъ, Екатерина Янжуль, Э. В. Яновская и друг.

Журналъ будетъ выходить 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ). Въ каждомъ № журнала будетъ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: 2 рубля 50 коп. въ годъ, на $1\frac{1}{2}$ года — 1 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № въ розничной продажѣ 30 коп. За перемѣну адреса — 25 коп. Оставшіеся неполные комплекты журнала за 1911 г. высылаются за 1 р. 50 к., полные комплекты за слѣдующіе годы 2 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Стрѣлецкая, 4, кв. 3), въ магазинѣ «Дошкольное Воспитаніе» (Кіевъ, Прорѣзная, 4) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Изданіе Кіевскаго общества народныхъ дѣтскихъ садовъ

Редакторъ Н. Д. ЛУБЕНЕЦЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ

на литературно-историческій ежемѣсячникъ

„НАША СТАРИНА“.

Близкое и далекое прошлое Россіи, Запада и Востока въ историческихъ романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ, очеркахъ, воспоминаніяхъ, изслѣдованіяхъ и т. п. Приложение: „Иллюстрированная лѣтопись великой отечественной войны“.

Журналь „Наша Старина“, существующій третій годъ, общедоступный по цѣнѣ и по условіямъ разсрочки, даетъ живой, интересный, вполне литературный историческій матеріалъ, чуждый партійныхъ цѣлей и исторически строго правдивый.

„Наша Старина“ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, печатается на хорошей бумагѣ, иллюстрируется тщательно исполненными рисунками. Судить о разнообразіи содержанія журнала можно по слѣдующему перечню нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ въ 1915 г. (этотъ весьма краткій перечень намѣчаетъ лишь общія черты разнообразнаго содержанія журнала): „Въ вѣкъ Екатерины“, ист. романъ В. Тимофеева. — „Творцы Седанскаго погрома“, ист. повѣсть М. Ордынцева-Кострицкаго. — „Защитники Битца“, повѣсть, изъ временъ франко-прусской войны, Н. Козырева. — „Султанша изъ мѣстечка Рогатина“, ист. былль А. Евгеньева. — Изъ неизданныхъ писемъ Тургенева. — Памяти Августѣйшаго поэта К. Р. (по неизданнымъ письмамъ К. Р. и нашихъ классиковъ, воспоминанія), Н. Сергіевскаго. — Новонайденная рукопись К. Аксакова „О современномъ литературномъ спорѣ“. — Нѣмцы на русскихъ фабрикахъ и заводахъ, очерки нѣмецкаго заселья А. Дунина. — Балтійская твердыня, С. Изгоева. — Изъ воспоминаній священника, Н. Рождественскаго. — „Мои предки, очерки давнишняго духовнаго быта, Протасова. — „Ужинъ у о. Аркадія“, изъ альбома „монопольныхъ“ нравовъ, Садко. — „Воспоминанія чертенка“, очерки закулисныхъ нравовъ, В. Чубарова. — „Памяти Савиной“, воспоминанія С. Аверкіевой. — Воспоминанія А. К. Анненковой. — Воспоминанія шестидесятника, И. Плетенева. — „Къ исторіи трактира на Руси“, очерки А. Дунина, „Зеленый змій въ старомъ Петербургѣ“ (матеріалы къ исторіи пьянства), П. Столпянскаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Въ годъ 7 р., полгода 4 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 марта 2 р. и къ 1 июня 2 р.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ „Нашей Старины“: Петроградъ, Б. Московская, 1, тел. 655—69 (тутъ же Редакція), а въ провинціи во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и почтовыхъ учрежденіяхъ.

Редакторъ-издатель **Н. Н. Сергіевскій.**

Печат. разрѣш. 22 октября 1915 г. За Петрогр. Градонач. Помощи. Градонач. Камергеръ *Лисогорскій.*

„ШКОЛА И ЖИЗНЬ“

ежегодный общественно-педагогический журнал
с обязательными приложениями

издается в Петрограде под общей редакцией Г. А. ГАЙДЕНКО

Открыта подписка на 1916 год.

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Школа, краеугольный камень национальности бытия, неразрывно связана с жизнью. Ее задача — развивать эту связь и при свете мировой мысли усовершенствовать сознание народа. Школа — это шаг вперед по жизни — шаг к высшей ступени бытия. Организмическое единство школы и жизни — коренная задача воспитания.

Газета будет выходить по прежней программе, по старой программе.

1) Статьи по вопросам: а) организации школы и школьного заводоуправления, б) общепедагогической теории и практики.

2) Статьи по различным вопросам образования и воспитания.

3) Фельетоны, характеристики, по преимуществу, внутрискольные, или полуэпиграммной разности, стороны жизни.

4) Обзор общей печати.

5) Хроника образования, в которой первое место будет уделено деятельности единоначальника, учителя, преподавателя, учителя самообразования и т. д.

6) Хроника школьной жизни в России, с целью выяснить ее развитие и ее тенденции.

7) Обзорные специальные литературы, русской и иностранной.

Откликаться на все вопросы школьной жизни, газета уделяет особое внимание положению народного учителя, реформе средней школы, антинациональному просвещению.

В числе сотрудников, при желании их составят, газета имеет преподавателей, земских и городских деятелей, членов заводоуправлений газет и многочисленных корреспондентов на местах, подробно осведомленных о жизни провинции.

В числе приложений на 1916 г. будут даны: сборники по физическому воспитанию и по национальному воспитанию; по вопросу о среднешкольной реформе будет дан перевод новоявленного коллективного труда американских педагогов под редакцией проф. Моира — „Основы среднего образования“; „Педагогиня“ Гансберга — единственный опыт построения педагогика на широких демократических основах, и другие книги, — в общем не менее 70 печатных листов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на газету с ежем. безпл. прил. на год на 6 мѣс. на 2 мѣс. с доставкой и пересылк. **6 р. 3 р. 2 р.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

в Главной Конторѣ (Петроградъ, Лиговская ул., 87), во всехъ почтово-телегр. отд. и солидныхъ книжныхъ магазинахъ. Пробные №№ высылаются бесплатно.

— телефон —

Объявленія: Цена за строку поизарема (при 4 столбцахъ въ страницѣ): полади текста — 25 к., пороль текста — 40 к., на обложкѣ — 60 к.